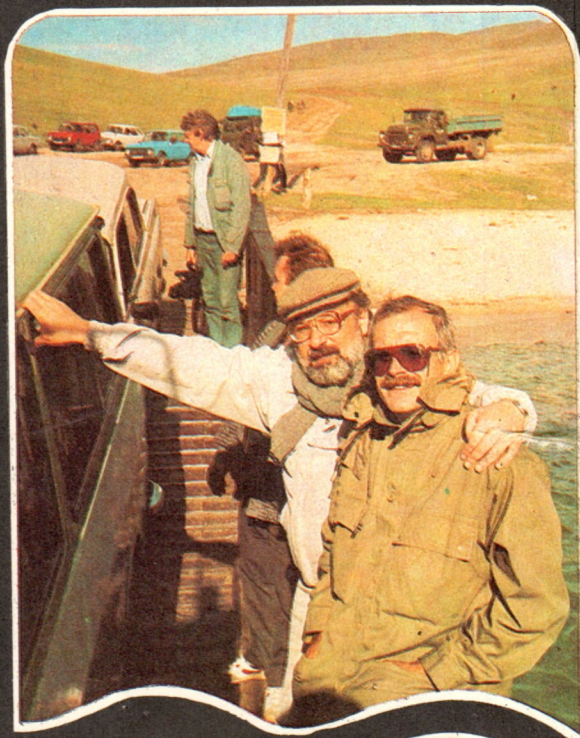
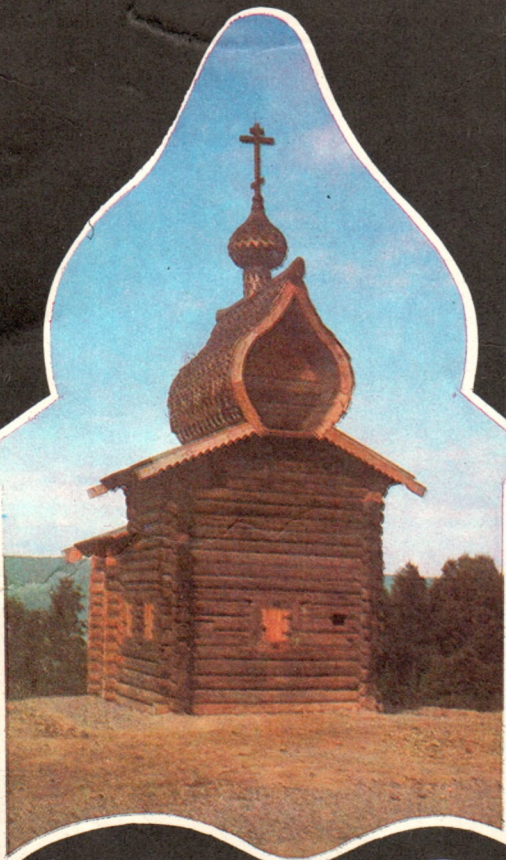

Н. Михалков и
Р. Ибрагимбеков
С. Говорухин
И. Бергман
М. Дитрих
В. Фрид
В. Черных
И. Вайсфельд
А. Инин
В. Песков

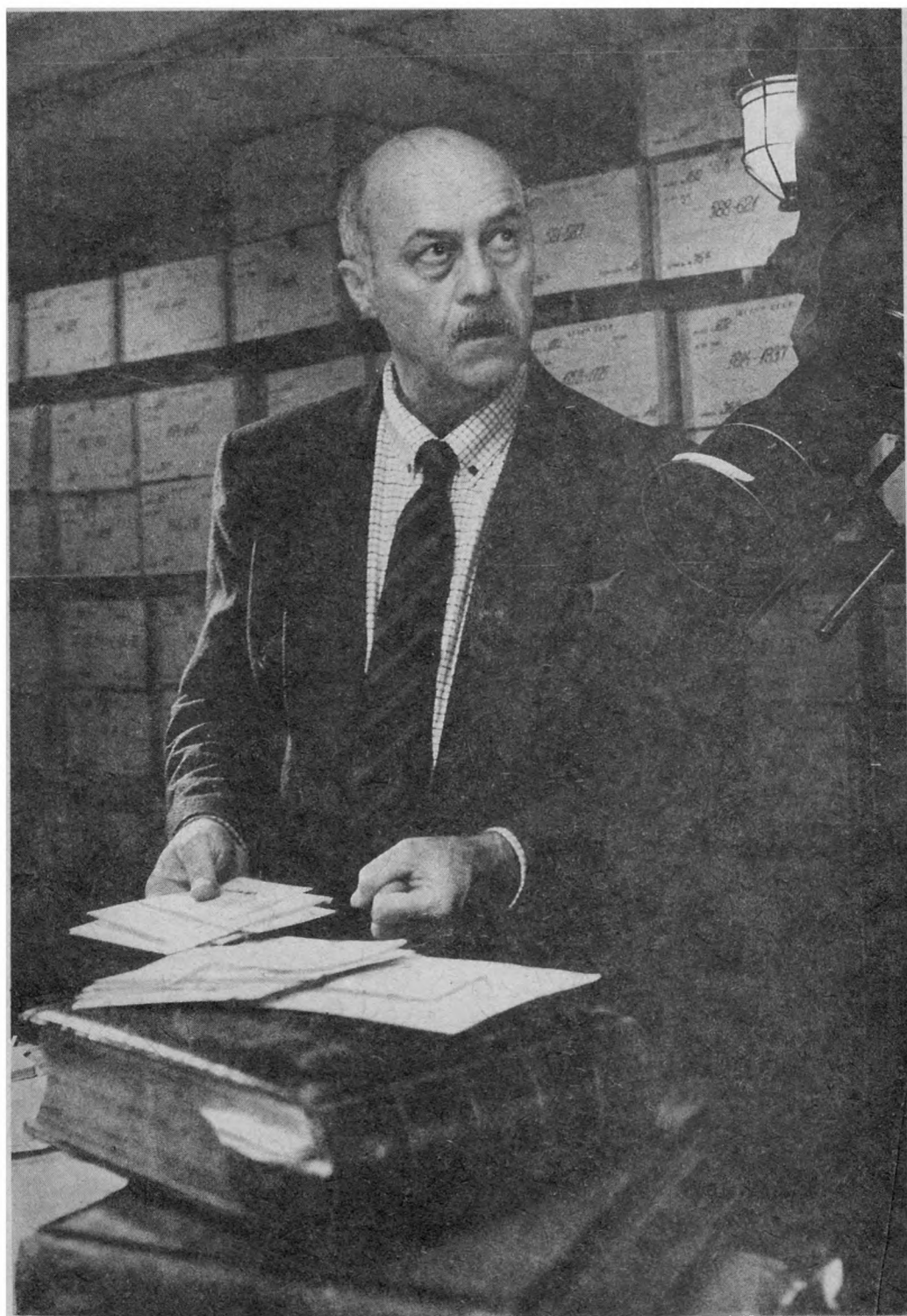

Киносценарии 3'92

Сибирская православная часовня
Р. Ибрагимбеков и Н. Михалков
на выборе природы. Озеро Байкал

РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Фильм первый

Россия...

Необъятные просторы, богатейшие земли...
Ныне — истерзанная земля, обессиленная, отдавшая все свои соки неразумным детям.

Россия.

Почему она стала такой? И почему мы, дети ее, живем так трудно и так глупо?

Где путь к возрождению?

Людям без роду, без племени, без корней, без истории и исторического опыта никогда не выбраться на этот путь.

Поэтому, наверное, надо вспомнить, кто мы, кто наши родители, что есть мать-земля наша Россия?

Когда мы брались за эту тему, историки, люди серьезные и осторожные, остерегали нас: постарайтесь избежать восторгов по поводу старой России: не так уж там все было замечательно...

Во-первых, все познается в сравнении. Как бы ни было плохо в царской России, но пришел февраль 1917 года и — стало неизмеримо хуже.

Во-вторых, чем больше узнаешь эту неизвестную нам страну, тем больше влюбляешься в нее. Это происходит невольно.

И, в-третьих...

Как для оболганного, униженного человека никакое доброе слово в его адрес не покажется лишним, так и оболганная (с оболганной, фальсифицированной историей), униженная страна нуждается в добром слове, сказанном хотя бы на ее поминках.

Как же назвать наш фильм?

Мы выбрали самый неблагоприятный жанр, это как бы даже не фильм, а лекция:

КРАТКИЙ КУРС
ИСТОРИИ РОССИИ ПЕРЕД
ОКтябрьским ПЕРЕВОРОТОМ

Но нет! Новейшая история России еще не написана, и не нам написать ее. Это сделают когда-нибудь настоящие историки.

А то, что попытаемся рассказать мы... Это как бы впечатления человека, который начал узнавать историю собственной страны уже в зрелом возрасте. Как пайку хлеба заключенному, так нам ежедневно выдают то одну страничку нашей истории, то другую. И то, что мы узнаём — переворачивает душу. Сегодня, издавелека, кажется дьявольским наваждением то, что происходило с Россией в начале века. Какое-то всеобщее ослепление. Слово Господь отнял у людей разум.

А может, назвать фильм так:

РОССИЯ
ПЕРЕД ПРИШЕСТВИЕМ
АНТИХРИСТА

Но и это, конечно, не название. Нельзя объяснить все так просто, одними мистическими силами.

Наша задача еще и в том, чтобы показать, что мы имели. Имели, но потеряли.

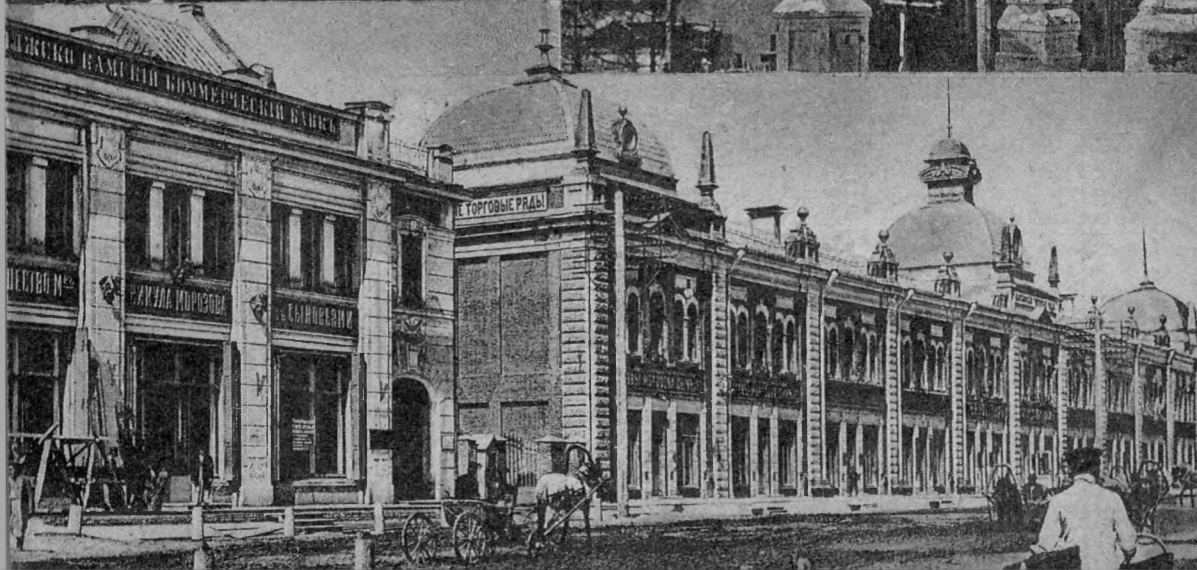
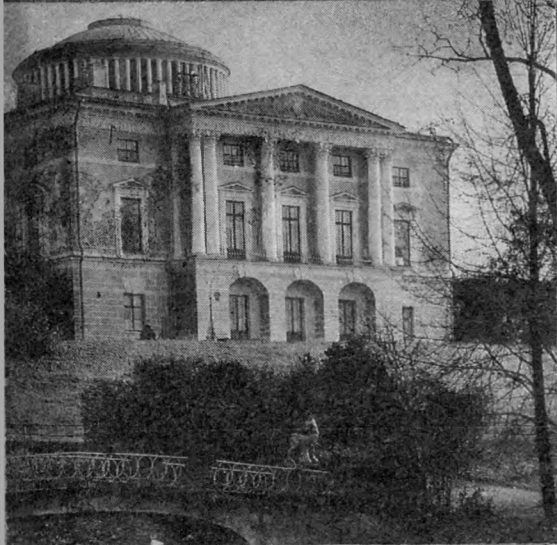
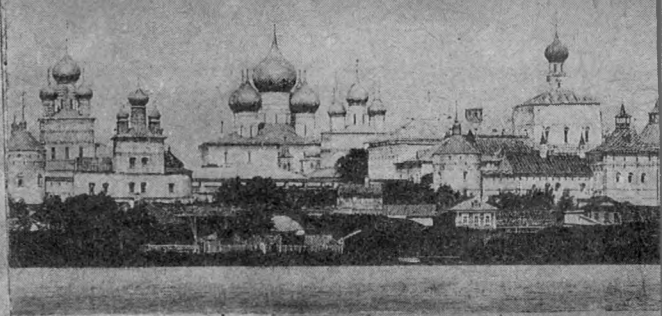
Но не все мы потеряли безвозвратно. Многое можно еще вернуть. Идея Возрождения предполагает не одну только устремленность в будущее.

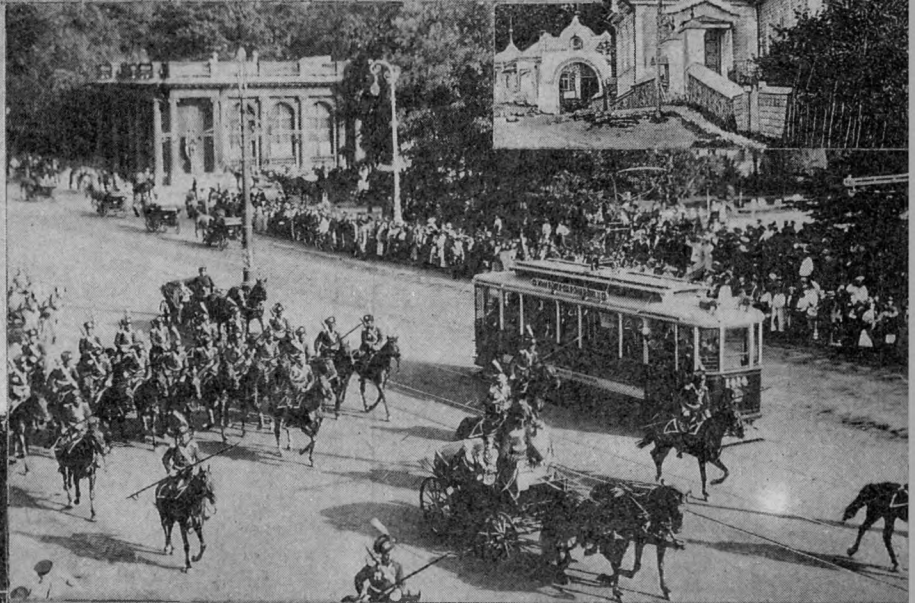
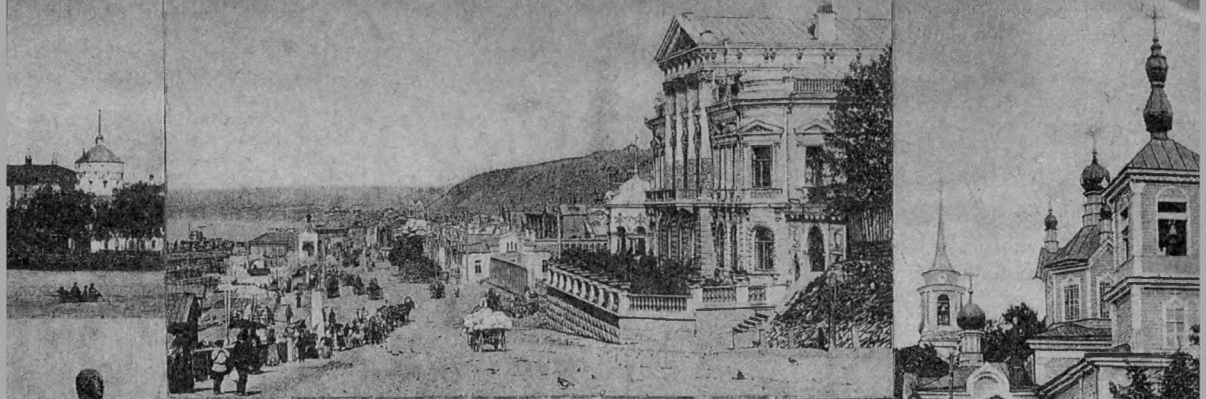
Спросили бы меня: куда идти? Вперед или назад?

Ответил бы не задумываясь: сначала назад. Посмотреть, что мы порастеряли в дороге. Поднять то, что еще сохранилось...

Но назад — не к сохе и лаптям. Назад — к чести и согласию. К Богу, если хотите. К тем высоконравственным христианским заповедям, по которым тысячу лет жил великий народ.

Но тут надо помнить: человеку, утомлен-

Российская деревня, 1991 г.

ному трудной дорогой, обратный путь всегда кажется длиннее.

История скрывает не только прошлое народа, в ней сокрыто и его будущее.

Чтобы узнать, что с нами будет, надо понять, что с нами было. Чтобы узнать свое будущее, нужно заглянуть в историю.

Позже, возможно, придет другое название, но пока я назвал фильм

РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ...

В 1914 году в Париже вышла книга Эдмона Тэри «Россия в 1914 году. Экономический обзор».

Французский ученый приводит убедительные данные экономического состояния России и делает вывод:

«К середине текущего столетия Россия будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношениях».

О том, что Россия кормила своим хлебом Европу, мы уже знаем. Ее называли житницей Европы. В России хлеба было на одну треть больше, чем в самых крупных земледельческих странах мира — Аргентине, Канаде, США вместе взятых.

Производство русского льна составляло 80 процентов всей мировой продукции.

Россия добывала 70 тонн золота — десятую часть его мировой добычи.

Но дело даже не в частностях, а в общей тенденции.

Добыча каменного угля возросла за последнюю четверть XIX века в шесть раз! — значительно больше, чем где-нибудь в мире.

И так всюду — не будем утомлять цифрами.

Развитие промышленности шло бурными темпами. Перед революцией Россия уже перестала нуждаться во ввозе иностранных изделий. Ее заводы могли производить все: от самоваров и велосипедов до подводных лодок и аэропланов.

Лапотная, неграмотная Россия...

Грамотность в России составляла 70 процентов. В сельских школах с 1908 года образование — бесплатное и обязательное. Перед самой революцией вводится всеобщее обучение. К 1922 году не должно было остаться ни одного неграмотного человека.

В 1927 году на съезде ВКП(б) Крупская жаловалась:

«Стыдно оттого, что за 10 лет советской власти грамотность в стране значительно убавилась».

А теперь о ценах.

Хлеб стоил 2,5—3 копейки фунт,

сахар — 12—17 коп. фунт,

масло — 40 коп. фунт,

мясо — 15 коп. фунт,

икра — 3 руб. 40 коп. фунт,

водка — 13 руб. ведро.

Ученик рабочего получал 30 руб. в месяц,

слесарь — 74 руб.,

профессиональный рабочий — 344 руб.,

врач — 240 руб,

учитель — 210 руб.,

инженер — 200 руб.

Среди неисчислимых и невозвратимых потерь, которые понес народ, и начисто забытая русская кухня. Откроем Гиляровского — большого знатока московского быта.

«Ну-с, Кузьма Петрович, сооруди сперва водочки...»

— Слушаю-с.

— А теперь сказывай, чем угостишь?

— Бальчок получен с Дона... Янтаристый.. Так степным ветерком и пахнет... Потом белорыбка с огурчиком. Манность небесная, а не белорыбка. Икра белужья парная... Калачики чувевские. Поросеночек с хреном...

— Так, а чем покормишь?

— Селяночку с осетриной, со стерлядкой: ...живенькая, как золото желтая, нагулянная стерлядочка, мочаловская.

— Расстегайчики закрась налимьими печенками...

— Слушаю-с. А потом я рекомендовал бы натуральные котлетки а ля Жардиньер. Телятина, как снег белая. Лососинка есть живенькая, петербургская... Спаржа, как масло...»

Наверное, для современного молодого человека все это — некий тарабарский язык. Он просто не поймет ничего. Как не поймет описания тем же Гиляровским того, что стояло на витринах Елисеевского магазина:

Мост Александра III в Париже, подаренный Россией Франции в 1897 г.

Фрагмент моста Александра III в Париже

«Окорока вареные, окорока вестфальские провесные с откинутым плащом... Жирные остендские устрицы, фигурно разложенные на слое снега, огромные красные омары и лангусты... Стерляжья мелкая икра, темная осетровая и крупная, зернышко к зернышку, белужья. Ароматная паюсная, сухая мешочная, паюсная икра с особым землистым ароматом...»

Ну, хватит, наверно. Похоже на издевательство над нашим человеком...

Листаю в Архиве толстую книгу. Господи, сколько же их было — Попечительство детских приютов, Попечительство о глухонемых, о слепых, об охране материнства и младенчества — нескончаемый список. И в конце каждой справки: УПРАЗДНЕНО Великой Октябрьской революцией.

Была упразднена великолепно отлаженная система государственной, ведомственной и частной благотворительности.

«Социалистическому строю СССР чуждо понятие благотворительности» — читаем в первом издании Советской энциклопедии.

Господи, кто же придумал этот строй, которому чуждо проявление сострадания к ближнему!

А сейчас такая демографическая справка. Ее приводит тот же Эдмон Тэри в своей книге.

В 1948 году население России должно было составлять 343 миллиона человек!

Разумеется, цифра весьма приблизительная. Французский ученый учитывал население Польши и Финляндии — тогдашних провинций России, методы подсчета были несовершенны.

И все-таки...

Как раз в 1950 году в нашей стране проводилось исчисление. Население СССР составляло 178 милл. человек.

Куда же девались более ста миллионов?

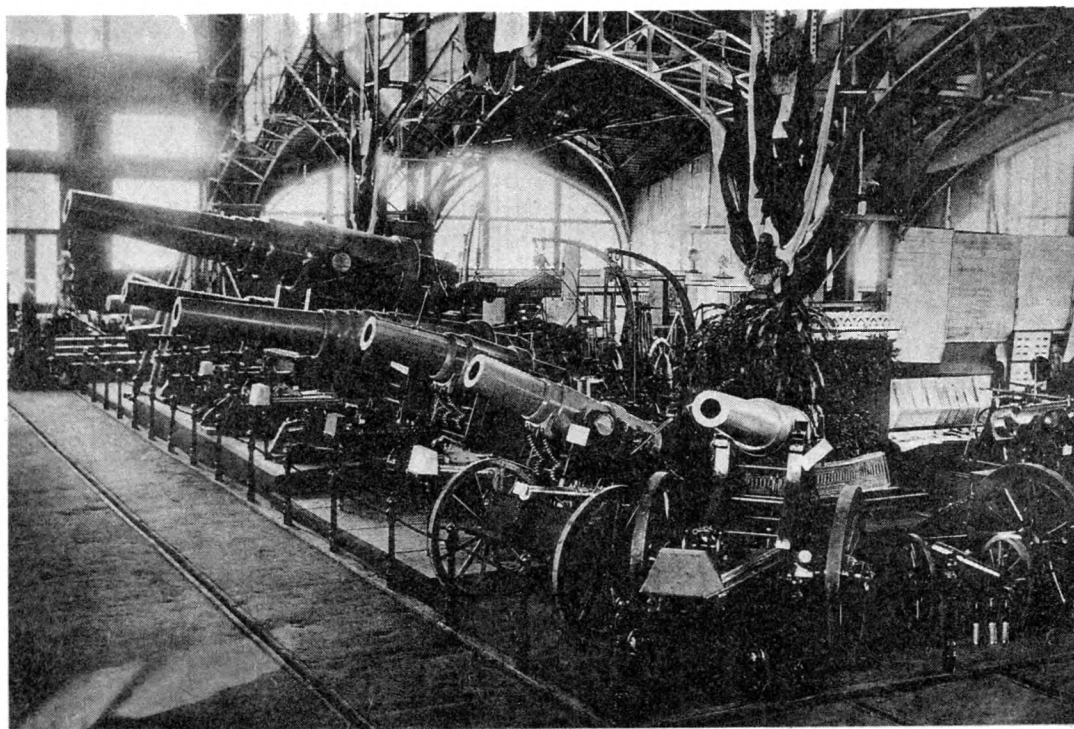
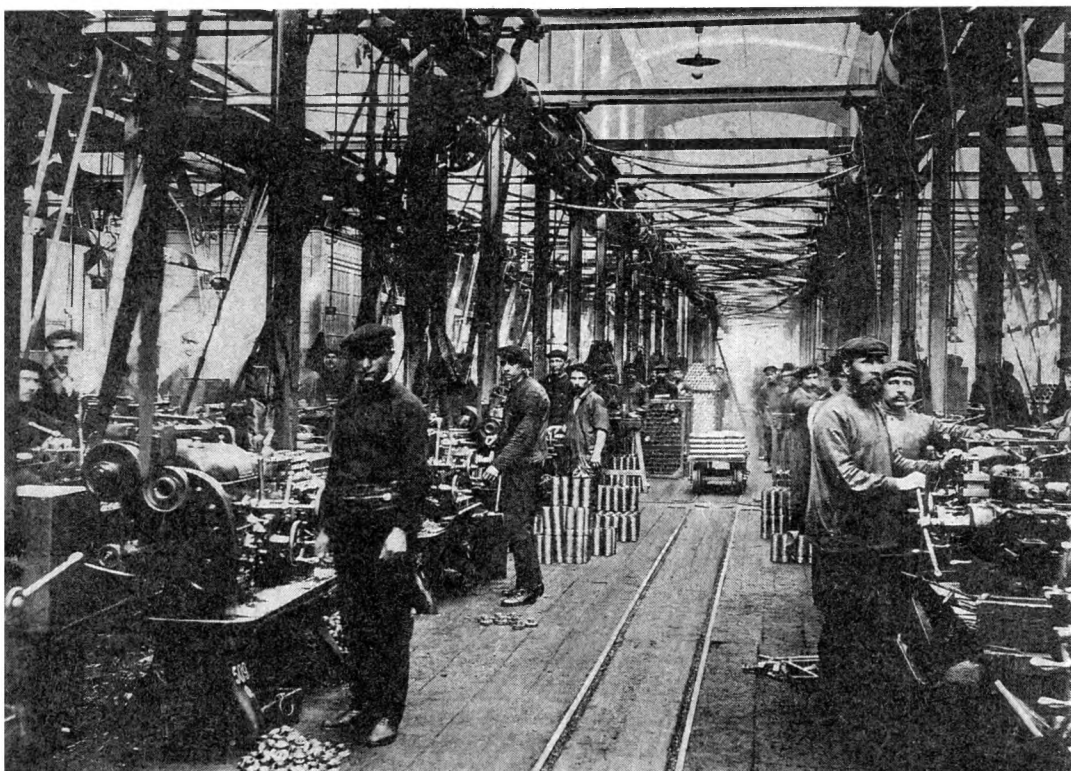
Вот она, наша жуткая история в цифрах.

35—40 миллионов погибли в Отечественной войне. 66 миллионов — во внутренних войнах. Террор, гражданская война, голод, коллективизация... В 1917 году большевики объявили войну своему народу. 66 миллионов погибли в этой войне!

Редакция приносит извинение писателю Анатолию Николаевичу Курчаткину. При публикации сценария Вл. Кунина «Ребро Адама» не было указано, что этот сценарий — экранизация повести А. Курчаткина «Бабий дом».

**Пожарная команда
Извозчик**

**Цех завода
Всероссийская промышленно-художественная выставка в Москве, 1882 г.**

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ

Его построила «темная лапотная Россия», русские мужики (женщины тогда не горбатились на тяжелых работах). Путь из Петербурга во Владивосток. Сначала — через Маньчжурию. Во время русско-японской войны выяснилось, что это неудобно — по стратегическим соображениям. Царю принесли на подпись другой проект — дорогу по территории империи, вдоль Амура. За несколько лет была построена и эта дорога. Ни по скорости строительства, ни по крупности инженерных задач, ни по тяжести климатических условий строительство это не имело аналогов в мире.

Но и это еще не все. За это же время было осуществлено и другое строительство, поражающее воображение своими масштабами: Трансзиатская магистраль. Из русских столиц — в Туркестан. Через степи и пустыни.

Или такой ошеломляющий проект, которому не дано было осуществиться из-за революции: Транс-Аляска — Сибирь. Железнодорожный путь от станции Канск через Киренск, Якутск, далее через мыс Дежнева на Аляску. Два тоннеля под проливом, один — под русскими водами до острова Ратманов, другой — под американскими. Общая стоимость проекта 470 миллионов золотых рублей.

«Отсталая» Россия строила 2600 верст железных дорог в год. Даже в лучшие годы советской власти более 1500 километров не строили. А километр, между прочим, меньше версты. Да и что это за дороги? Посмотрите как-нибудь на досуге — дороги эти вели в основном к лагерям. Как, например, эта: Салехард — Норильск, так называемая «мертвая дорога». Построена она рабами-заключенными и давно уже погибла, утонула в вечной мерзлоте. Кости сотен тысяч людей лежат под этими рельсами.

Результаты может дать только свободный труд. Потому что каждый работник заинтересован в конечном результате.

Рабы или фанатики успеха не добьются. Мне могут возразить, приведя в пример египетские пирамиды или Днепрогэс. Но...

Поговорим еще и о Днепрогэсе.

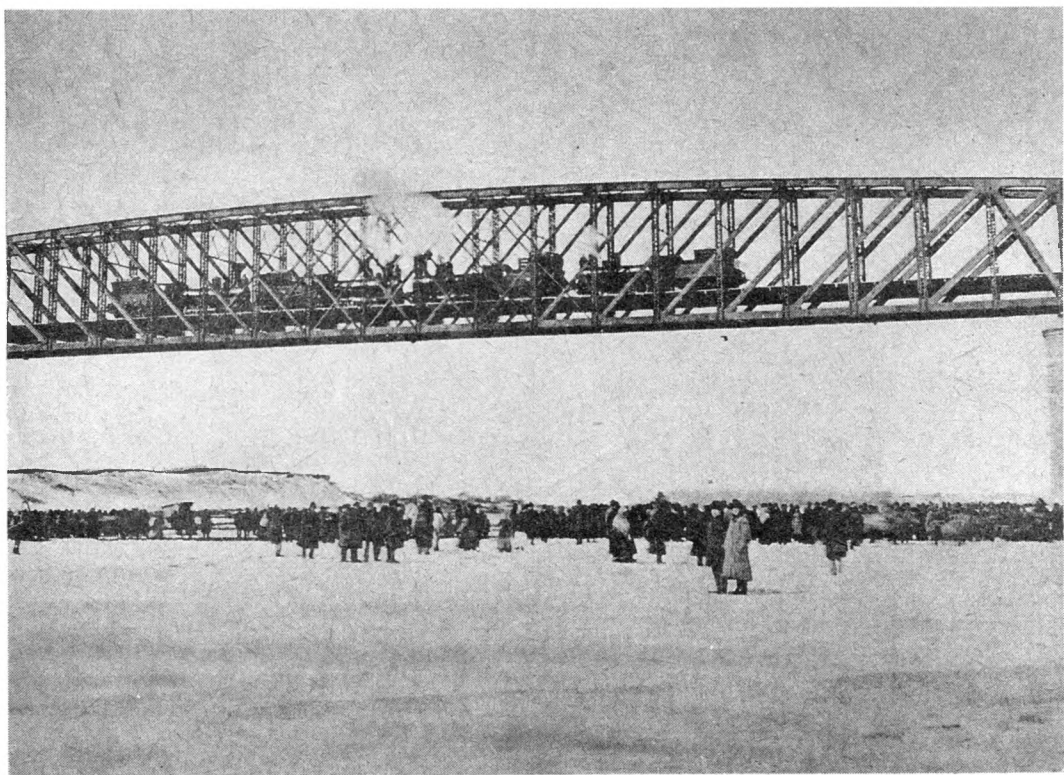
А пока на память приходит другой пример. После войны силами огромной армии рабов — советских заключенных правительство решило осуществить грандиозный проект. Все планы большевистских правительств были грандиозными и планетарными. Короче, начали рыть тоннель под Татарским проливом. Чтобы соединить Сахалин с материком. Мне как-то довелось говорить с человеком, которому удалось вырваться из этого ада. В нем, в этом аду, погибли сотни тысяч заключенных. Сейчас и входа в тоннель не найдешь — все залито водой.

А БАМ — Байкало-Амурская магистраль? БАМ, по-вашему, Брежнев соорудил? Нет, он тоже был «сделан» царской Россией. То есть были проведены топографические, геодезические, геологические изыскания. Работы, кстати, велись под руководством инженера Гарина-Михайловского, известного русского писателя. Осталось только рельсы и шпалы положить.

Эти рельсы и шпалы мы кладем семьдесят лет. Советская власть начала строить БАМ еще до войны. Мало кто знает об этом. Строили-то дорогу заключенные. Перед войной, в 1940 году на коротком участке дороги даже прошел первый поезд. В войну рельсы сняли, они пошли на строительство Сталинградской рокады.

В семидесятых годах строительство БАМа возобновилось.

Вы когда-нибудь были на БАМе? И не надо. Искалеченная природа, искалеченные люди. Приехали они туда молодыми,

Строительство Великого Сибирского пути

**Строительство железной дороги
Испытание железнодорожного моста**

а сегодня им за сорок, и нет у них никакого будущего.

Как и все люди моего поколения, я раньше думал: если бы не революция, не советская власть, не было бы в России ни Днепротреста, ни атомной бомбы, ни Гагарина...

Но вот что мы обнаружили в Историческом Архиве Санкт-Петербурга.

1832 год, доклад полковника Шишова в Комиссию проектов и смет... о строительстве каменной плотины на Днепровских порогах... Это же Днепротрест! Как вы думаете, смогла бы страна, построившая Великий Сибирский путь, которым восхищался весь мир, перегородить не такую уж широкую речку? Думаю, что смогла бы. Если бы очень хотелось погубить Днепр.

А метро в Москве? Его что, Каганович придумал? В 1913 году началась подготовка к прокладыванию метро и были заложены электростанции. В 1915 году должна была быть пущена первая линия — помешала война.

Сегодня только самого отсталого человека можно купить на «утку» о темной и нищей России 1913 года. Именно с этим предвоенным годом наши бывшие идеологи любили сравнивать советские достижения.

Перед первой мировой войной страна развивалась фантастическими темпами. И ничто, пожалуй, так ярко не иллюстрирует это бурное развитие, как строительство транспортных магистралей, о которых мы успели сказать всего чуть-чуть.

СТОЛЫПИНСКАЯ РЕАКЦИЯ

Когда император Павел I издал закон, по которому крестьянин должен был работать на помещика не всю неделю, а только три дня, дворяне возненавидели его. В конце концов «антидворянского» царя убили в результате заговора.

Мало кто, наверное, знает, что Александр Первый разрешил помещикам отпускать крестьян на волю. Никто из дворян, даже будущих декабристов, не последовал его приглашению.

Крепостное право было уничтожено при Александре Втором. Оно было отменено сверху — указом императора. Уместно вспомнить, что в эти же годы в Соединенных Штатах шла кровопролитная война за отмену рабства. В России с рабством было покончено одним росчерком государственного пера.

Александра Второго называют царем-Освободителем. Он был дважды Освободителем. При нем славянские народы Балкан были освобождены от турецкого ига.

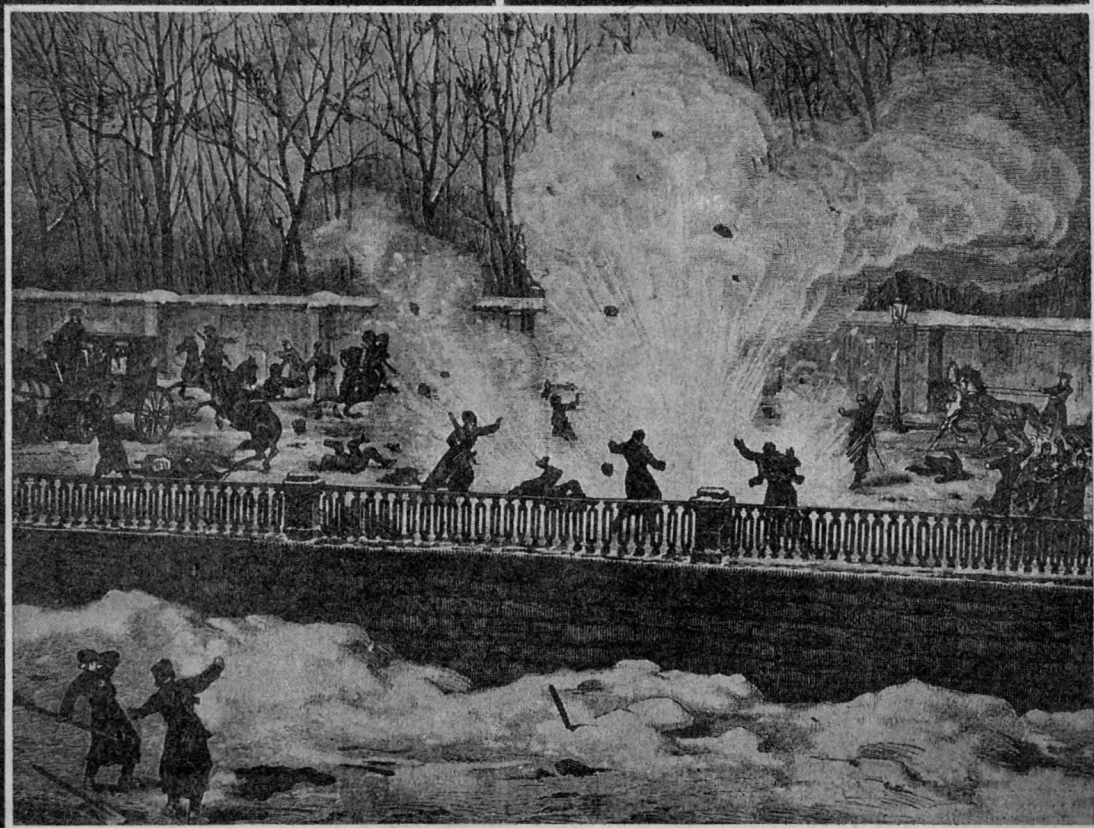
Впрочем, его можно было бы назвать Освободителем — трижды. В самый ответственный период гражданской войны в США русский царь послал на помощь республиканцам две эскадры военных кораблей. Одну — на Атлантическое побережье, другую — на Тихоокеанское. Сказать, что русское военное присутствие решило исход войны против рабства, разумеется, нельзя, но эффект был огромен.

И вот на этого царя-Освободителя русские революционеры устроили настоящую охоту. Одно неудачное покушение, другое... И, наконец, удача! Взрывом царю оторва-

Александр II

Храм Спаса на Крови в Петербурге
Покушение на Александра II

ло ноги. Он был еще жив, когда его привезли в Зимний Дворец. Успел проститься с близкими и, наверное, простить убийц... Тринадцатилетний Николай стоял у постели умирающего деда.

Все царские правительства большевики называли безмерно жестокими...

Но вот цифры: от восстания декабристов до 1905 года со всеми покушениями и заговорами было казнено 100 человек. За 80 лет!

За убийство Александра Второго было казнено пять человек. За выстрел в Ленина поплатились жизнью десятки тысяч. Причем невинных — взятых в качестве заложников.

Русское либеральное общество, русская интеллигенция не выказали видимого огорчения об убийстве царя. Это поощрило революционеров...

Передо мной альбом — в нем фотографии революционеров, готовивших и осуществивших планы убийства государственных деятелей и представителей власти. Альбом был собран по заказу императора Александра Третьего. Что он делал с ним? По вечерам перелистывал его, всматривался в лица людей, убивших его отца, мечтающих убить его самого? Пытался понять, что руководило этими людьми?..

Вот Вера Засулич... Она стреляла в градоначальника Трепова из пистолета самого большого калибра — с таким ходят на медведя. Суд оправдал ее. Светлый миг русской истории! Толпа несла освобожденную на руках...

Общество рукоплескало убийцам. В таком случае — что ж оно хотело получить, это общество? Все, что случилось потом — закономерно и оправданно.

А ведь мы и сегодня такие же. История нас ничему не научила. Посмотрите только на названия наших улиц: от разбойника Стеньки Разина до изувера Нечаева, до Желябова, Халтурина, Перовской... Ни одного убийцу не пропустили.

Итак, образованная часть общества жаждет революции. Чтобы приблизить ее, надо разрушить существующий строй. Как? Да как угодно. Что бы ни делать — лишь бы во вред властям.

Во время русско-японской войны император Японии получает телеграммы от русских либералов — с пожеланиями ему скорейшей победы.

Лишь бы рухнул режим.

Своего пика волна убийств достигла к началу века. Сначала убивали министров и губернаторов, потом уже начали убивать тех, кого легче было достать.

В Первой Государственной думе огласили: убито 288 и ранено на улицах 338 русских граждан, в основном простых горо-

довых...

— Мало! — кричали со скамьи левых.

Первая русская революция 1905 года была и первым звонком, который должно было бы услышать разумное общество. Это уж потом, после победы Октября все стало ясно. Большевизм оказался в изоляции — интеллигенция не пошла за ним, крестьянство выжидало, сознательные рабочие приглядывались. Большевики прибегали к помощи деклассированных элементов — городских ломпов, голодранцев-крестьян, обычно презираемых всей деревней, да и просто уголовников.

Первый звонок прозвучал за 12 лет до Октября.

Страна наводнилась уголовниками, выпущенными из тюрем. Они смешались с толпой и были самыми активными из восставших.

Пошли ежедневные дерзкие грабежи: кассы, почты, магазины, винные лавки... Был ограблен Московский Купеческий банк на 800 тысяч рублей.

Так что первый звонок — на что способна чернь, получившая разрешение на грабеж и убийство, — раздался в 1905 году.

Он не был услышан.

Общество стремительно левело.

Замечательный писатель, знаток русских революций, Александр Солженицын пишет: «Общество левело — и по убеждениям, и из опасения перед теми, кто крикнет левее всех. Больше всего боялись не оказаться заодно с левыми».

Он же, Солженицын, приводит пример: в больницах левые врачи лечили только революционеров и солдат. А тех, у кого крест на груди, даже не брали в больницу.

После революции террор достиг неслыханного размаха. Террористы писали в инструкциях: бомбы делать чугунные, чтобы больше осколков, и начинать гвоздями.

В Севастополе бросили бомбу в офицера и убили свыше ста человек. Среди них были дети.

Человеком, который покончил с революцией и террором, был Петр Аркадьевич Столыпин.

Столыпин, — безусловно, самая яркая и самая значительная фигура в предоктябрьской России. Среди его предков — Суворов, среди родственников — Лермонтов (бабка Лермонтова, если помните, была — Столыпина). Он пришел в Петербург волевым посланцем русской провинции. Саратовский губернатор, он еще в пору своего губернаторства пережил несколько покушений. Террористы грозилась убить его сына — единственного сына после пяти дочерей. В 1906 году Столыпин был назначен министром внутренних дел, а вскоре и премьер-министром.

Мысль Столыпина была: чем тверже в са-

мом начале, тем меньше жертв. Он ввел военно-полевые суды. А чем, скажите, суд революционеров справедливее военно-полевого суда? На своих тайных судилищах они выносят смертные приговоры, руководствуясь не законами, а только ненавистью.

Только в 1905—1906 гг. бомбами и браунингами было убито и искалечено 20 тысяч человек.

«Там, где аргумент — бомба,— сказал Столыпин,— там естественный ответ — беспощадность кары».

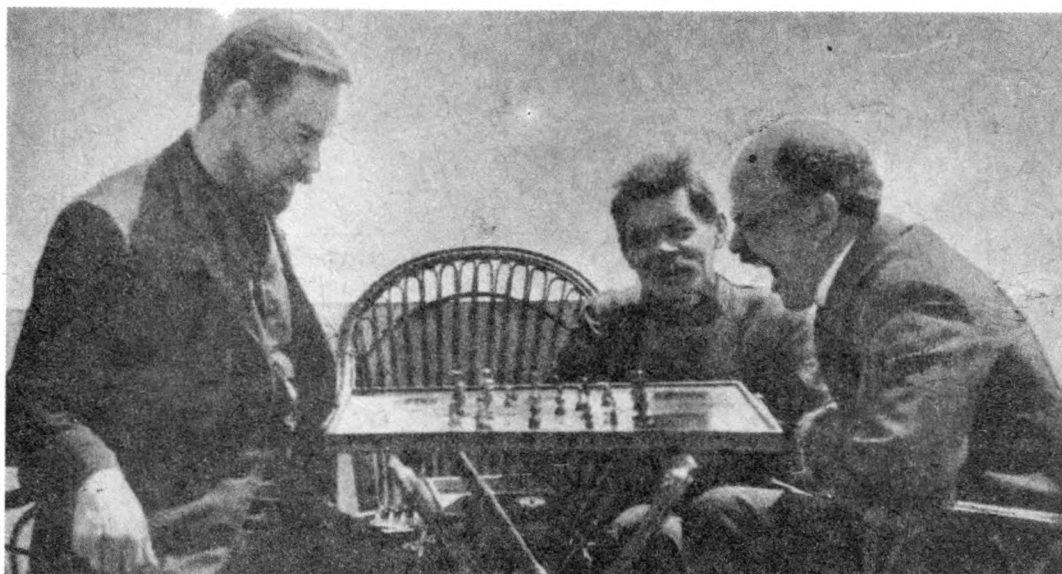
Военно-полевые суды приговаривали к смертной казни только за самые тяжкие преступления, и все равно поднялась волна протестов (и от Льва Толстого тоже, недаром Ленин называл его «зеркалом русской революции»): нельзя сметь казнить

ском острове. Сила взрыва была огромна, трупы погибших превратились в бесформенные куски мяса. Погибло 27 человек, ранено было 32. Пострадал сын Столыпина, дочку же выбросило с балкона на улицу под колеса лошадей. Она осталась хромой на всю жизнь. Не пострадал только один человек — сам Столыпин.

— Да здравствует мужественная жизнь, господа,— заявил после этого Столыпин,— и да посрамятся трусы!

С террором было покончено. Революционеры бежали за границу. Ленин, практически и не уезжавший из эмиграции, был в отчаянии: «Мы не доживем до революции»,— жаловался он.

Началось великое выздоровление страны. Пора было приниматься за реформы.

Ленин в гостях у Горького на Капри

вообще никого, даже самых зверских убийц. Всякий, кто не одобрял террор, понимался русским обществом сам как каратель.

Между тем террор стал заметно ослабевать.

«Россия сумеет,— говорил Столыпин,— отличить кровь на руках палачей от крови на руках добросовестных хирургов». Может быть, какому-то историку удастся подсчитать, скольким тысячам русских людей спас жизнь Столыпин.

Одной из последних судорог террора было покушение на самого Столыпина — трудно сказать, какое по счету.

В 1906 году взбесившиеся революционеры взорвали дачу премьер-министра на Аптека-

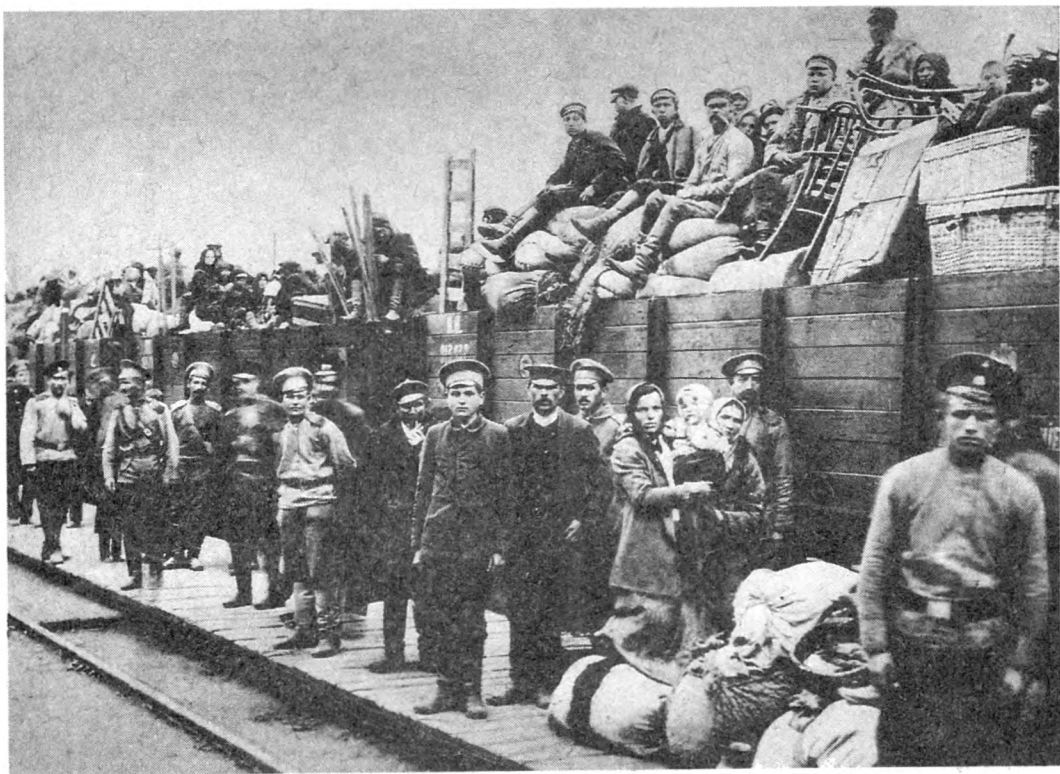
рской улице. Главная идея Столыпина была такова: нельзя создать правового государства, не имея прежде независимого гражданина. А такой гражданин в России — крестьянин.

При Столыпине произошло истинное и полное освобождение крестьян. Крестьянин получил в свою собственность землю.

Столыпин хорошо понимал: крепкий крестьянин на своей земле — преграда для всякого разрушительного движения, для всякого коммунизма.

Результаты столыпинской реформы были ошеломительны. Только за четыре начальных года страна довела годовой сбор хлеба до 4 миллиардов пудов!

Столыпину удалось осуществить и еще одну свою давнюю мечту: освоить пустую

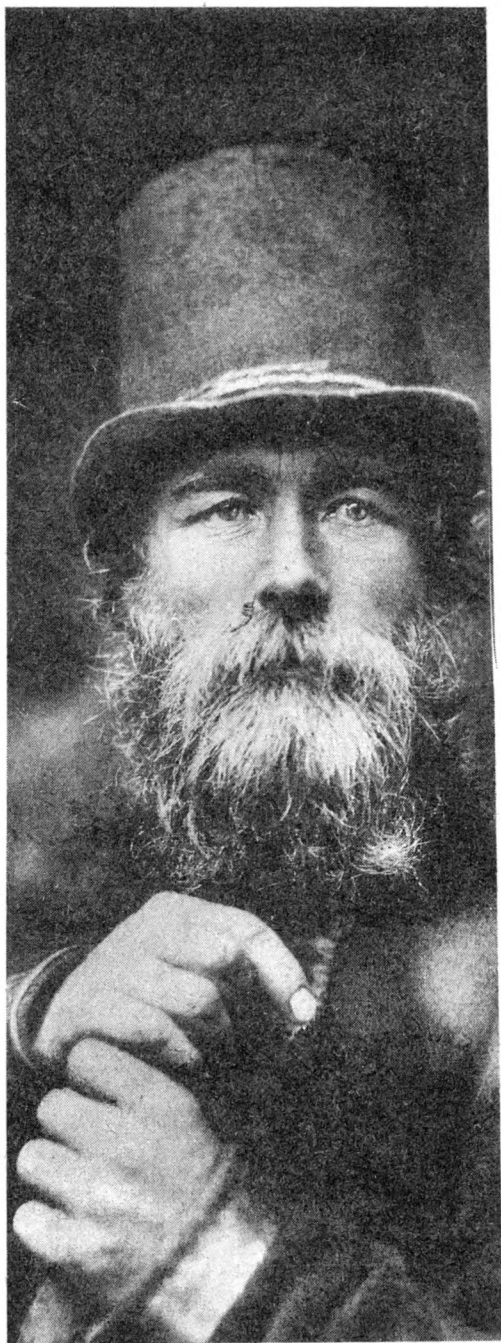
Переселенцы в Сибирь На пашне

щие плодородные земли в Сибири. Еще раньше была отменена ссылка в Сибирь — чтобы не засорять этот благодатный край уголовными элементами.

Началось переселенческое движение за Урал. Каждая крестьянская семья получала 50 десятин земли — в собственность,

освобождаясь от налогов, а мужчины — от воинской повинности. Были придуманы специальные вагоны упрощенной планировки — чтобы можно было ехать со всем скарбом, с домашними животными.

Вон оно откуда — столыпинские вагоны! Нам-то морочили голову: для революцио-

Крестьянин

неров. Ан нет. Это уж потом, после революции, надумали перевозить людей как скот — на убой.

«Реакционер» Столыпин, каким он представлялся перед нами со страниц школьного учебника, и был истинным революционером и реформатором.

Все, что бы он ни делал, сводилось к одному: поднять Россию! Сделать ее по-настоящему свободной — свободной от нищеты, от невежества, от бесправия!

1 сентября 1911 года в Киеве на спектакле в присутствии императора Столыпин был смертельно ранен террористом Богровым. Это произошло в антракте. Богров подошел к нему вплотную и выстрелил в упор. Дважды. И побежал по проходу из зала.

Столыпин поднял глаза наверх — император смотрел на него из ложи. Столыпин поднял левую руку — правая была пробита — и перекрестил ею Государя.

Царь не спустился из ложи, не наклонился к смертельно раненному человеку.

Он не понимал (и нескоро еще поймет), что пули эти были выпущены в него самого, во всю династию.

День убийства Столыпина можно считать днем второго рождения русской революции. Революционеры воспряли духом. Представляю, как радовался Ленин. Даже Бенито Муссолини, будущий фашистский лидер, тогда еще молодой итальянский журналист, разразился восторженной статьей по поводу убийства «тирана с берегов Невы».

Россия вступила на путь «великих потрясений».

Во время одной своей знаменитой речи в Думе Столыпин выкрикнул, обращаясь в сторону скамей, где сидели левые: «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!»

Столыпина похоронили в Киевско-Печерской лавре. Почему не в Петербурге, не в Москве?

В бумагах покойного нашли записку: «Хочу быть погребенным там, где меня убьют».

В 1912 году в Киеве на Крещатике открыли памятник Столыпину (по общественному сбору, император не хотел этого памятника, казна не дала на него ни копейки). В 1917 году памятник снесли.

Первоначально была идея поставить на постаменте памятника Столыпину памятник его убийце — Богрову. Не такая уж нелепая мысль. Сколько по всей новой России бронзовых убийц вскарабкалось на гранитные постаменты своих жертв!

В итоге на месте памятника Столыпину был водружен Карл Маркс. В войну он был разрушен. Потом на этом примерно месте был поставлен гранитный Ленин — памятник Октябрьской революции. Сейчас и его нет. Снесли. Интересно, кто теперь будет стоять на этом месте? Петлюра? Батяка Махно?

Но это уже заботы соседнего с нами суверенного государства.

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

Последний русский Государь Николай Александрович Романов родился 6 мая 1868 года.

Во всех русских царях, начиная с Екатерины Первой, текла немецкая кровь, в Николае была еще и датская: мать его Мария Федоровна — датская принцесса. Александр Третий был огромного роста, дети же его — значительно меньше. Александр Третий ругал жену: испортила породу! Он был строгий отец. Говорил воспитателям детей: «Фарфору мне не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся — пожалуйста, но доказчику первый кнут».

О воспитании русских царей следует сказать особо. Образованнейшие люди России привлекались для этой цели. Достаточно вспомнить поэта Василия Жуковского. Наследнику русского престола с раннего детства внушалась мысль, что жизнь его не принадлежит ему лично — она принадлежит его народу, его родине. Даже жениться по любви Наследник не имел права — брак мог быть только таким, какой выгоден России. Николай и его супруга Александра были счастливым исключением — они любили друг друга.

Николай закончил расширенный гимназический курс, свободно говорил на четырех языках. Получил высшее образование по особой программе — курс юридического факультета Университета. За пять

лет он прослушал полный курс Академии Генерального Штаба и прошел четыре лагерных сбора.

После завершения образования Наследник удивил общество, совершив поездку не по королевским дворам Европы, а настоящее, полное приключений и опасностей, путешествие по странам Среднего и Дальнего Востока. В Японии на него было совершено покушение. Японский фанатик бросился на него с саблей, удар скользнул по голове — Николай отделался легкой раной. Во Владивостоке он заложил начало стройки дальневосточного отрезка Великого Сибирского пути, свезя к насыпи первую тачку с песком.

В молодости Николай был влюблен в балерину Кшесинскую. У них был роман, длившийся довольно долго.

Потом он влюбляется в другую, уже окончательно и на всю жизнь — в Алису Гессен Дармштадскую, немецкую принцессу, воспитанную при английском дворе. Отец Николая был против брака, считая его недостаточно выгодным для России, но сын был настойчив, упрям, предан своей Алисе, проявил ту твердость, которой так не хватало ему в управлении государством — в 1894 году они обручились.

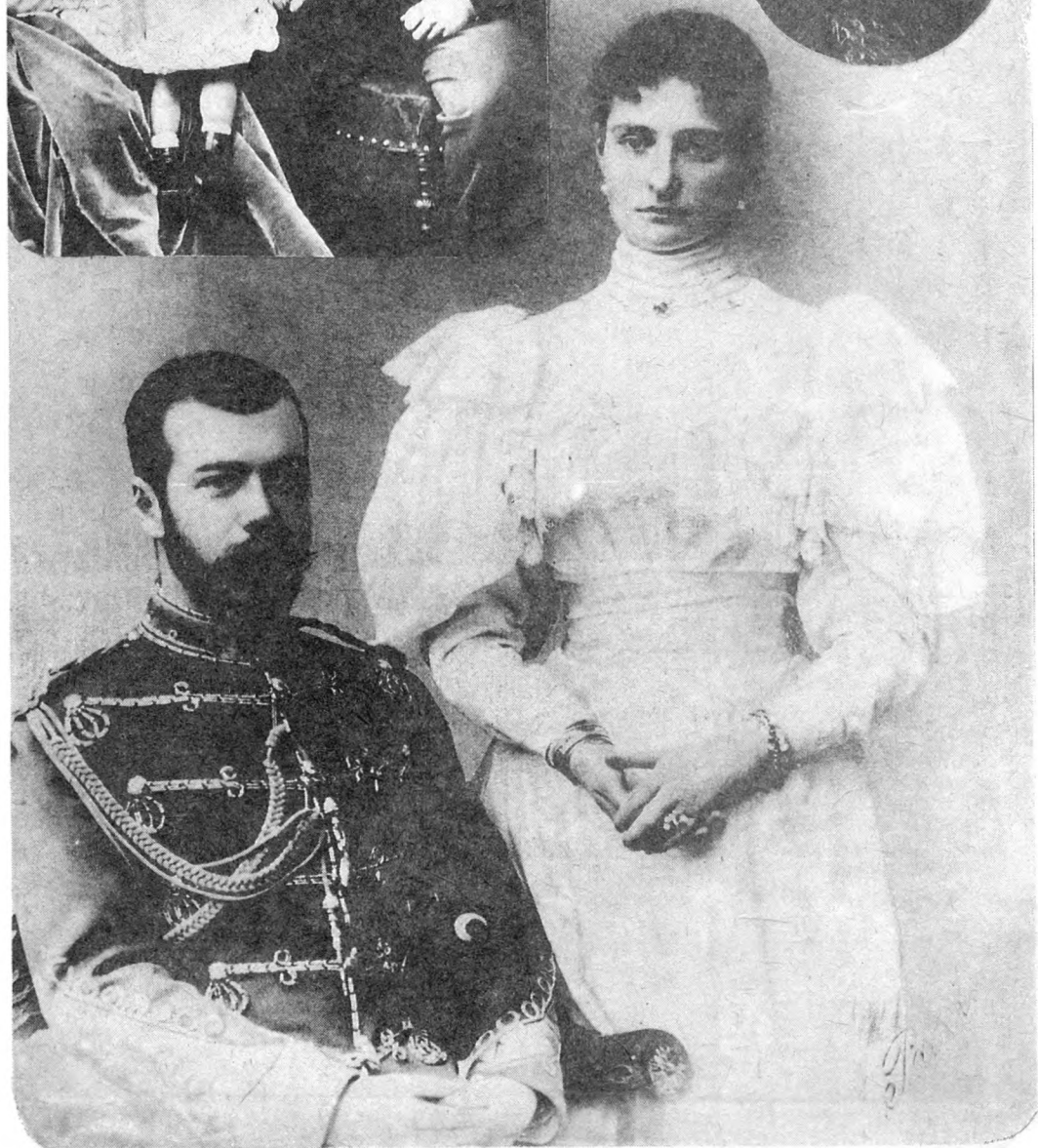
В этом же году умер Александр Третий.

Николай не был внутренне готов к царствованию. Отец его был здоровый сильный человек, гнувший руками серебряные

Николай II — наследник престола с родителями
Балерина Матильда Кшесинская
Николай II и Александра Федоровна

**Николай II —
наследник
престола
с родителями.
Балерина
Матильда
Кшесинская.
Николай II и
Александра
Федоровна.**

рубль, — не верилось, что он когда-нибудь умрет. К тому же Николай по натуре не был ни властолюбив, ни честолюбив... Внешний облик Государя лучше всего передавал удивительный портрет Серова — при взятии Зимнего Дворца толпа матросов и солдат изодрала штучками произведение великого русского художника.

В 1896 году в Москве состоялась Коронация. В день Коронации случилась трагедия. В толпе на Ходынском поле возникла давка. Погибло более тысячи человек.

Последующие правители России, стоявшие по колено в крови народа, не могли простить Николаю этого события. Ленин иначе как кровавым Николаем не называл.

Надо ли говорить, как тяжело переживал Николай эту трагедию. Семье каждого погибшего была назначена пенсия 1000 рублей — из его личных средств. Но, конечно, это было слабое утешение...

Николай был сугубо военным человеком, настоящим полковым командиром, в чине которого он и находился. Только среди офицеров чувствовал он себя в своем кругу, заботы армии трогали его больше всего. После русско-японской войны было введено новое обмундирование в армии. С ружьем и ранцем, в полной солдатской выправке он совершил пеший поход в двадцать верст — хотел проверить, не тяжело ли будет солдату средней силы.

В 1898 году тридцатилетний император обратился ко всему миру с призывом созвать Международную конференцию, чтобы положить предел росту вооружений. По его предложению был создан в Гааге Международный суд над державами. (Тут уместно вспомнить предложение Александра Второго: запретить разрывные пули. И ведь запретили.)

Обращение Николая было первым в истории человечества призывом к разоружению. В здании секретариата ООН в Нью-Йорке на почетном месте висит подлинная грамота с призывом русского Императора за его собственноручной подписью.

В жизни Николай был мягкий, колеблющийся и до крайности нерешительный человек. Он даже министра не мог уволить — кивал, поддакивал, ласково прощался с ним; вдогонку же летела депеша об отставке. Эти качества императора, конечно же, дорого обошлись России. Они сказались и на результатах русско-японской войны. Хотя война и закончилась вовсе не позорным, как уверяет советская история, а вполне благоприятным Портсмутским миром. Япония уже не могла продолжать войну, а Россия только

Николай II в царском одеянии

Александра Федоровна в царском одеянии

распрямляла плечи. Налоговое бремя в связи с военными расходами возросло в Японии на 85 процентов, а в России всего лишь на 5. Заканчивалось строительство Великого Сибирского пути, в Маньчжурии накапливались огромные русские воинские контингенты. И японцы поспешили заключить мир.

Правдивее всего говорят о человеке фотографии из семейного альбома. Что они говорят о Николае? Шутник, озорник, милый человек... без капли позерства... прекрасный семьянин... Но этого мало для императора. Интересно рассуждает о нем Александр Солженицын: «Николай дважды просвистел Россию. Александр Третий оставил ему сравнительно здоровую страну. За 11 лет он довел ее до бунтов Пятого года. Потом Россию вытянул Столыпин. Началось великое выздоровление. За следующие одиннадцать лет он довел ее до ужасов Семнадцатого года. Он играл в поддавки с революцией. И он любил свою семью и свою Алису больше, чем Россию. Разве это император?»

Большую часть времени Николай проводил в Царском Селе. Сейчас здесь мерзость запустения, а раньше...

Первый русский железнодорожный вокзал прелестной архитектуры. Федоровский городок в модном русском стиле. Ратные Палаты. Николай задумал их как первый русский музей вооруженных сил. Здесь он любил скрываться, когда ему было особенно плохо. Офицеры ждали его. Всегда подносились рюмочка с мороза.

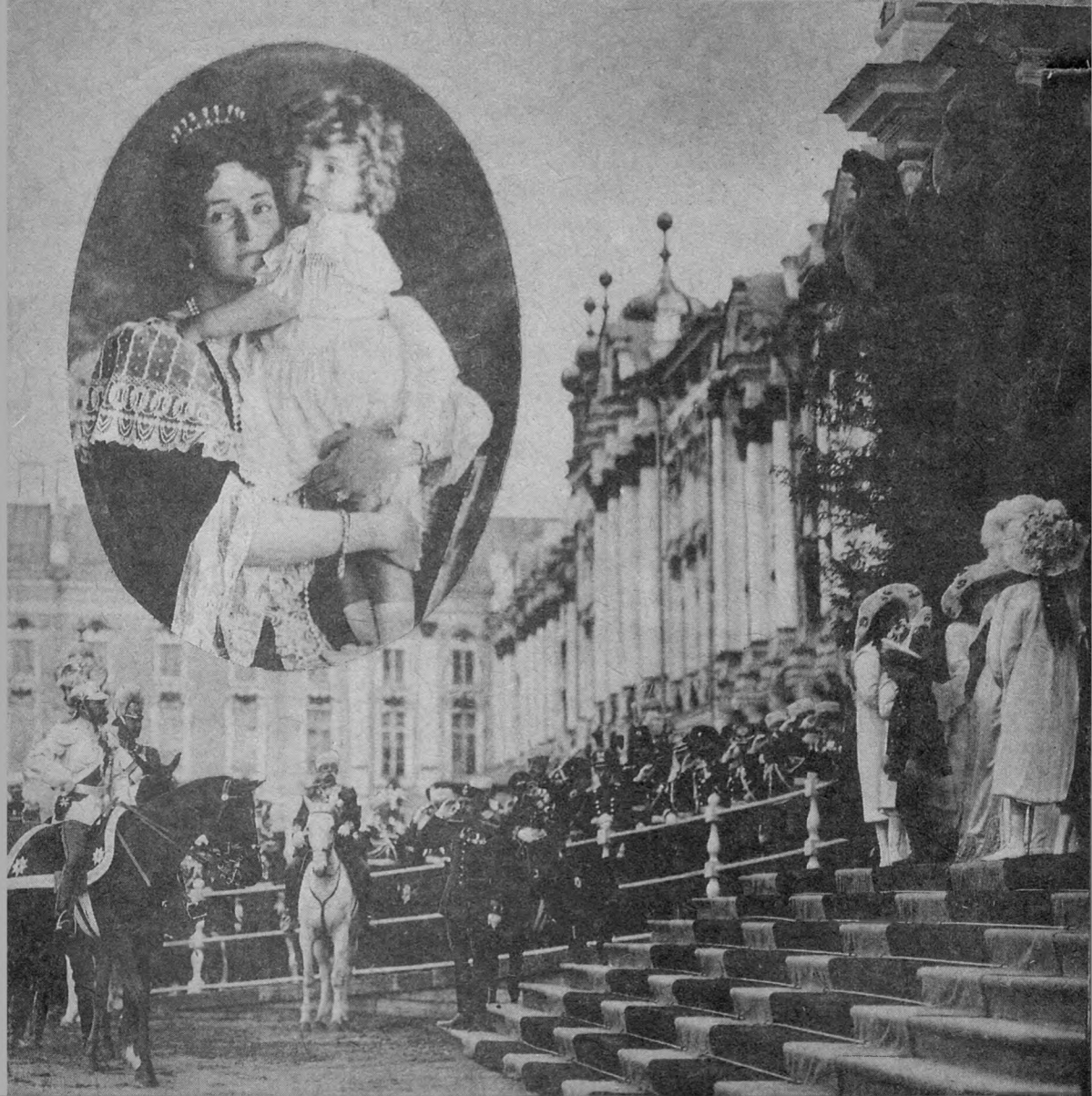
Кстати, закусывать коньяк лимоном — изобретение Николая Второго.

Бытует легенда, что Николай был пьяница. Чушь, конечно. Рюмочку за обедом, не более. Ведь историю пишут победители. А историю убиенных — чаще всего их убийцы. Так вот, все, что мы знаем о Николае Втором, все, что вбито в наши зачумленные головы, вся его биография, — написано его убийцами!

Царь обожал стиль «модерн», любил живопись. Вряд ли кто знает, что огромное количество картин французских импрессионистов — предмет нашей гордости, куплено лично Николаем Вторым, на его личные деньги, по собственному его вкусу.

Царь был глубоко верующим человеком. Опять-таки малоизвестный факт: в 1905 году он задумал возвратить патриаршество на Руси, для этого решил отречься от престола и стать патриархом. Церковные деятели, которых он собрал, не были готовы к такому повороту событий и растерялись. Царь обиделся...

Жена его — Алиса, Александра Федоровна

**Царь Николай II
полковой командир
1914 год**

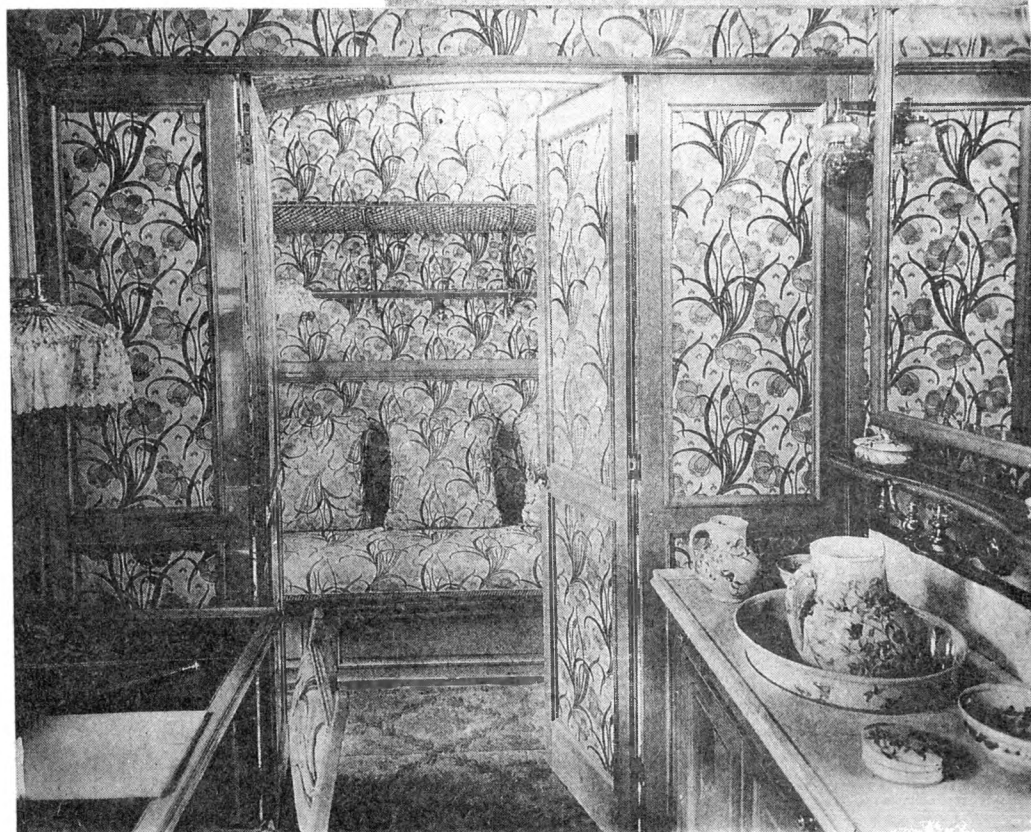
**На прогулке.
Николай II с дочерью**

Дочь Николая II, великая княжна Татьяна — сестра милосердия

Отделение санитарного вагона великой княжны

на, если судить по семейным фотографиям, и строже его, и надменнее, и скучнее. Немка, принявшая православие, она всю жизнь пыталась постичь Россию, понять душу русского народа. Заставляла себя любить все русское, окружала себя русскими людьми. Дело доходило до смешного — сына своего, Алексея, не учила немецкому языку. Она как бы всю жизнь выталкивала из себя немецкую кровь, напоминая этим Екатерину Великую. Той однажды врачи выпустили много крови, обессиленная императрица лежала в постели и шутила: «Зато во мне не осталось ни капли немецкой крови...»

Александра Федоровна была «русская душой», как говорил Пушкин про свою Татьяну.

У дочерей Николая были русские няни. Они привили девочкам русскую речь, научили любить русские сказки и русскую старину. Между прочим, царевны говорили: «видать», «слышать», «аль не знаешь». Учительницы часто видели их в аккуратно заштопанных ситцевых платьях. В театр или на бал они могли попасть только во время каникул. И вообще, обязанностей у них было больше, чем развлечений. Когда началась война, все они пошли в госпиталь — мыли ноги раненым, делали перевязки. Ни одна из них не вышла замуж...

Все эти девочки были застрелены в екатеринбургском подвале.

В 1904 году после четырех дочерей у Николая и Александры родился, наконец, мальчик — Наследник русского престола Алексей Николаевич Романов.

О воспитании русских царей мы уже говорили. Главное — привить ребенку любовь к России, к народу. И обязательно — к труду. Посмотрите, на фотографиях: он или с метлой, или с лопатой, или с ружьем, или складывает дрова в поленицу... Каникулы у Алексея были один раз в году — июнь и июль, два месяца. Остальное — учеба и труд. Словом, ничуть непохоже на воспитание детей нашей «буржуазии» — прежней партийной и нынешней валютной.

Общался Алексей в основном со своими сверстниками — обязательно детьми нижних чинов, и со своим дядькой матросом Еремеичем. Еще одно важное условие воспитания Наследника русского престола — сохранение живой связи с народом.

Вскоре после рождения сына радость родителей была омрачена страшным открытием — Алексей тяжело болен. У него гемо-

Николай II, Александра Федоровна и Алексей

филия. Болезнь эта ужасна. Любой ушиб приводит к внутреннему кровоизлиянию, мальчик мучился от невыносимых болей. Однажды он спросил у матери: «Мама, когда я умру, боли прекратятся?» Несчастные родители страдали больше, чем их сын. Между прочим, мало кто знал об этом — только приближенные. Какие силы требовались Николаю и Александре, чтобы скрывать родительскую боль?

В сентябре 1912 года после особенно мучительного и затяжного приступа показалось, что все кончено. Алексей умирал. Николай разрешил оповестить народ, во всех церквах служили молебны. Отчаявшиеся родители послали телеграмму старцу Распутину — он уже тогда был известен в России как целитель. Старец ответил: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают».

На следующий день кровоизлияние остановилось. Наследник стал выздоравливать.

Религиозные до крайности Николай и Александра поверили в Распутину, как в посланника Господа Бога. (Но старец и действительно был единственным человеком, умевшим останавливать приступы болезни.)

Передо мной дневник Алексея. Мама подарила ему в 1916 году книжку в желтом сафьяновом переплете, велела записывать каждый день. Как всякий мальчишка, он ленится, записи очень короткие: «Встал поздно. Учился. Днем видел капитана, слепого и без руки — он вернулся из плена». «Встал рано. Очень болит червяк...»

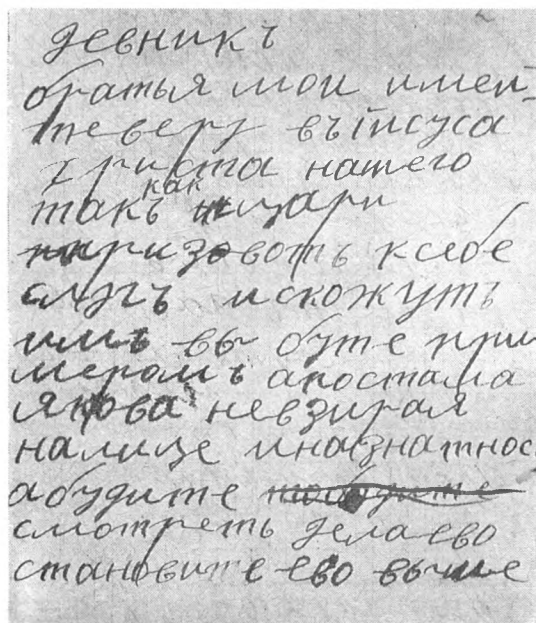
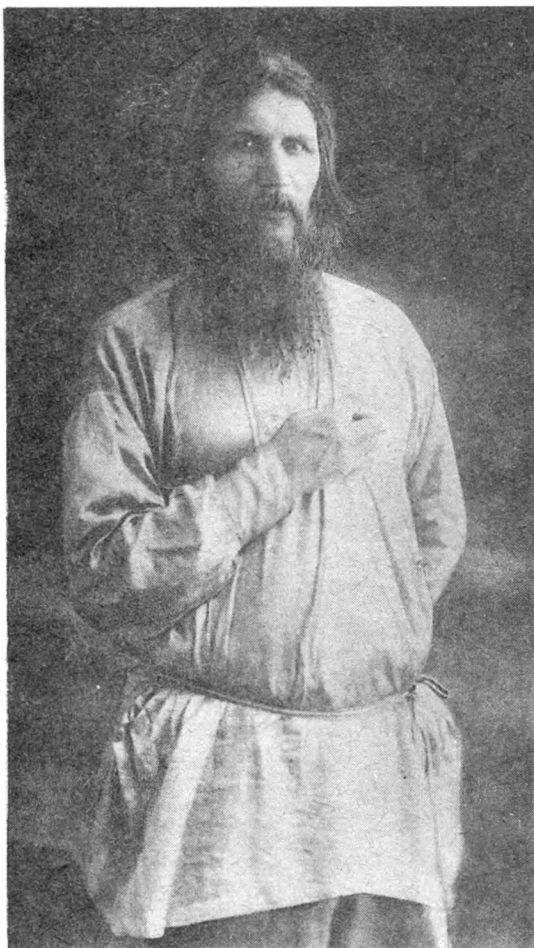
Что такое «червяк»? Очевидно, боль, которая его мучила. Чаще всего в колене...

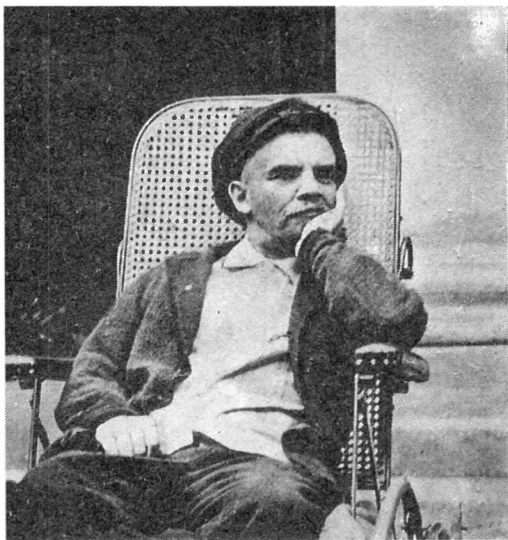
В дни, когда он особенно тяжело болел, записи за него делали сестры. Под его диктовку, конечно. Чаще всего писала Татьяна.

Сохранились удивительные письма Алексея маме. Из ставки, куда он уехал с отцом: «Милая моя уютная мама. Сегодня был у нас в гостях сербский генерал. Мне подарили медаль «За храбрость». Ее я заслужил в боях с учителями...» А вот какое смешное обращение: «Душка мамашка...» Алексей много общается с солдатами, и это чувствуется в письмах: «Сегодня почти выздоровел. Жрать хочу, как сто волков...»

Этот мальчик был застрелен в Екатеринбурге. Групп его проткнули штыком, его вещи разделили между собой его убийцы. Потом его облили серной кислотой, сожгли и закопали, неизвестно где.

Григорий Распутин
Страница дневника

ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ

Через два года после рождения Николая появился на свет человек, которому было суждено поставить последнюю точку в истории династии Романовых.

Владимир Ульянов родился 22 апреля по новому стилю 1870 года в Симбирске. Церкви, где крестили Володю Ульянова, разумеется, нет и в помине, дом, где он родился (по свидетельству Анны Ильиничны, его сестры), не сохранился. Однако это свидетельство не могло остановить неутомимых советских исследователей — аккурат к 100-летию вождя дом «нашелся». Вокруг него возвели гигантский мемориал. Чтобы построить его, снесли все и вся в округе, даже дом губернатора, памятник архитектуры, где бывали Карамзин, Пушкин, Гончаров.

Повезло городу, что в нем родился вождь мирового пролетариата, или нет?

Ну, во-первых, у города украли название. Теперь он — Ульяновск. А во-вторых...

Вот перед нами панорама старого Симбирска. 27 церквей, два монастыря...

А вот панорама Ульяновска. Такого нет ни в одном русском городе, в каждом хоть что-нибудь сохранилось — хоть в полуразрушенном, оскверненном состоянии уцелел какой-нибудь храм, который можно восстановить... Симбирск подвергся тотальному уничтожению.

И вот на этой земле, где язычество и идолопоклонство пустило самые глубокие корни, мы наблюдали, как строится новый храм. И строится не пьяницами-рабочими, а настоящими русскими мастерами; работа движется споро и красиво. В недостроенном еще храме идет служба. Вслушаемся в слова, которые говорит священник:

«Сегодня, как во времена Владимира, Россия снова во мраке. Во мраке духовного невежества и язычества. Что такое язычество?

Это когда человек поклоняется кому угодно, кроме своего Создателя. 70 лет назад дух Антихриста, т. е. противный Христу дух, завладел душами наших людей. Невозможно подсчитать, сколько мы потеряли за это время. Но в нас живет голос совести. Мы готовы жить по сердцу, но не знаем, как это сделать. Это — наука. И называется она — Православие. Наш храм еще не готов. Но и мы еще не готовы... Россия снова, как во времена Владимира, принимает христианство».

Но вернемся к нашему персонажу.

Этническое происхождение Ленина долгие годы было окутано глубокой тайной. Еще бы! Было отчего упасть в обморок правому коммунисту. Почему-то всем им до крайности было необходимо, чтобы их вождь был стопроцентным великороссом. Между тем в Ленине течет российская кровь. Не русская, а именно российская. Какова по национальному составу российская империя, таков и Ленин.

Дедушка его по отцу — Николай Ульянов — наполовину русский, наполовину чуваш. Бабушка по отцу — Анна Смирнова — калмычка. Бабушка по матери — Анна Грошопф — немка с примесью шведской крови (немцев в России было много, около двух миллионов). Дедушка по матери — Александр Бланк — еврей.

В Историческом Архиве Санкт-Петербурга мы листаем толстую книгу, в ней собраны сведения о всех служащих Медицинского Департамента — к этому Департаменту относился и дедушка Ленина Александр Бланк, выпускник Петербургской Медицинской Академии. Страницы 520—523 в этой толстой книге отсутствуют. Нам показали Акт об изъятии этих страничек — переданы в Главное Архивное Управление.

Никогда бы нам не узнать содержание

этих страничек, если бы не август 1991 года. Это он рассекретил самое секретное учреждение нашей страны — Партийный (Ленинский) Архив. Обращали внимание на серое здание за спиной Юрия Долгорукого? Это и есть Ленинский Архив. В него и сегодня попасть не просто, но кой-какие лазейки туда уже существуют. Итак, что же за страшный документ скрывала Партия от своих членов?

Читаем:

«... № 13734. С объяснением о происхождении выкрещенных из евреев Бланков.

...о воспитанниках Императорской медико-хирургической академии еврейских детях, воспринявших святое крещение, Житомирского поветового училища учениках Дмитриии и Александре Бланках — ныне оный магистрат доносит, что означенные Бланки из Староконстантиновских мещан евреев, дети еврея Мошки Бланка...»

Вот и вся тайна.

Братья Абель и Израиль Бланки (крещены они были под именами Дмитрия и Александра) были вынуждены принять православное крещение, чтобы поступить в Медицинскую Академию. Евреев в высшие учебные заведения не принимали. В царской России это была единственная нация, подвергавшаяся постоянной дискриминации — вот, кстати, и ответ, почему так много евреев приняло участие в революции.

Почему мы так долго задерживаемся на еврейском происхождении Ленина? У прежних наших партийных руководителей быть немножко антисемитом считалось хорошим тоном, эдаким признаком благонадежности. Согласитесь, трудно отказать себе в удовольствии сообщить им эту пикантную подробность: их идол — сам на четверть еврей.

1 марта 1887 года, в годовщину убийства Александра Второго, был арестован в Петербурге брат Владимира Ульянова — Александр. Член «Народной воли», он был участником заговора против Александра Третьего. Александр Ульянов должен был бросить бомбу в царя. Он мог бы избежать казни, если бы не отказался написать прошение о помиловании. Характерная деталь. Первые революционеры-террористы, убивая царей и министров, шли и сами на верную смерть. По крайней мере, искупали свой грех ценой собственной жизни. Их преемники, революционеры нового поколения, уже никогда не делали этого.

В этом же году Володя Ульянов оканчивает с золотой медалью (у него одна четверка — по логике) Симбирскую гимназию и поступает в Казанский Университет. Вдумайтесь! Родной брат царевубийцы — в Императорский Университет.

В Казани до недавнего времени было несколько музеев Ленина. Кому-то этого пока-

залось мало — воздвигли (уже в годы Перестройки) помпезный Мемориал. Среди трущоб и развалин — форменное издевательство над народом. Старая татарка водит нас по этим трущобам. Живут они впятером на 14 квадратных метрах: все члены семьи работают. Везде течет, отовсюду дует, одна уборная на четыре двора. Впечатляющее зрелище: грязная уборная и перед ней — Ленинский Мемориал. Как теперь сложится его судьба? Квартиры жителям из него не сделаешь...

Менее чем через полгода после начала занятий Ульянова изгоняют из Университета — за участие в студенческой демонстрации. Отправляют в ссылку — в деревню.

Но пропустим общеизвестные факты биографии вождя мирового пролетариата. Наша задача — познакомить публику с фактами малоизвестными. Это общий принцип нашего фильма.

1895 год. Петербург. Ульянов сидит в тюрьме на Шпалерной — за нелегальную политическую деятельность.

Из тюрьмы он пишет сестре Анне:

«Здоровье вполне удовлетворительное. Свою минеральную воду получаю здесь: мне ее приносят из аптеки в тот же день, когда закажу. Сплю я по девять часов в сутки и во сне вижу различные главы своей книги».

Ульянов работает в камере над книгой «Развитие капитализма в России». Интересно проследить логику марксиста Ульянова. Капитализм — зло, он увеличивает страдания народа. Но Ульянов приветствует развитие капитализма, с ним должен расти рабочий класс — могильщик капитализма. Значит, развитие капитализма — путь к торжеству социализма.

Эта опасная логика Ленина (недаром он имел четверку по ней) — добро осуществляется через зло, свет через тьму — провела народы России через неизмеримые страдания.

В тридцатые годы к тюрьме на Шпалерной пристроили так называемый Большой Дом, местное НКВД. Что здесь творилось..! Здесь были Первый Убойный Двор... Второй Убойный Двор (так называли их охранники)... Каждый год, летом, на берегу Невы у Большого Дома собираются дети замученных здесь «врагов народа» — почтить память родителей. Где их могилы, они не знают.

Сюда, к Большому Дому, приходила и Анна Ахматова — узнать хоть что-нибудь о своем сыне. Здесь ее измученное сердце нашептало ей эти стихи:

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.

И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звезды смерти стояли над нами
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.

Просидев год в тюрьме на Шпалерной, Ульянов едет в ссылку в Сибирь. Те революционеры, у кого водились деньги, могли ехать в ссылку с комфортом и, разумеется, без конвоя. У Владимира Ульянова деньги были.

Пока он едет по Великому Сибирскому пути, порассуждаем немного, в первую очередь над тем, откуда у семьи Ульяновых были деньги.

Ульянов нигде не работал, на мизерный гонорар за редкие статьи прожить невозможно, в партийной кассе денег нет (это потом они появятся, после 1905 года, знаменитых ограблений банков, а пока...). Мать получает за отца 100 рублей пенсии — это немало, но у нее, кроме Володи, еще есть дети и они тоже не работают и любят путешествовать.

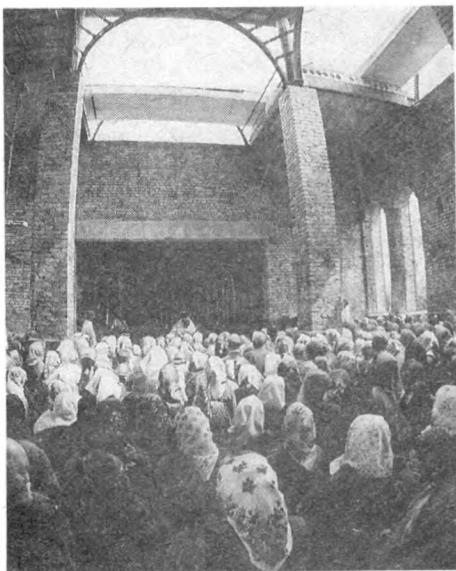
«Ульяновский фонд», как шутя называли его члены семьи, складывался от доходов от имения Кокушкино под Казанью и от доходов от Алакаевки. Это небольшая деревушка под Самарой, где Ульяновы после смерти отца купили земли — 89 гектаров. Управляющий Алакаевки регулярно слал деньги семье.

Эх, не знал Владимир Ильич, что он миллионер! Сейчас на каждом метре его бывших земель — нефтяная скважина, качающая нефть. А если бы знал, если бы действительно был миллионером? Как бы повернулась русская история?

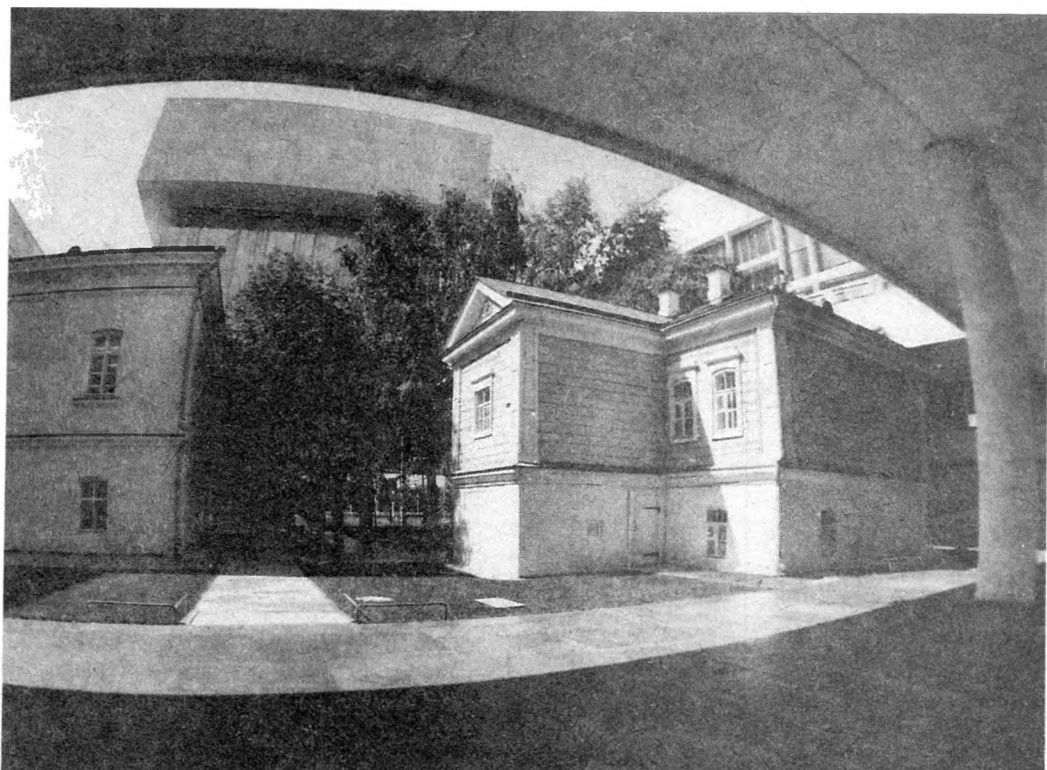
Местом ссылки Владимира Ульянова было село Шушенское на Енисее. У него — просторный дом, прислуга, хороший стол (раз в неделю резали барана), семья присылает ему деньги, снедь, книги. Одно время он даже хотел выписать из Петербурга охотничью собаку, но потом отказался от этой затеи. «Я взял в Шуше кутенка, — пишет он в письме — и надеюсь иметь к будущему году охотничью собаку. Везти же сюда из России будет страшно дорого».

Владимир Ульянов много работает в Шушенском, читает, ездит в гости к другим ссыльным — иногда за сотни километров. Без всякого полицейского надзора.

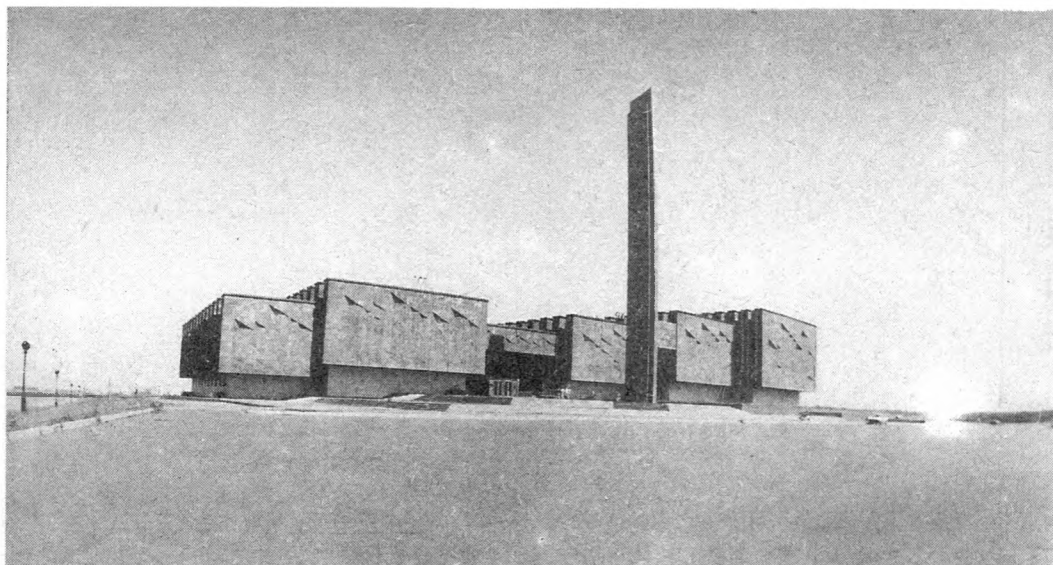
Человек критического ума, Ульянов сразу уловил эту решительную ошибку царского жандармского аппарата. «Враг престола и отечества, брат цареубийцы — и без надзора!» Придя к власти, он таких ошибок не допускал. «Сомнительных и недовольных —

**Открытка «Привет из Симбирска»
Строительство православного храма в Улья-
новске. 1991 г.**

**Ленинский мемориал в Ульяновске
Скульптурная группа Мария Александровна с сыном Володи**

Ленинский мемориал в Казани
Интерьер ленинского мемориала в Казани

в концлагерь!» — это из его записочек в 1918 году.

К двадцатилетнему юбилею советской власти берега Енисея, где когда-то отдыхал вождь партии, буквально заросли концлагерьями. Взгляните на страшную карту «Архипелага ГУЛАГ».

В восстании 1905 года Владимир Ульянов участия не принимал. Он даже в России не был, когда происходили основные события. Душой восстания был двадцатипятилетний Лев Троцкий.

Ульянов живет за границей, преимущественно в европейских столицах. В результате известных эксков в кассе партии появляются крупные суммы. В 1908 году происходит знаменитое ограбление Тифлисского банка, взято 300 тысяч рублей. (Впервые грабители-марксисты применили бомбы. Убиты три человека.) Ульянов с Крупской в Париже переезжают в дорогу (1000 франков в месяц) квартиру на улице Бонье.

Незадолго до революции Ульянов пишет знаменитую работу «Империализм как высшая стадия капитализма». Однако Ульянов глубоко заблуждался. Прошло восемьдесят лет, а капитализм так и не загнил, не умер естественной смертью. Более того, оказалось, что империализм — не высшая стадия капитализма, а его младенческая пора. Потеряв колонии, бывшие империалистические державы вовсе не обнищали. Наоборот. Их благосостояние возросло, ведь содержание колоний, трата на них духовных и материальных сил нации истощает саму нацию, обескровливает ее.

На наших глазах погибла последняя империя, державшаяся на штыке. Россия осталась без колоний. Кое-кто грустит по этому поводу. Но, учитывая исторический опыт, надо полагать, что рано или поздно это знаменательное событие благотворно скажется на судьбе российского государства.

Безусловно, это самый важный и самый положительный результат, добытый в ходе Перестройки — этой Второй Русской Революции...

В 1914 году началась Мировая война. Ульянов находился в это время на территории Австро-Венгрии и был арестован как русский подданный. Лидер австрийских социалистов Виктор Адлер пошел хлопотать за него. Министр внутренних дел спросил у Адлера:

— Вы уверены, что Ульянов враг Российского Правительства?

— О, да, — ответил Адлер, — более заклятый враг, чем вы, ваше превосходительство.

Ульянов был освобожден из тюрьмы.

Вот точная цитата из записки Адлера:

«Ульянов смог бы оказать правительству большие услуги при настоящих условиях...»

Адлер не ошибся.

Усадебный дом в имени А. Бланка, дедушки В. Ульянова, — село Кокушкино под Казанью, где Володя отбывал свою первую ссылку

Восковая фигура В. Ульянова в казанском мемориале В. И. Ленина

РУССКАЯ АРМИЯ

Случилось то, чего так боялся Столыпин. 15—20 лет без войн и революций — вот что нужно было России. И тогда ей никакой враг — ни внешний, ни внутренний — был бы не страшен.

Но война началась, когда Россия еще не выздоровела. И не избавилась окончательно от бесов, которые снова стали поднимать головы и потекли, стали просачиваться в страну из-за рубежа. Не закончились реформы, не окреп крестьянин — да и долго ли мог протянуть «российский верблюд» на жиру, накопленном Столыпиным.

Война началась подъемом патриотических чувств в народе. На фронт шли легко, уверенные, что разобьет немца и австрияка быстро и без потерь.

Страна стала работать на войну. Был принят «сухой закон» — казна отказалась от большей части бюджета, недаром бюджет в России называли «пьяным».

Промышленность перестраивалась на военные рельсы.

Царские дочери, сама царица пошли в госпиталь сестрами милосердия.

Николай хотел принять верховное командование на себя. Но отговорили. Верховным Главнокомандующим стал его дядя — Великий Князь Николай Николаевич.

Война началась двумя крупными (и неподготовленными) наступлениями русской армии — в Восточной Пруссии и в Галиции. Не готовая к наступательным действиям армия вынуждена была это сделать, чтобы спасти от полного разгрома двух своих союзниц — Францию и Сербию. Она и спасла их. Но стоило это России огромных жертв.

Большевики обвиняли русскую армию во всех смертных грехах. Но повторим старую формулу: все познается в сравнении.

Да, командиры русской армии не всегда оказывались на высоте — многие возможные победы обернулись поражениями из-за неумелого командования.

Но тем не менее русская армия вела войну на чужой территории. Как бы ни были велики ее потери, их не сравнить с потерями, которые несла большевистская армия во всех своих войнах. И вообще русская армия совсем не была такой, какой стала спустя 20 лет.

Чтобы понять это, надо обратиться к недавней истории.

1939 год. 6 советских армий (до миллиона человек) с танками и авиацией обрушились на армию маленькой Финляндии — бывшей провинции России. (Финскими войсками командовал маршал Маннергейм, бывший царский генерал.)

Две передовые дивизии сразу попали в плен. Потери в войне — 300 тысяч человек! (Во время этой войны среди финнов стала ходить поговорка: каждый финн может убить десять русских, но что делать, если появится одиннадцатый?)

Трагична судьба советских военнопленных — сорока тысяч человек. После заключения мира в марте 40-го года финская сторона вернула их советской стороне. Офицеры были расстреляны, рядовые — десятки тысяч — пошли в страшные сталинские лагеря.

Как ни больно ворошить темные страницы нашей истории, но надо привести более свежий и более убедительный пример — какой стала некогда славная армия.

1941 год. Занята половина европейской части страны, 4 миллиона советских солдат сразу сдались в плен.

Солженицын пишет в «Архипелаге»:

«11 веков стоит Русь, много знала врагов и много вела войн. А предателей — много было на Руси? И вот — самая справедливая война, при самом справедливом строе...»

И сразу — 4 миллиона предателей!

До полмиллиона солдат оставляли наши гениальные стратеги и полководцы в немецких котлах. Вот она, настоящая-то измена Родине!

Почему же мы так бережем память об этих изменниках? (Речь, конечно, и о главном предателе — Верховном Главнокомандующем.)

А теперь о потерях в войне.

При Сталине считалось — 7 миллионов. При Хрущеве — 20. При Горбачеве — 27.

47 лет прошло со дня окончания войны, а впечатление, что солдат продолжают убивать. На самом деле все эти цифры (и новейшие горбачевские) — липовые. Потери в войне — 35 миллионов человек!

А некоторые объективные историки утверждают — 46! (С гражданским населением, конечно.)

Как бы то ни было — каждый немецкий солдат убил четырнадцать советских. Убил с помощью советских полководцев.

Эти цифры надо знать нашим генералам — не собираются ли они и новую войну (не дай Бог, случись она) выиграть такой же ценой!

Все эти новые данные ни в коем случае не умаляют подвиг советского солдата в Отечественной войне. Напротив. Солдату ни одной другой страны не пришлось так тяжело, как советскому. Советского-то не жалели ни свои, ни чужие. Его, вооруженного в первые месяцы войны царской трехлинейкой, косили немецкие автоматы; в спину ему прицельно стрелял СМЕРШ; тех, кто попал в немецкий плен и сумел выжить, ждало еще более страшное испытание — сталинские лагеря смерти.

Вечная слава солдату!

А теперь посмотрим новыми глазами кинохронику, запечатлевшую русских солдат, офицеров и генералов.

В августе 1915 года Николай Второй принял на себя Верховное командование. Глубоко военный человек, он каждый год участвовал в военных маневрах, всю жизнь интересовался военным делом. Словом, решение не было таким уж глупым, как его подавала советская история. И писали это те историки, на глазах у которых совершалось чудо из чудес — сугубо гражданский человек, не имеющий ни военного таланта, ни военного опыта, стал генералиссимусом. Вот они откуда — еще десятки миллионов жертв.

Между прочим, Николай, приняв на себя Верховное командование, так и остался полковником русской армии. Русские цари не имели обыкновения жаловать себе ни чинов, ни орденов.

Короче, ошибок Николай не наделал. Более того, можно обратиться к свидетельству такого авторитета, как Уинстон Черчилль: «Мало эпизодов Великой Войны более поразительных, нежели воскрешение и перевооружение России в 1916 году».

Победа русской армии была не за горами. Германия задыхалась, ведя войну на два фронта. К февралю 1916 года русская армия превышала 8 миллионов бойцов, склады были завалены винтовками, пулеметами, боеприпасами...

Снова — Черчилль:

«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была на виду...»

Если уж мы сваливаем неудачи войны на царское правительство и Николая, то в не меньшей степени, а то и в большей, надо переложить вину и на Ленина. Та разрушительная работа, которую вели большевики под его руководством в армии, то ежедневное убивание боевого духа среди солдат — а чем еще может быть крепок солдат?! — обернулись ценой жизни многих сотен тысяч русских людей.

Ленин однажды сказал:

«А на Россию, господа хорошие, нам наплевать!»

Если Вы хотите купить журнал «Киносценарии», но Вам не удается это сделать, приходите к нам в редакцию — в уютный двухэтажный особняк у станции метро «Маяковская», Воронниковский переулок, дом 12.

ПЕРВАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

2 марта 1917 года — конец самодержавия. Царь отрекся от престола.

Смотришь старую русскую кинохронику — как радовались люди! Ни одного недовольного лица, смеются, что-то кричат, подбрасывают вверх шапки. Солдаты на позициях — пускаются вприсядку, качают офицеров.

Сегодня они их подбрасывают на руках, завтра будут поднимать на штыки. Начнут издеваться, срывать погоны... и убивать. В Кронштадте — 60 человек и адмирала фон Вирена... В Выборге офицеров сбрасывали с моста на камни... По всей России попили офицерской кровушки...

Но сейчас — на кадрах кинохроники — и офицеры счастливы... смеются, обнимаются с солдатами...

Революция!

Буквально на второй день революции распахнулись ворота тюрем. А политических там было кот наплакал, сплошь уголовники... Через две-три недели страну захлестнула волна уголовных преступлений. Грабили склады, магазины, вагоны, раздевали и убивали людей на улицах... Ну прямо как сейчас. Прежде Россия такого не знала.

Страна перестала работать. Крестьяне терроризируют крупных землевладельцев, не разрешают им сеять на своих полях — многие поля так и остались незасеянными. Повсеместно издеваются над церковью, над священниками, грабят храмы, арестовывают священнослужителей.

Сбрасывают с постаментов памятники царям...

Все это — прошу запомнить — задолго до октябрьского переворота.

В городах — на улицах смрадная брань (раньше так не смели), открыто продают порнографию, идут фильмы — вакханалия

пошлости. А приманка у этих фильмов такая: «прежде запрещенный». (Узнаете день сегодняшний?)

Очереди за хлебом, цены на все бешеные, черный рынок... Ну да не нам, не нынешнему читателю и зрителю, объяснять, что это такое — мы это каждый день видим.

За день-два до отречения Николай Второй, пользуясь затишьем на фронте, отбыл из ставки — поехал к семье на побывку. Уехал от верной ему армии, где никто, никакая депутация не посмела бы ничего от него требовать. Но он слишком любил свою семью. Уехал — и стал заложником. Прав Солженицын: «Разве это император?»

Николай отрекся безропотно. Ну, раз вы говорите, что это воля народа... Он никогда не жаждал власти и уж тем более не стал бороться за нее.

Отныне гражданин Романов стал узником. Сначала — в Царском Селе. Потом царскую семью повезли в Сибирь — Тобольск, Екатеринбург... Приказ об аресте отдало Временное правительство. Так что не будем все сваливать на большевиков. У правительства Керенского была возможность разрешить царской семье выехать в Англию, которая была готова принять ее. Начался крестный путь семьи на Голгофу.

Итак, в стране смута и анархия. Новая власть некрепка. Руководит страной не Временное правительство, а Советы рабочих и крестьянских депутатов. В Петрограде — исполнительный Комитет Совета, и на местах — фактически Советы. Пока еще не большевистские. Самое время большевикам принять в свои крепкие руки шатающуюся власть.

Но где же вождь большевистской партии?

Вождь пока в Цюрихе. Занят устройством

революции в Швейцарии. Вероятность революции в маленькой стране казалась ему большей, чем в огромной России.

О революции на родине он узнал из газет. Открыл утром газету и глазам не поверил.

Срочно в Россию! Но как? Он на территории враждебного государства...

Однако даром Виктор Адлер характеризовал его своему правительству как человека, «могущего оказать большие услуги»...

Наконец-то эти «услуги» понадобились Германии.

Тридцати большевикам во главе с Лениным германское правительство предоставило так называемый «пломбированный» вагон (лица, ехавшие в нем, пользовались дипломатической неприкосновенностью; вагон этот сохранился в городе Засниц в Германии). Поезд с Лениным промчался через всю страну — был задержан даже эшелон с эрцгерцогом...

Послать Ленина в Россию... Что за расчет был у немцев?

Политику большевиков в 1917 году — если грубо и коротко — можно сформулировать так: мир на фронте, война в тылу. Ну да — «превратить империалистическую войну в войну гражданскую» — это мы еще из школьных учебников помним.

А что еще нужно было Германии? Обессилена, она уже не могла вести войну на два фронта (к тому же на стороне союзников выступила мощная армия США).

Генерал Людендорф пишет в воспоминаниях:

«То, что наше правительство послало Ленина в Россию, оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала».

Расчет немцев оказался верен.

Итак, существовал ли германо-большевистский заговор?

Сегодня с полной определенностью можно сказать: да, существовал. После Второй мировой войны американской оккупационной армией были найдены документы Германского Министерства Иностранных Дел. Там тысячи отчетов, писем, телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма.

Летом 1917 года большевики издадут в Петрограде семнадцать газет. Годовые расходы на издание одной небольшой газеты — 300 тысяч рублей. В партийной кассе было тогда 1117 руб. 50 коп.

В июле 1917 года Временное правительство возбудило против Ленина и еще 12 большевиков уголовное дело по обвинению в государственной измене. 24 тома этого дела вынуты сегодня из спецхрана Архива Октябрьской революции и открыты для историков. Откроем том 4-й этого дела и на стр. 34 прочтем:

«...на основании вышеизложенного Судеб-

ный Следователь по особо важным делам Александров постановил:

1. Ульянова (Ленина)
2. Апфельбаума (Зиновьева)
3. Луначарского
4. Бронштейна (Троцкого)
5. Коллонтай и т. д. — всего 13 человек — привлечь в качестве обвиняемых... вошли с агентами названных государств в соглашение... и т. д.»

Ленин, как мы знаем, на суд не явился. Они с Зиновьевым скрывались в Разливе. Вообще по этому делу посадили одну Коллонтай. Да и та написала заявление: «должна лечиться»... и отпустили в Финляндию.

В октябре большевики взяли власть.

«Революция» прошла мирно — как смена караула. В Петрограде работали рестораны, Шляпин пел «Дона Карлоса»...

Вот что мы должны осознать, по-новому изучая нашу историю: никакой Октябрьской революции не существовало. Не одна революция сменила другую — а продолжалась революция, начатая в феврале (марте). Просто у власти закрепились более смелые и решительные люди. Октябрь как бы подтвердил де-юре то, что уже существовало де-факто.

Мы уже говорили: Россией фактически руководило не Временное правительство, а Советы рабочих и солдатских депутатов. Они к октябрю 1917 года уже были большевистскими.

Ленин и большевики умели привлечь народ на свою сторону. Они использовали самые хлесткие многообещающие лозунги (потом и не думали их выполнять), они будили у толпы самые низменные инстинкты (еще Достоевский говорил: «Провозгласите право на бесчестие и все побегут за вами!»), на их стороне была сила. Одних дезертиров с фронта — десятки тысяч...

Это как если бы в августе 1991 года попыткой переворота руководили более смелые и более энергичные люди — настоящие ленинцы. К счастью, истинных ленинцев среди них не было. К тому же, было кому защищать Российский Белый Дом.

Зимний же Дворец защищать было некому. Там находились только рота женского батальона, мальчишки-юнкера и георгиевские кавалеры — инвалиды войны.

А потому и не было никакого штурма Зимнего. Нечего было штурмовать, и не с кем было сражаться.

Так же мирно перешла власть к большевикам и в других городах России.

Только в Москве обозначилась какая-то видимость сопротивления.

И опять — юнкера. Юнкера и студенты. Они засели в Кремле.

Однако сопротивление юнкеров сильно

1914 г. В ожидании вестей с фронта
1914 г. В ставке Верховного главнокомандующего

преувеличено позднейшими историками. Юнкера ушли из Кремля в 7 часов вечера. А Кремль продолжали разрушать тяжелыми снарядами с Воробьевых Гор до 3-х часов утра.

Погибших при «штурме» Кремля — несколько человек — торжественно захоронили у Кремлевской стены. Юнкеров закопали во рву за городом.

Вообще о юнкерах — нужен отдельный рассказ. Это одна из самых мрачных страниц истории большевистского режима. Когда — на третий-четвертый день переворота — взбунтовались Павловское и Владимирское юнкерские училища в Петрограде, новая власть сразу продемонстрировала свою решительность в борьбе с врага-

ми революции. Расправа над юнкерами была ужасной. Закапывали сдавшихся, мертвым отрубали головы. Очевидцы рассказывают: прежде чем застрелить юношу-юнкера, отрезали ему член и вставляли в руку...

Новая власть показала, что она умеет и пошутить.

Бедные русские люди! Как они радовались, когда пала династия Романовых. Они не знали, что их ждет.

На Руси воцарился новый самодержец, самый жестокий из тех, какого знала история.

Но о нем — в следующем фильме.

(Окончание в № 4 — 1992 г.)

Фото Николая Охрия

ЯРМАРКА СЦЕНАРИЕВ

АННОТАЦИЯ СЦЕНАРИЯ

АНДРЕЙ ЛАНЦОВ

СОЖИТЕЛЬ

Игорь, молодой человек двадцати семи лет, страдающий от одиночества и всячески пытающийся привлечь к себе внимание окружающих, заинтересовать их собой, придумывает разные небылицы о своем прошлом. Над Игорем либо посмеиваются, либо остаются к нему равнодушны.

Одна из рискованных фантазий нашего героя, что он, якобы, носитель вируса СПИД, вызывает резко негативную реакцию знакомых, сослуживцев, соседей. Игорь становится изгоем в этой жизни, теряет работу, дом, друзей.

После ряда горестных приключений он проникает в квартиру одинокой женщины, живущей на первом этаже многоквартирного дома. Мать-одиночка, она работает ночной няней в детском саду. Днем Игорь прячется, а ночами, когда хозяйки нет дома, он наслаждается уютом и теплом ее квартиры. Игорь уверен, что женщина не догадывается о непрошенном жильце. Но он ошибается.

Постепенно мужчина и женщина многое узнают друг о друге. Возникает странная симпатия между людьми, никогда ранее не встречавшимися. В результате цепи забавных, смешных, грустных, пикантных ситуаций два одиноких человека находят друг друга.

Рустам
Ибрагимбеков,

Никита
Михалков

СИБИРСКИЙ
ЦИРЮЛЬНИК

(кинороман)

РУСТАМ ИБРАГИМБЕКОВ: «Соавторство всегда конфликтно по своей сути, но в главных, исходных позициях мы с Никитой Михалковым были едины. Работа с ним для меня — не обычное сотрудничество сценариста с режиссером. Никита Михалков — полноценный соавтор сценария, поэтому поиск компромисса начался уже на стадии литературного замысла. Все строилось на принципе взаимного убеждения. Иногда на это уходило три минуты, иногда месяц. Если не могли найти общего решения, говорили: «Ладно, пошли дальше». Потом снова возвращались к спорному месту. Часто находили третье решение, которое устраивало обоих...»

Мой советор воспитан на традициях большой русской литературы, пронизанной сильными чувствами, освященной высокими идеалами. Он не любит «чернухи», которой сегодня упиваются многие. И дело не в материале — он не боится правды быта и может показать на экране что угодно, поразить зрителя, заставить его ужаснуться, если это связано с высоким художественным побуждением...»

Очень важной для нас была проблема выбора времени действия сценария. Мы остановились на интереснейшем, с нашей точки зрения, периоде российской истории — на конце ее естественного развития. Уже через несколько лет Россию раздавил бронепоезд революции...»

Интервью с кинодраматургом РУСТАМОМ ИБРАГИМБЕКОВЫМ читайте на стр. 70

Лето 1905 года. Офицерская школа в США.
Санитарный блок.

В длинном, барачного типа помещении идет массовая стрижка новобранцев-кадетов. Стригут кадетов одновременно несколько человек. Ловко, чуть ли не в два движения, головы кадетов оказываются остриженными наголо: раз — и полчереп оголено, два — и стрижка окончена. Пол по всему помещению устлан черными, рыжими, русыми кудрями. Слышны лишь стрекот ножниц, невнятный говор и далекие, за окном, звуки воинских команд.

Массивная дверь в помещение открылась, вошел капрал, высокий, со смуглым румянцем на тщательно выбритом лице.

Один из стригущих, заметив капрала, кричит:

— Встать! Смирно!

Капрал. Отставить! Продолжайте!

Мягко ступая по бывшим шевелюрам, капрал неторопливо движется по длинному проходу между койками. На его загорелом лице легкая покровительственная усмешка, в глазах ироническое любопытство. Пройдясь по лицам и бритым затылкам

новобранцев, цепкий взгляд его задерживается на картинке, висящей на стене, между коек: чье-то лицо со спадающими на плечи завитыми локонами.

Капрал. Это кто здесь баб развесил?!

Никто не ответил: не поняли, о чем речь.

Капрал подошел ближе к висящей на стене картинке, обернулся к кадетам.

Капрал. Я спрашиваю, кто повесил эту бабу?

Чей-то голос. Это Моцарт!

Капрал. Кто?!

Голос. Моцарт, сэр...

Капрал (*кричит*). Моцарт!

Молчание. Брови капрала поползли вверх.

Капрал (*еще громче*). Моцарт! Два шага вперед!

Голос. Его здесь нет!

Капрал. А где он?

Голос. Умер!

Несколько человек переглянулись с улыбкой, кто-то громко хмыкнул.

Капрал (*ухмыльнувшись*). Весело? Ты и ты — встать!

Два кадета (один острижен наполовину) вскакивают с табуреток.

Капрал. Где Моцарт?

1-й кадет. Не знаю, сэр!

2-й кадет. Я вообще еще здесь никого не знаю!

Капрал (*жестко*). Сэр!

2-й кадет. Сэр!..

Капрал (*орет*). Моцарт!

Голос. Да говорят же вам, сэр. Умер он, сэр.

Капрал. Когда? Где?

Голос. В восемнадцатом веке... В Европе... Это великий композитор, сэр...

По помещению прокатился смех. Капрал подходит к отвечавшему ему кадету. Потом окидывает недобрый взглядом остальных, идет к стене, смотрит на портрет Моцарта, читает надпись под ним.

Капрал (*оборачиваясь к кадетам*). Вы что думали: я не знаю? Умники! Да срал я на этого Моцарта! Макдональд!

Макдональд — один из «цирюльников»-старшекурсников — вытягивается и вскидывает голову.

Макдональд (*громко и бодро*). Срал я на этого Моцарта, сэр!

Капрал щелкнул пальцами, повернулся на каблуках к строю.

Капрал. Взвод! Повторять за мной: срал я на этого Моцарта!

Капрал в такт своим словам «продироживал» рукой. Ему ответили несколько голосов.

Капрал. Не слышу!

Капрал взмахнул рукой, но опять лишь часть кадетов повтори́ли его слова. Капрал мгновенно помедлил, раскачиваясь с пятки на носок.

Капрал (*неожиданно орет*). Взвод! Надеть противодымные маски!

Кадеты толкаясь бросаются к большим ящикам у стены. Расхватывают какие-то резиновые маски с гофрированными трубками-хоботками, напоминающие современный противогаз. Торопливо натягивают их на головы.

Капрал. Станови-и-ись!

Он подходит к строю, останавливается у стоящего первым кадета. Тычет его пальцем в грудь.

Капрал. Фамилия?

1-й кадет. Марк Йероу, сэр!

Капрал в такт словам тычет пальцем в узкую грудь щуплого Марка Йероу.

Капрал. Повторяй за мной! Срал я на этого Моцарта!

Йероу. Срал я на этого Моцарта, сэр!

Капрал. Не слышу!

Йероу (*орет*). Срал я на этого Моцарта!

Капрал. Молодец! Снять маеку!

Йероу стягивает с головы резиновую маску, с шумом вдыхает воздух. Капрал уже останавливается перед следующим кадетом в маске.

Капрал. Фамилия?!

2-й кадет (*орет сразу*). Срал я на этого Моцарта, сэр!

Капрал. Молодец! Снять маску!

Капрал проходит дальше, тычет пальцем в грудь двум следующим кадетам.

Капрал. Ну?!

Кадеты (*оба хором*). Срал я на этого Моцарта, сэр!

Капрал. Снять маски!

Он шагнул к следующему кадету.

Капрал. Ну?!

Возникла пауза.

Кадет. Я этого не скажу, сэр!

Капрал. Почему?..

Кадет. Потому что... Моцарт — великий композитор, сэр!..

Капрал. Так... Два шага вперед!

Капрал движется дальше вдоль шеренги. Трое кадетов одновременно прокричали свое отношение к Моцарту и сдернули маски.

Капрал. Хорошо! Следующий!

Кадет в маске. Я... з...

Капрал. Так, понятно. Два шага вперед!

Длиннорукий верзила бодро проорал требуемое. Следующий за ним кадет молча вышел из строя, следом еще один. Таким образом перед строем оказалось четверо кадетов в масках. Капрал с усмешкой оглядел их.

Капрал. Отлично!..

Взвод кадетов бежал по раскаленному от солнца плацу. Капрал держался рядом с четверкой в масках. Кадеты тяжело дышали. Капрал на ходу потрогал одного из них за гофрированный «хобот» маски.

Капрал. Ну что, слоник? Покажем на

Моцарта?!

Один из четверки задержал головой, что-то промычал.

Кадет в маске. Я... з... з...

Капрал. Так!.. Понятно!

Капрал остановился. Взвод продолжал бег.

Капрал. Взвод!!! Нале-во! На обед... бегом!..

Взвод вместе с четверкой масок бежит в сторону здания столовой.

Взвод приступил к обеду. Ели все, кроме четверки в масках. Перед ними стояли полные тарелки, но из-за масок есть они не могли. Один из них пытается что-то сказать, вскидывая голову и издавая непонятные звуки. Мимо длинного стола, за которым сидит взвод, идет, насвистывая песенку, солдат-почтальон. Один из кадетов неожиданно вырывает у почтальона из подмышки регистрационный журнал с привязанным к нему карандашом. Через мгновение на чистой странице кадет быстро пишет: «Срал я на этого Моцарта!» Почтальон даже не успевает опомниться. Кадет поворачивает журнал к капралу, а свободной рукой начинает стягивать маску.

Капрал. Стоп, слоник!.. Мы тебя не слышали!.. Не хитри!

Но кадет уже стянул маску, моргает глазами и, как бы толкая слова из себя, говорит.

Кадет. Я з... з... за... заикаюсь...

Капрал (*весело*). Понятно! Ешь!..

Испуганный почтальон молча наблюдает за происходящим. Капрал хлопнул его по плечу. Капрал. Так!.. Второй взвод: есть что-нибудь? Почтальон (*все еще не придя в себя*). Только одно...

Он достает толстое письмо, передает его капралу... Уставил на размашистую запись в своем журнале. Капрал оценил объем письма, потом снисходительно посмотрел на почтальона.

Капрал. Что ты так уставился?.. Парень не любит Моцарта. Ты-то хоть знаешь, кто такой Моцарт?..

Капрал еще раз взглянул на конверт, рассмеялся.

Капрал. Вам уже пишут, недоноски!..

Он пустил конверт в сургучных печатях по гладкой поверхности стола. Медленно вращаясь, конверт проскользнул меж тарелок и уперся в солонку. Кто-то из кадетов хотел было взять его, но опередил другой, один из тех, кто был в маске. Он придвинул конверт к себе. На конверте красивым аккуратным почерком был выведен адрес, а с розовой марки в углу смотрел Вольфганг Амадей Моцарт (1756—1791). Имя и годы жизни были на марке.

Звучит музыка Моцарта и текст письма. Голос Джейн. Дорогой мой мальчик... Пишу тебе первое письмо, в надежде, что

оно дойдет без задержек... Эндрю, родной мой! Ты вступил в новую и полную испытаний пору своей жизни, в которой такие качества, как благоразумие и спокойствие, понадобятся тебе более всего. Умоляю тебя: будь сдержанным, беспрекословно выполняй все, что от тебя требуется, не груби и не упрямясь...

Из наплыва появляется изображение офицерской школы: с ее плацем, гимнастическими снарядами на нем, полем для скачки и рубки лозы, с развевающимся над ним флагом в звездах и полосах.

Голос Джейн. ...А я буду молить Господа Бога, чтобы ты оказался в подчинении не злых, справедливых людей. И еще: чтобы он ниспослал тебе терпения, порою так тебе не хватающего.

Начинаются титры фильма.

Голос Джейн. ... Теперь, когда ты так далеко и не можешь нетерпеливо махнуть на меня рукой, когда я пытаюсь что-то объяснить тебе, я хочу рассказать одну историю, которую ты никогда бы не дослушал до конца, но которая теперь может быть очень полезна! Это случилось с одной моей близкой подругой, звали ее, как и меня, Джейн, и было это больше двадцати лет назад, когда тебя еще не было на свете... Отца ее, итальянского изобретателя, уже в зрелые годы ставшего американским гражданином, судьба забросила на несколько лет в Россию... Джейн, молодая, красивая, недавно овдовевшая женщина, изъездившая до того с покойным мужем всю Индию, ехала в вагоне первого класса поезда «Берлин — Санкт-Петербург» к отцу, которого она так давно не видела, что даже боялась, что он ее не сразу узнает...

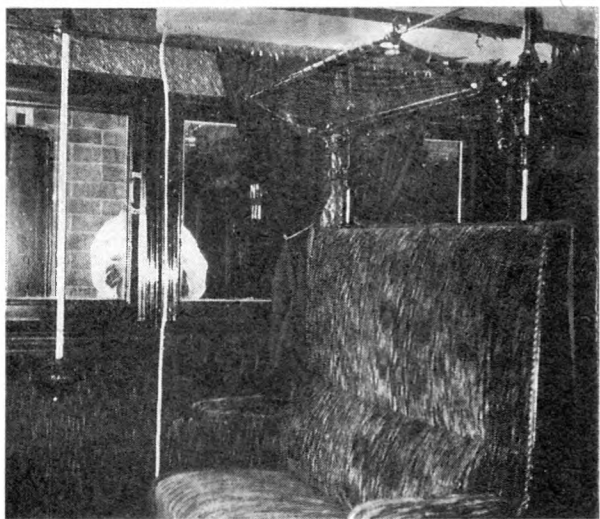
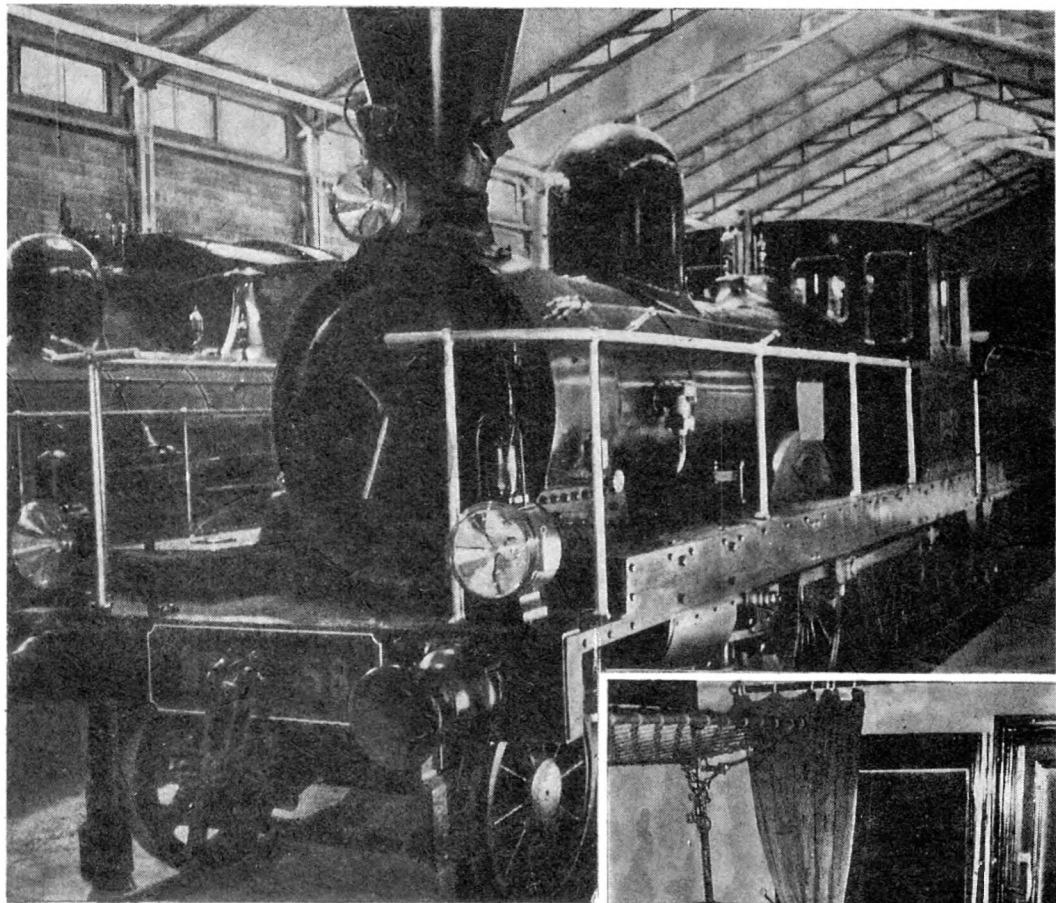
Зима 1885 года.

Мчится поезд по заснеженным просторам в нескольких часах езды от столицы Российской империи Санкт-Петербурга. В международном вагоне типа «Микст», с желтовато-деревянной обшивкой, качались от быстрого хода белые пузырьчатые занавески.

В одном из купе едет абиссинский принц с двумя слугами. Принц кофейно черен и очень маленького роста. Руки в перстнях, в ушах серьги. Слуги его так же кофейно черны и тоже маленького роста. Перед принцем разложена карта гигантской Российской империи, на которой он, говоря что-то слугам на родном языке, чертит карандашом какие-то линии.

Из купе рядом слышится разговор.

Голос. Да нет же, любезные, вы опять не поняли!.. Это не чучело, голова самая настоящая, но только ей четыре с половиной тысячи лет. Я ее в Каире купил... Это, ну как вам сказать, любезный, ценность

Вагон типа «Микст»

огромная и редкость...

В купе двое: один плотный, с гладко зачесанными волосами (он и говорил сейчас), другой — длинный и худой, с маленькой лы-

сеющей головой и закрученными под столом ногами. Между ними в стеклянной коробке стоит мумия головы египетской красавицы. Длинный (как бы начиная разговор снача-

ла). Нет, уж позвольте, милостивый государь... ежели убрать все эти тонкости: историю, Египет... прочая! Вы везете мертвую человеческую голову! Я не от себя говорю, я, как полиция может посмотреть!..

Плотный (*нетерпеливо перебивает*). Да нет же, господи!.. То есть голова человеческая, но ей же четыре с половиной тысячи лет, понимаете?..

Длинный (*перебивает*). А где это написано, что вы ее вчера отрезали? Где? Нет — я-то понимаю, я не от себя, милостивый государь... Я, как полиция может...

В последнем купе вагона, облокотившись на бархатный валик дивана, сидела дама с тонкими чертами лица, каштановыми волосами, прибранными в скромную прическу, и живыми ярко-зелеными глазами.

В сетке над диваном лежали ее вещи: два чемодана в чехлах и портплед из шотландской материи.

Дама читала книгу.

Небольшая станция под Петербургом. Снежно. Вертикальный дым из труб. Бабы с лукошками, закутанные в шали дети, крики, торг. Паровик пыхтит паром, посвистывает, из-под громадных его колес капает на снег кипящая вода, выгаивая глубокие лунки. Громко бьет станционный колокол, за ним раздаются трели свистков кондукторов. Из буфетной залы, толкаясь, высыпают на перрон молодые юнкера. Они при оружии, в черных суконных, на байке, шинелях, с телячьими ранцами за плечами и патронными сумками с гербом училища на них. Головы их поверх шапок и наушников закутаны башлыками. Обжигаясь горячими бубликами, крича, подкальзываясь на укатанном снегу, они бросаются к отходящему поезду. Ротный их командир, капитан Фокин, по прозвищу Додон, энергично размахивает руками, торопит опоздавших.

Поезд уже набирал ход, когда из буфетной выскочили еще пятеро замешкавшихся юнкеров и, поняв, что свой вагон им уже не догнать, прыгнули в первый попавшийся.

Юнкеров пятеро: красавец аристократ Полиевский, рыхлый на вид толстяк Назаров, белозубый, стремительный Алибеков, флегматик Бутурлин и Андрей Толстой. Все возбужденные, румяные, дышащие свежестью и морозом, они продавливают вглубь, в сенцы, толстощекого немца-проводника, цепляющегося за все поручни и ручки и не желающего пустить юнкеров в свой международный, экстра-класса, вагон типа «Микст».

Проводник (*кричит по-немецки*). Нет, нет! Никогда! Это невозможно, господа офицеры! Это экстра-класс!

Толстой (*надавливая на проводника*). Вот, вот — нам это и нужно!

Проводник. Нет, нет... Билеты! Ваши билеты, господа!

Назаров. Мамочка, рыбонька, на-ка лучше бублик скушай! Пусты!

Алибеков (*пытаясь протиснуться глубже*). Да что вы с этой свиньей разговариваете?!

Полиевский. Ой, ой, падаю!

Проводник. Я вызову полицию! Полиция!..

Бутурлин. Ты где ее возьмешь? Где ты ее возьмешь?!

Полиевский (*стоя на подножке*). Ой, ой, падаю!

Проводник. Нет, господа! Никогда! Нельзя!

Бутурлин. Где ты возьмешь полицию, я тебя спрашиваю?.. Нет, то не может нравиться бабам, когда скопец командует штабом!..

Они смеются. Вдруг раздается страшный крик. Все оборачиваются. Полиевского на подножке нет. У немца-проводника затряслось лицо.

Проводник (*с отчаянием*). О, Господи!..

Проводник начинает вальсировать на колени. В проеме вагонной двери пусто. Только часто мелькают заснеженные деревья и редкие телеграфные столбы.

...Полиевский, держась одной рукой за поручень, а другой уцепившись за край окна, влипнув в обшивку мчащегося вагона, как бы не стоит, а висит в воздухе. На лице его застыла напряженная улыбка.

Проводник, бормоча что-то бессвязное, так и не вставая с колен, медленно ползет к двери. Резко появляется в дверном проеме Полиевский.

Полиевский (*кричит*). А-а-а, колбасник, наложил в штаны?!

Он впрыгивает в сенцы вагона, и вся компания, хохоча и толкаясь, продавливается в вагон.

Здесь тихо. Вагон плавно раскачивается. В толстых зернистых стеклах дверей купе, в обитых тисненой кожей стенах матово отражаются окна и снежная белизна за ними. Юнкера притихают. Жуют горячие бублики, разглядывают шикарный вагон. Их заснеженные шинели, сапоги, тяжелые «берданы» — все это выглядит тут совсем чужим и грубым. Назаров тянет носом жаркий воздух, крутит головой и заключает.

Назаров. У-у-у... Заграницей пахнет, господа!

Из двери ближайшего купе высунулась в коридор совершенно черная морда с серьгой в ухе и тут же скрылась обратно. Толстой непроизвольно перекрестился.

Из купе рядом доносятся голоса.

Голос длинного (*так же ровно*). Ну, а вот допустим, сударь мой, я — полицейский пристав, встречаю вас на Невском, а вы, извините, эту вот сию часть мертвого тела, голову то есть, под мышкой несете и посви-

Актриса Мерил Стрип

стыбае. «Откуда голова?» — спрашиваю. Что вы мне на это ответите, господин ученый?

Голос плотного (уже еле сдерживаясь). Да оставьте вы меня в покои, Христа ради...

На этих словах плотный открывает дверь купе, выходит, но, неожиданно увидев вооруженных людей, тем же движением стремительно возвращается назад.

Голос длинного (победно). А-а-а, батенька мой, не так-то просто с трупом-то...

Толстой опять перекрестился.
Бутурлин (восхищенным шепотом). Ну, господа, настоящая заграница! Вы слышали?.. (Декламирует.) На мягкой кровати лежу я один, в соседней палате кричит армянин...

Юнкера смеются. И тут из сеней доносится писклявый тенор кондуктора.

Кондуктор (слабо). Полиция!.. Полиция!..

Юнкера встрепенулись. Назаров имитирует кого-то из командиров.

Назаров (кричит в нос). Юнкер-ра-а! Короткими перебежками!..

Алибеков протяжно, с шиком свистит, изображая звук летящего снаряда.
Толстой. Бу-у-ух!..

Все присели, втянув головы в плечи.
Полиевский. Перелет!

Из сеней доносится пронзительная трель свистка кондуктора.

Голос плотного (с досадой). Вот ведь накаркал, чертова перечница!.. И впрямь дурак какой-нибудь найдется, идиот безграмотный...

Голос длинного (радостно). Да я и говорю. Он отворяет дверь в коридор. Там пусто. Юнкеров тоже не видно.

...Даже тесно прижавшись друг к другу, пятеро юнкеров занимают почти все про-

странство купе Джейн. За дверью слышны быстрые шаги и голос проводника. Голос проводника. Они думают: Макс тихий, Макс все стерпит. Макс — не тихий! Макс с них штаны снимет! Мальчишки... И розгами их, розгами...

Полиевский, выждав, пока голос проводника удалился, просительно прижал руку к груди.

Полиевский (шепотом). Сударыня, извините, нас прислали. Охрана...

Джейн, оторвавшись от книги, с удивлением смотрит на юнкеров.

Джейн (по-английски). Кто вы? Что вы хотите?

Юнкера переглянулись и уставились на Толстого. Полиевский зашептал ему на ухо. Толстой (переводит его на английский). Мы охрана. Мы охрана, сударыня, нас прислали. Здесь маньяк, Синяя Борода. Выдает себя за немца! У него сообщник — чернокожий.

Джейн. Абиссинский князь?

Полиевский. Это его кличка!

Алибеков выставил из-за спиты Бутурлина растопыренные пальцы обеих рук.

Алибеков (хрипло, на ломаном английском). Десять жертв, мисс...

Бутурлин (по-русски). Все певицы!..

Толстой (по-английски). Все певицы...

Джейн. Певицы?..

Толстой. Да. Вам все понятно?

Джейн. Да.

Неожиданно она начинает очень громко петь арию из «Нормы» Беллини. Лица давящихся от смеха юнкеров мгновенно становятся серьезными. Полиевский переглядывается с товарищами.

Полиевский. А нам все понятно? (Толстому.) Не переводи.

Юнкера, как по команде, поворачиваются к двери. По одному выскакивают из купе Бутурлин, Назаров, Алибеков... Полиевский, перешагнув порог, оглядывается на Толстого.

Полиевский. Толстой! Остаешься нести охрану!

Дверь захлопывается перед носом Толстого. Джейн продолжает петь.

...В коридоре, сбившись в кучу, юнкера делятся от смеха.

Назаров. Ну и вагончик!

Из своего купе высовывает в коридор голову плотный. Увидев юнкеров, тут же убирает ее назад.

Джейн продолжает петь. Толстой безуспешно толкается в запертую снаружи дверь. Джейн умолкает. Чувствуя спиной ее взгляд, Толстой поворачивается к ней. Джейн смотрит на связку бубликов в его руках. Джейн (с протодушным любопытством). Что это такое?

Толстой не сразу понимает, что иностранку интересуют бублики.

Толстой (*по-английски*). А, это? Это бублики!

Слово «бублики» он, естественно, произносит по-русски.

Джейн (*с интересом*). Бублики? Это едят?

Толстой (*спохватившись*). Да. Не хотите ли попробовать?

Джейн. Спасибо.

Джейн берет протянутый ей бублик, с удовольствием надкусывает его и меняет позу, положив ногу на ногу в серых замшевых туфлях с серебряными пряжками.

Джейн. Садитесь.

Толстой. Спасибо. Ничего. Я не хотел бы вас стеснять...

Джейн (*улыбается*). Не слишком ли поздно вас это забеспокоило? Садитесь...

Толстой послушно присаживается на край дивана. Начинает разворачивать башлык.

Джейн, жуя бублик, разглядывает юнкера.

Джейн. Вкусно!.. Судя по вашему бравному виду — вы военный?

Толстой. Будущий. Я учусь в юнкерском училище. Разрешите представиться!

Он привстает, придерживая рукой тяжелую «бердану».

Толстой. Андрей Толстой!

Джейн. Как?!

Она с улыбкой поворачивает книгу обложкой к Андрею. Смотрит на него вопросительно.

Толстой (*почти оправдываясь*). Нет, я не имею никакого отношения... И министр внутренних дел граф Дмитрий Андреевич Толстой мне не родственник... Я из других Толстых.

Джейн. «Анна Каренина», вы читали?

Толстой. Нет. Слышал, но пока не успел...

Джейн (*после паузы*). Вам удобно сидеть?

Толстой (*удивленно*). Удобно...

И тут, догадавшись, привстает и обнаруживает, что сидел на веере старинной работы с отделкой из серебра. Придавленная им ручка треснула.

Толстой. Извините, я не заметил. Я почию...

Джейн. Не беспокойтесь, я сама виновата. Можете снять шинель, здесь довольно жарко...

Толстой вытирает рукой пот со лба.

Толстой. Ничего, скоро приедем. Мы с зимних стрельбищ едем.

Джейн (*улыбаясь*). Стрельба по маньякам?!

Толстой (*смущенно*). Извините, это была не очень удачная шутка...

Джейн. А отчего ваши друзья так испугались, когда я запела? У вас не жалуют итальянскую оперу?

Толстой. Напротив, у нас в училище своя опера, мы в ней поем!..

Джейн. Вы тоже?

Толстой. Да.

Джейн (*с интересом*). И что вы поете?

Толстой. Сейчас мы ставим «Женитьбу Фигаро».

Джейн. И какую партию исполняете вы?

Толстой (*не без гордости*). Фигаро!

Джейн. Я и подумать не могла, что в России знают Моцарта. Просто не верится.

Толстой (*с искренним удивлением*). Почему?

Джейн (*смуглившись*). Ну, среди военных, я имела в виду. У меня к вам просьба: спойте что-нибудь.

...В просторных сенях вагона юнкера продолжают веселиться. Назаров ест бублик, Алибеков курит папироску.

Бутурлин (*давясь от смеха*). И тут Толстой наводит на нее свою «бердану» и заявляет...

Назаров (*кого-то изображая*). Я и есть Синяя Борода!..

Бутурлин. Мисс сопротивляется, но Толстой неумолим...

Назаров (*гуповато*). Отчего она запела, господа?

Полиевский. От восторга, Назаров.

Алибеков. Я бы на ней женился!..

Все замолкают, потому что в глубине вагона возникает громкое пение. На этот раз поет мужской голос. Изумленные юнкера узнают голос Толстого. Полиевский с усмешкой смотрит на Алибекова.

Полиевский. Поздно, князь...

Перрон вокзала в Петербурге. Зима 1885 года.

Снуют артельщики, груженные баулами, саквояжами, появились жандармы — во всем чувствуется та суета, какая бывает на вокзалах перед приходом поезда. У входа в здание вокзала строится духовой оркестр. Среди публики молодежавый господин в бобровой шубе и шляпе, с цветами в руках. Легкой, прыгающей походкой к нему подходит сухонький старичок с прокуренными усами, по виду отставник. Он с хрустом, аппетитно жует.

Отставник (*по-английски, с удовольствием*). Напрасно отказались! Чудесная водка и огурчик нежинский отменный...

Господин в шубе через голову отставника скосил глаза в сторону вокзала, где рядом с оркестром собралась уже внушительная по виду толпа военных и штатских. Господин в шубе нервно посмотрел на часы и неожиданно протянул отставнику руку ладонью вверх.

Отставник. Вам что?

Роберто. Сдачу.

Отставник удивленно моргает белесыми ресницами.

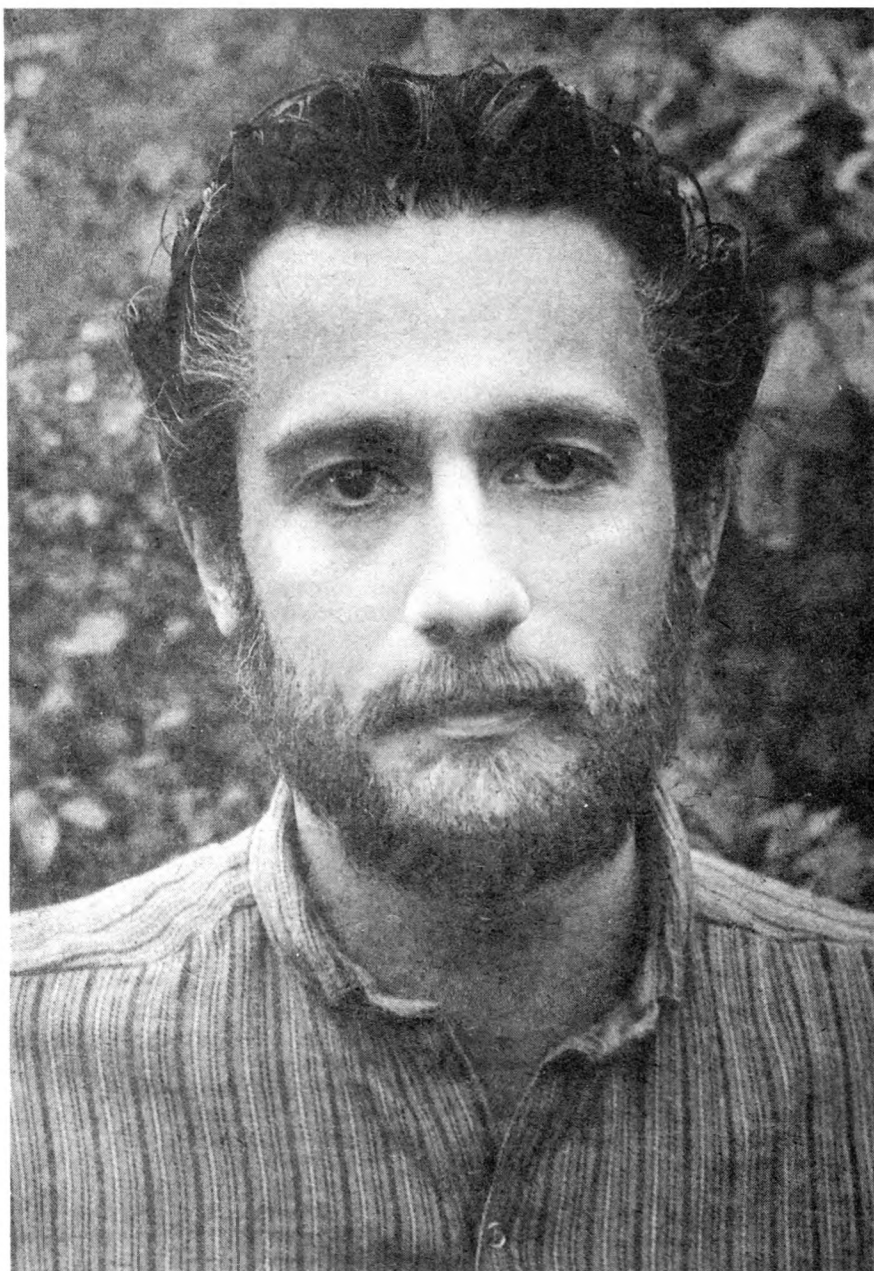
Роберто (*объясняя*). Я дал вам целковый! Рюмка водки и огурец стоят тридцать копеек.

Отставник (*сразу*). Шестьдесят...

Роберто. Почему?

Отставник. Я дуплет-с исполнил... Двойной комплект...

Роберто. Все равно, отдайте сдачу.

Олег Меньшиков на пробах

Отставник. Экой вы, все-таки, прости Господи, немец... Настоящий иноземец.

Он с досадой возвращает сдачу, а господин в шубе пунктуально пересчитывает ее.

Роберто. Не смейте называть меня немцем. Я американец!

Он посмотрел в сторону оркестра.

Роберто. Посмотрите-ка, это не он? Не великий князь?!

На перроне появляется дородный генерал, рядом с ним, видимо, его адъютант.

Отставник (подозрительно). Ну что вы, батенька! Это свинья Радлов, начальник Алексеевского училища! Человек-голос!...

Роберто. Что это значит?

Отставник. У дураков, знаете, бывают такие голоса значительные... Что ни скажет, все умно кажется, а сам болван болваном. Так всю жизнь на голосе и едет...

Олег Меньшиков на пробах

Роберто. А вы уверены, что великий князь Алексей Александрович приедет?

Отставник. Кому же еще принца абиссинского встречать?

Господин в бобровой шубе вытаскивает из внутреннего кармана фотографию, на которой мы видим Джейн: очень молодую, с короткой стрижкой и мало похожую на Джейн сегодняшнюю. Господин вглядывается в фотографию.

Отставник. Ну что вы все ею любуетесь?! Увидите сейчас...

Господин в шубе, бросая недовольный взгляд на старичка, прячет фотографию.

Капитан Фокин, по прозвищу Додон, возник в вагоне «Микст» неожиданно. Быстро прошел в сени, где продолжали дурачиться юнкера. Первым Додона заметил Полиев-

ский. Издал свистящий звук снаряда, за которым последовал «бухающий» взрыв — его изобразил Бутурлин.

Полиевский. Попались!

Юнкера вытянулись; Алибеков сунул горящую папироску в карман шинели.

Фокин. Алибеков, у вас дым идет, сгорите, а заодно и вагон спалите. Кто еще курил? Стыдно, господа, при оружии, в форме и, как гимназисты, за бубликами носите! Цвет нации, офицерство! Всем двое суток карцера с исполнением служебных обязанностей. Алибекову еще сутки за курение. Марш в свой вагон!

Юнкера щелкнули каблуками.

Фокин. Стоп! Одно нет! Где Толстой?

Бутурлин. У «Анны Карениной».

Фокин. Бутурлин, одно дневальство без очереди.

Бутурлин. За что?

Фокин. За «Анну Каренину»! Где Толстой? Алибеков (*тихо, под нос*). В Ясной Поляне...

Джейн сидит у окна и ест бублик. Закончивший петь Толстой стоит у двери.

Джейн. Вы прекрасно поете. Садитесь... Что вы стоите?

Толстой (*переводя дыхание*). Спасибо.

Стесняясь, садится на краешек дивана.

Джейн. Хотите вина?

Толстой сперва колеблется, затем решает.

Толстой. Вина?.. Вообще-то... С удовольствием!

Начинает откупоривать бутылку шампанского, стоящую на столике.

Джейн. Скажите, а что означает «Великий князь»? Это должность?

Толстой неумело возится с бутылкой.

Толстой. Это член царской семьи... дети, братья царя, зятья, дяди, племянники...

Джейн. И их много?

Толстой. Человек десять или даже больше. Попечитель нашего училища — Великий князь Алексей Александрович — младший брат его величества.

Наконец, пробка с шумом вылетает из бутылки. Часть пенящегося вина проливается. Толстой поспешно наполняет бокалы.

Толстой. Извините...

Джейн (*с сомнением*). Может, вам нельзя?..

Толстой. Почему? У нас такое училище... У нас все пьют!.. А знаете, как пьют русские гусары?

Джейн. Нет...

Толстой ставит бокал на сгиб локтя, вытягивает шею и начинает медленно подносить бокал к губам.

Толстой. «Шестой к локтю!» — это называется. Ваше здоровье, сударыня.

Край бокала наконец достигает побелев-

ших от волнения губ юнкера, и, запрокинув голову, он осушает его до дна. Джейн улыбается в знак одобрения гусарской забаве и приглубляет свой бокал. Толстой садится и начинает быстро хмелеть. Стремясь скрыть свое состояние, начинает бойко говорить, но все более и более бессвязно.

Толстой. Знаете, сударыня, что остается, когда скушаете бублик? Дырка!

Он смеется и рисует в воздухе дырку от бублика.

Толстой. Это шутка такая... Можно, я возьму у вас папироску?

Джейн. Пожалуйста! Извольте... это русские, я в Варшаве купила. Пахитоски называются.

Толстой вытягивает из пачки, лежащей на столе, папиросу, протягивает коробку Джейн. При этом он не перестает говорить.

Толстой. У нас все шутят. А меня, наверное, скоро выгонят... Из-за одного приват-доцента. Вообще, такого и предмета на свете нет, нигде. Он его сам выдумал! Говорит: «Я учебник пишу! «Военная география»! У него прозвище «Мамочка»! Он так всех называет: «Мамочка, мамочка»! Зверь! Географию эту военную на двенадцать баллов только Господь Бог знает... на одиннадцать баллов, он говорит, он сам. А у нас только четыре, пять или просто дырка от бублика, нуль... (*Он смеется.*) Да я бы сам ушел. Маменьку жалко. Хотите посмотреть? Вчера как раз фотографию мне прислала. Она такая красивая, настоящая актриса!..

Толстой лезет в карман мундира, вытаскивает фотографию, передает ее Джейн. На толстом паспарту, с вытесненной подписью известного фотомастера «Господина Н. А. Берштольца», мы видим еще молодую красивую женщину с пышной прической, украшенную драгоценностями, а рядом с ней — соседа Джейн по купе, юнкера Толстого, в летней военной форме.

Толстой. Это в прошлом году, я только приступил... Прошу!

Он поднес горящую спичку Джейн. Прикурив сам, лихо пустив дым. Джейн незаметно вложила фотографию в книгу. В этот момент дверь купе отворилась и на пороге возник капитан Фокин, он же Додон. Из-за его спины заглядывали в купе юнкера. Вид полупьяного курящего Толстого произвел шоковое впечатление. Кто-то из юнкеров издал звук: «Ба-а-ах!»

Фокин. Извините, сударыня...

Бросив короткий взгляд на Джейн, он тяжело посмотрел на юнкера.

Фокин. Юнкер Толстой!.. Петербург в пяти минутах хода...

Толстой (*перебивает*). Знаю! Будьте нашим гостем, господин капитан.

Фокин еще раз взглянул на Джейн и

вдруг рывкнул так, что зазвенели бокалы на столе.

Фокин. Встать, когда говорите со старшим по званию и своим ротным командиром!

Толстой делает попытку встать. Но то ли передумал, то ли не смог...

Толстой (миролюбиво). Зачем же кричать при даме, господин капитан. Хотите вина? Можно ему вина?

Это он спросил у Джейн, но уже говорил Додон.

Фокин (по-английски). Простите, сударыня, великодушно.

Он повернулся к стоящим за спиной юнкерам.

Фокин. Доставьте его в наш вагон.

Он отдает честь Джейн и покидает купе.

Толстой встает, «опираясь на бердану», и тоже козыряет.

Толстой. Прощайте, милостивая государыня, рад был знакомству...

Джейн. Прощайте, господин Толстой. Как называется ваше училище?

Толстой. Алексеевское...

Он делает два шага и оказывается вне купе.

Назаров закрывает за ним дверь, и Толстой уже схвачен.. в крепкие объятия своих товарищей.

На перроне вокзала в Петербурге к группе господ и офицеров, собиравшихся, видимо, встречать абиссинского принца, подходит лощеный флигель-адъютант. Генерал Радлов почтительно поворачивается к нему.

Радлов. А их высочество, Алексей Александрович, еще не прибыли?

Флигель-адъютант. Их высочество порешили не ехать, много чести!.. Этот абиссинец собирается инкогнито путешествовать!..

Радлов. И правильно! Светлейшая у Великокого князя голова!.. Кланяйтесь ему от меня, так и скажите: от Радлова, генерала, начальника училища нижайший поклон.

Господин в шапке. Как инкогнито?.. Это еще что за африканские штучки?..

Новость, что Великокого князя не будет, мгновенно разнеслась по встречающей толпе. **Полный чиновник.** Великокого князя не будет. Инкогнито — арап чертов!

Худой, пожилой господин. Это каким же манером он собирается по России инкогнито?

Встречающие стали расходиться.

Господин в шапке. А ночью!..

Худой, пожилой господин. Это как же, позволете?..

Господин в шапке. Ночь черна, и он черней — вот и инкогнито...

Послышался протяжный гудок паровика, из-за поворота показался поезд.

Оркестр строем уходил с перрона, встречающие абиссинского принца смешались с толпой.

Отставник, просматривая газету, заметил расходившихся.

Отставник. У-у-у, смотрите-ка, разбежались все!..

Господин в шубе раздраженно хмыкнул и отвернулся, напряженно вглядываясь в приближающийся поезд. Генерал Радлов в сопровождении адъютанта шел по перрону навстречу поезду.

Поезд медленно катил вдоль перрона.

Господин в шубе и отставник торопливо шли к международному вагону «Микст». Первым в дверях показался длинный пассажир с потертым баулом в руке. Ловко соскочив на перрон, он остановил пробегающего артельщика.

Длинный (шепотом на ухо). Где тут полиция поблизости, голубчик?

Артельщик показал рукой в сторону вокзала.

Появившийся в дверях плотный господин с большой коробкой в руке поспешно зашагал в противоположную сторону.

В дверях вагона появляется Джейн. С застывшей улыбкой она ищет в толпе своего отца.

Отставник. Вот она! Вот она! Да куда же вы смотрите? Вон там!

Он бежит к Джейн, которая переводит взгляд на господина в шубе и шляпе. В ее глазах растерянность.

Роберто. Джейн! Доченька!..

Он настигает отставника, чуть обгоняет, как бы даже отпихнув его в сторону.

Джейн (обрадованно). Папа!..

Она сходит с подножки, подхваченная руками отца.

Роберто. Джейн, дорогая!..

Она с некоторым смущением отвечает на поцелуй.

Отставник. Как славно! Как славно-то!.. Сколько же вы не виделись-то?

Джейн (освобождаясь от объятий отца). Шесть, нет... семь лет!..

Взволнованный отец кивает головой.

Джейн. Папа, как же ты постарел!..

Роберто (смущенно). Я?!

Джейн, понимая, что сказала бестактность, меняет тему разговора.

Джейн. В купе мои вещи!..

Отставник (с готовностью). Э, сударыня, не извольте беспокоиться!.. Артельщик!

Отставник скрывается в вагоне вместе с рослым артельщиком. В дверях вагона мелькает кофейное лицо кого-то из свиты абиссинского принца. Отец и дочь остаются одни.

Джейн. Ну, папа, как дела?

Роберто (быстро). Плохо! Я надеялся, тут Великий князь будет абиссинского принца встречать. Можно было... Но он не приехал.

Джейн. Да?.. А кто же его встретит?.. Он такой маленький!..

Она что-то вспомнила и улыбнулась.

Джейн. Его зовут Синяя Борода.

Роберто (*не слушая ее*). Истек срок выплаты кредитов.

Джейн. Как, уже истек?

Роберто (*с отчаянием*). Позавчера. Я ведь писал Дику...

Джейн. Я знаю. Послушай, папа! Какие ужасные русские имена: Иван Христофорович... Ни-ко-лай Архипович... Петр Са-вел-ев-ич...

Роберто. Они уже два дня у меня дома сидят.

Джейн. Да... А я так весело ехала...

Железнодорожные пути с тыльной стороны поезда. Из двери вагона III класса четверо друзей выгружают Толстого.

Алибеков. Ногами вперед не надо — он же живой!

Полиевский. Осторожно, господа, мы его уроним...

Толстой (*заплетающимся языком*). В третьем лице о живом человеке!.. Моветон, господа!..

Бутурлин. Не та у вас дислокация, юнкер, про моветон рассуждать! Ну и денек...

Полиевский. А Анна Каренина хороша! Споила Толстого.

Бутурлин (*подхватывая*). Вегетарианца.

Все смеются. Они обогнули поезд и увидели стоящую на привокзальной площади колонну юнкеров.

Бутурлин. А генерал-то что на вокзал приперся?

Полиевский. На пьяного посмотреть.

Назаров. Ой, что будет!.. Господи, спаси и сохрани!..

Он рывком скидывает шапку и крестится. За ним все юнкера перекрестились... Они ставят Толстого на ноги и, подхватив под руки, бросаются туда, где черной шевелящейся массой стоит их рота...

Отец и дочь идут по перрону, за которым виднеется просторная привокзальная площадь. Отставник семенит чуть сзади, за ним два артельщика тащут на себе увесистый багаж Джейн. Она болтает без умолку. Отец рассеянно улыбается.

Джейн. ...Ну, а потом, уже после кончины Генри, я еще некоторое время жила в Индии, это я тебе писала, да?..

Отец неуверенно кивает головой.

Джейн. Да!.. Я тигра убила из ружья! Бац! Она обернулась к отставнику.

Джейн. Слушайте, как вас там? Что вы отстааете?

Отставник прибавляет шаг, рад, что его заметили.

Джейн. Вы кто? Папин помощник?

Копнов (*молодцевато козыряет*). Товарищ

председателя его императорского высочества инженерно-технического комитета по изобретениям.

Роберто (*с досадой*). Бывший.

Копнов (*не слыша*). Статский советник Павел Копнов, сударыня.

Роберто. В отставке. Это он меня сюда заманил четыре года назад. А теперь...

На площади множество саней, экипажей, кибиток. Над извозчицей биржей от лошадей клубится пахучий пар, кучера греются у костра. Артельщики укладывают вещи Джейн в сани, в другие — с откинутой волчьей полостью — усаживаются Джейн, отец и Копнов. Сани медленно трогаются.

Копнов (*многозначительно*). Теория сообщающихся сосудов!..

Джейн. Я не понимаю, говорите проще.

Копнов. Извольте! Да только куда же проще-то? Батюшку я вашего уговорил к нам ехать машину делать в январе осемьдесят первого. Мы в Вене познакомились на выставке успехов изобретательства. В феврале он прибыл. Подали бумаги, достали кредиты, а первого марта на Садовой улице бомбой террористы убивают его величество императора Александра Второго, царствие ему небесное...

Копнов перекрестился.

Копнов (*продолжает*). ...А еще через месяц новый наш император, Александр Третий, дай ему Бог здоровья и благополучия... (*Он снова крестится*). Всех тех, кто при батюшке его посты занимал, удалять начал... В июне я уже в чистой отставке был, со всех должностей.

Сани их едут мимо юнкеров, построенных на площади. Генерал Радлов приветствует колонну, юнкера дружно хором отвечают. Затем, прохаживаясь вдоль строя, генерал что-то говорит им.

Копнов (*задумчиво, глядя на юнкеров*). Увлекательна наша чиновничья жизнь! Где тебя на волне вытянет, где и кто тебя прищепнет, как муху, — никому неведомо!.. Вот я, дворянин, инженер, статский советник, в Лондоне учился, а ныне же нахлебником и пьяницей у вашего батюшки числюсь. А этот вот индюк, памятник этот, у которого в его лысой голове вместо мозгов ядро пудовое, — он юнкерами командует, цветом нации, на Великого князя, говорят, влияние имеет, в шталмейстеры нырнуть метит, и нырнет, всене-премнейше нырнет!..

Джейн. Что такое шталмейстер?

Копнов (*улыбается*). Это должность такая, дитя мое, при дворе его императорского величества, дай бог ему здоровья и всяческого благополучия... (*Он крестится*). Словечко-то неказистое, заморское — шталмейстер — на ругательство похоже... А вес большой имеет. У вас разве такого нет?

Ох, да вы же, верно, республиканка истовая.

Джейн (неожиданно). Позвольте, а с чего вы взяли, что этот генерал — лысый! Мне так показалось наоборот...

Копнов (смеется). Ха-ха... А он мало что место чужое занимает, он еще и волосы чужие носит. У него своя — только глупость!

Юнкера стоят навтыжку. Перед строем прохаживается генерал Радлов. Мимо проносятся возки, сани, Копнов еще что-то говорит, но Джейн смотрит внимательно в их сторону: то ли на юнкеров, то ли на важного генерала.

Радлов (важно). Моцарт Моцартом, господа юнкера, я тоже оперу люблю! Но ведь надобно же и дело разумыть!.

Генерал встречается взглядом с юнкером Полиевским, глаза генерала теплеют, он чуть заметно кивает юнкеру. Полиевский отвечает ему едва уловимой улыбкой. Капитан Фокин почтительно слушает генерала, но одновременно зорко следит за Толстым, который в центре второй шеренги стиснут с двух сторон плечами Назарова и Алибекова. Голова Толстого слегка покачивается, словно ища равновесия, а удивленный взгляд блуждает по большому красному лицу генерала.

Радлов (продолжая). ...Их высочество, Великий князь Алексей Александрович, гривеник влет пулей сшибает! А вы?! Вы, господа юнкера, извольте мимо мишенной пуделять! Это позорно!.. Это непатриотично, в конце концов!.. Каждая пуля, летящая мимо цели, попадает в спину отечества! Запомните это! Господин капитан, ведите роту домой!

Фокин. Слушаюсь, ваше превосходительство! Ро-та-а, нале-е-еу! Ша-гу-у-у марш!

Рота четко шагнула по утоптанному снегу. **Фокин.** За-пе-вай!

И тут свершилось неожиданное. Из самого центра колонны вознесся над еще не успевшей набрать дыхание ротой лихой тенор Толстого, запевшего арию Фигаро. Генерал изумленно оглядывается по сторонам. Тенор уже тонет в бравой юнкерской песне. Назаров, Бутурлин, Алибеков и Полиевский с выпученными глазами горланят походную, изо всех сил заглушая товарища. Рота уходит. Генерал так и не понял, что произошло...

На опустевшем перроне, озираясь по сторонам, стоит абиссинский принц в своем фантастическом наряде. Рядом — не менее фантастически одетые его слуги. На безопасном расстоянии от них собралась толпа

мальчишек, разносчиков, артельщиков. Они тихо переговариваются и с интересом разглядывают африканского «инкогнито». Где-то вддали слышится походная юнкерская песня...

Песня юнкеров в заснеженном Петербурге постепенно переходит в строевую песню, которую поют через двадцать лет молодые кадеты американской школы. По плацу марширует рота. Рядом идет капрал. Трое кадетов в противодымных масках идут в общем строю.

Капрал. Рота! Бегом марш!

Кадеты начинают бежать, продолжая петь. **Капрал.** Стой! Раз, два! Напра-а-аву! Равняйся! Смирно! Ты, ты и ты! (Показывает пальцем.) Два шага вперед!

Из строя выходят кадеты в масках.

Капрал. Споем вместе, слоники!.

Начинает петь. Кадеты поют за ним, глухо, сквозь маски, звучат их голоса. Капрал подносит ладонь к уху. Поет громче, кадеты вторят ему.

Капрал. Слоники, нале-е-еву! Бегом марш! Остальные вольно!

Капрал останавливается на середине плаца. Трое кадетов в масках с песней бегут по плацу. Капрал поворачивается за ними, словно дрессировщик в цирке. Орет им начало куплета, кадеты поют его окончание.

Капрал (неожиданно, посреди куплета). Срал я на этого Моцарта!

Кадеты бегут молча. Капрал продолжает песню, на лице улыбка. Кадеты ему отвечают. Солнце палит нещадно, мундиры кадетов мокрые насквозь. Звуки песни на плацу постепенно уходят на второй план. Мы слышим продолжение письма.

Голос Джейн. Итак, Джейн — уже достаточно закаленная жизнью путешественницы, которую она вела вместе со своим мужем до его трагической гибели где-то в горах Тибета, оказалась в России, о которой она равным счетом ничего не знала, кроме того, что там есть царь, много икры, водка, медведи, очень темный и дикий народ и большая Сибирь — словом, весь тот набор, который отличает просвещенного путешественника от непросвещенного, задающего только один вопрос: «Когда изволят кормить обедом?»

Зима 1885 года.

По Невскому проспекту мимо заведений «Портного Зеефельда», товарищества «Жорж Борман», домов, принадлежащих графу С. А. Строганову, банкирского дома «Лампе и К», храма Петра и Пала, городского ведомства, акционерного общества «Европейские гостиницы», шляпной фабрики Д. Брюно, новой, только что открытой фирмы «Большой парижский базар дамских вещей», дру-

гих пестрых и сверкающих вывесок и витрин катятся покрытые волчьей полостью сани. Джейн крутит головой, то и дело о чем-то спрашивает отца и Копнова.

Мы слышим продолжение текста письма. Голос Джейн. ...Как я тебе уже говорила, мой мальчик, дела в тот период у отца Джейн шли из рук вон плохо. Он был действительно талантливым инженером-изобретателем, изобрел какую-то удивительную машину, которая, кажется, могла валить огромные деревья или что-то в этом роде. Поначалу все складывалось удачно, дело пошло, но резко изменились обстоятельства, убийство террористами русского царя приостановило работы, а затем их и вовсе прекратили... Вот в этот-то как раз момент и приехала в Россию Джейн...

Сани сворачивают на набережную, к заснеженной Неве, и тут неожиданно раздаются сразу несколько выстрелов. Потом грохот от взрыва бомбы с мгновением тишины, и сразу чьи-то стоны, крики, опять хлопок выстрела. Впереди пробежали какие-то люди, завис в воздухе свист полицейских, ругань. Сани жмутся к обочине. По мостовой мимо них проскочило несколько всадников в казачьей форме, с оружием в руках. Уже в самом конце набережной, у моста, вновь раздались выстрелы, один из казаков упал, но поднялся и побежал, пригнувшись. Лошадь билась на снегу. Джейн вскрикнула. По набережной бежал полицейский. Полицейский. Что стали?.. Кому говорю: сворачивай!.. Сворачивай в подворотню!..

Кучера засуетились, путаясь в вожжах.

Шедшие строем юнкера остановились на Невском проспекте. К ним на взмыленной лошади подскочил какой-то есаул.

Есаул. Так, юнкера! Отлично! Скорее...

Фокин. Что случилось, господин есаул?

Есаул. На одесского генерал-губернатора покушение... Лошадей перебили, охрану.

Фокин. А сам он? ...

Есаул. Не знаю, капитан. Не время разговора разговаривать. Террористы где-то здесь. Прячутся! Надобно дворы скорее перекрыть...

Юнкера посерьезнели, подтянулись. Лица стали бледными и сосредоточенными. Капитан Фокин давал распоряжения, и юнкера — по двое и тройками, пригнувшись, разбегались в разные стороны, клацая затворами своих «бердан».

Протрезвевший от случившегося Толстой вместе с Полиевским и юрким Алибековым, спотыкаясь в снегу, бежали по набережной. Они проскочили мимо подворотни, где жались возки с пассажирами; Толстой подскользнулся на накатанном насте, но удержался на ногах. Они влетели в проходной двор какого-то дома...

И тут же раздался выстрел. Пуля чиркнула по кирпичной кладке. Полиевский проскочил вперед, Алибеков рванулся в сторону, а Толстой укрылся за каким-то железным баком.

Полиевский (кричит). Стой здесь! Прикрой нас!.. Я там за углом, на выходе! Алибеков, за мной!..

И скользя, чуть не падая, они пробежали в сквозную подворотню. Где-то неподалеку вновь раздалось несколько выстрелов, потом чьи-то крики и брань. Толстой, замерев и тяжело дыша, присел, прижавшись щекой к промерзшему железу. Руки у него чуть дрожали, в голове кружилось. В это мгновение дверь черного хода скрипнула и из нее, крадучись и озираясь, выскользнул какой-то молодой человек в черном пальто, черной широкополой шляпе, из-под которой виднелись длинные пегие волосы. Толстой, перебирая пальцами пегие и ложе «берданы», тихо спустил предохранитель и весь вжался в стену за баком. Человек в шляпе стал осторожно красться вдоль стены дома к подворотне. Сам того не подозревая, он все ближе и ближе подходил к Толстому. Толстой прижал щеку к прикладу и стал медленно, неслышно подниматься. На мушке появилась шляпа, щека, поросшая рыжеватой небритостью. Толстой открыл замуренный глаз и снова закрыл его. Человек приближался, внезапно он остановился и медленно стал поворачиваться к Толстому. Глаза их встретились. Человек стал судорожно что-то вытягивать из кармана пальто, но, видимо, что-то мешало это сделать. Толстой держал человека на мушке.

Террорист перестал сопротивляться, протянул к Толстому руки. Жалко улыбаясь белыми трясущимися губами, он шепотом проговорил:

— Не надо, не делайте этого... пожалуйста... я больше не буду, не надо...

Продолжая что-то бормотать горячечным шепотом, все еще держа руки вытянутыми перед собой, он пятился в глубь двора и так же медленно скрылся за какой-то дверью.

Толстой опустил «бердану» и так стоял, моргая намоченными ресницами и пытаясь понять, что же это только что произошло. Донесся стук копыт, потом еще несколько выстрелов, и кто-то закричал.

Голос. Вот!.. Все они тут! Все! Взяти!..

В проем подворотни было видно, как по набережной, подгоняемые казаками, прошли несколько человек с поднятыми вверх руками!..

И еще было видно, как в другой подворотне истошно кричал человек с коробкой, которого держали двое жандармов.

Господин с коробкой. Отпустите! Что вы делаете?.. Этой голове четыре тысячи лет. Это мумия называется, мумия!..

Жандармы заломили ему руки за спину и потащили прочь.

Жандармы. Это ты там все расскажешь, как это называется: головы человечьи по столице империи в чемодане таскать!.. Надо же чего выдумал, гнида!..

Вернулся Полиевский, за ним, возбужденно сверкая глазами, Алибеков.

Алибеков. Видели, господа?! Всех поймали!

Полиевский посмотрел на Толстого.

Полиевский. Что с тобой?

Толстой опустил «бердану», перевел дыхание.

Толстой. Ничего, замерз просто...

Возки, выехав из подворотни, продолжали свой путь. Джейн оглядывалась по сторонам, на толпившихся у тротуара казаков, полицейских и каких-то людей, на перевернутую карету с отвалившимся колесом, на лежащую в снегу лошадь. Она покачала головой.

Джейн. Весело у вас тут...

А по соседней улице уходила колонна юнкеров.

Ангар в доме инженера Сторато.

В тусклом петербургском свете, едва пробивающемся сквозь узкие переплетения окон, странно и таинственно мерцает огромное металлическое сооружение. Это самодвижущийся скоростной лесоповальный комбайн. Вокруг разбросаны какие-то детали, инструменты, к потолку на канатах притянуты колеса, шестерни. На стенах приколоты схемы, чертежи, исписанная расчетами грифельная доска, а в простенке у окон — огромная карта Сибири. Джейн с интересом рассматривает это странное помещение, холодное и пространное. Возбужденный голос ее отца гулко отдается под холодными сводами.

Роберто. Зачем я родился?! Зачем учился?! Зачем увез в Америку свою голову, полную идея, гениальных идея? И отчего я здесь?!

Джейн. Идей...

Роберто. Что?!

Джейн. Ты неверно сказал: «гениальных идея». А надобно: гениальных идей.

Роберто. Какая разница?..

Он стоит у карты Сибири, бьет по ней ладонью.

Роберто. Вот это... это... и это — сотни тысяч квадратных миль лес! Понимаешь?

Джейн. Деревья...

Роберто. Дерево пока стоит — дерево, а когда его спилят — древесина!

Джейн. Ну и что?

Роберто. Что? Древесина — это целлюлоза... А ты знаешь, что такое целлюлоза? Это ткань, смолы, миру нужна резина, миллио-

нам колес нужны шины! А для шин — целлюлоза... Целлюлоза делается из древесины, дешевой древесины!.. И важно успеть, на шаг раньше. С динамитом Альфред Нобель меня обогнал. Стокгольм, Париж, Германия... Все теперь выпускают динамит Нобеля! А паровик?! Огоны! Вода! Пар! У-у-уф!.. Ф-фа-а!.. Колеса крутятся, и ты мчишься! У-у-уф!.. Ф-фа-а! Все вокруг мелькает. Еще совсем недавно ты была бы еще в пути, сидела бы в каком-то клоповнике и ждала лошадей. А ты тут! Уже все привыкли к локомотивы...

Джейн. К локомотивам!

Роберто. Что?

Джейн. Ты сказал: «Привыкли к локомотивы!», а правильно: привыкли к локомотивам. **Роберто.** (не слушая). Да, именно привыкли! А вот первым быть! Как Стефенсон! На шаг раньше! Ха-ха! На один всего шаг!..

Отец выразительным жестом ноги показывает этот шаг.

Роберто. Или, например, граната! Будь у Жанны д'Арк одна граната, она победила бы британцев! Ты знаешь, кто такая Жанна д'Арк?

Джейн. Я даже не знаю, что такое граната...

Роберто. Ты любишь французов?

Джейн не успевает ответить.

Роберто. Я терпеть их не могу...

Джейн. Да, папа... (Повернулась к Копнову). И вы что: так вот тут и живете?..

Копнов виновато развел руками.

Джейн. Ну так что же... что может это чудовище?..

Она постучала пальцем по матово-железному боку машины.

Роберто (изумленно). Как?! Ты этого еще не поняла?! Моя машина может за день то, что пятьсот человек рубят за месяц! Это ножи, но это не просто ножи! Машина двигается так, а они движутся так...

В полусумрачном, морозном и гулком помещении, вдохновенно размахивая руками, инженер показывает Джейн, как должна работать его машина. Это какой-то фантастический танец — отец умудряется показать все: и вековой лес, и то, как машина в него врубается, и как появляются и действуют мощнейшие ножи и пилы, и как работает устройство, которое не дает дереву упасть на машину. В какой-то момент ему не хватило своих рук и ног, чтобы объяснить еще одну возможность машины, и тогда на помощь пришел отставник Копнов, изображавший падающее дерево. Инженер не замечает, что в дверях стоят несколько человек: в поддевах, шинели, кто-то с портфелем, кто-то с гладко расчесанным пробором — это пришли на последний бой его кредиторы.

Поймав взгляд Джейн, отец поворачивается к двери ангара и, увидев, наконец, кредиторов, издает вопль, выражающий одновременно и обиду, и огорчение, и злость...

Роберто. А-а-а!.. Явились! Сейчас... сейчас... Я все приготовил.

Инженер бросается к кредиторам и начинает тащить их в глубь ангара, где свисают с потолка канаты и веревки.

Роберто. Сюда, сюда, господа! И вы тоже! Все! Поближе... Чтобы видно было! Всем! Я доставлю вам удовольствие!

Он подтащил к свисающей с потолка веревке старый стул, взобрался на него и трясушимися руками возбужденно накиннул на голову заранее заготовленную петлю.

Кредиторы (один за другим). Что же это такое? Господа! Что же он делает?..

Внезапно ножки стула, на который взобрался инженер, разом подламываются. И неожиданно для всех (и для него самого) инженер повисает в петле. К счастью, веревка оказывается длинной, и ноги инженера упираются резко в пол, а затянувшаяся петля придает голосу инженера трагическую хрипловатость.

Роберто (кричит). Жалкие людишки!.. Я построил на ваши гроши гениальную машину! Чудо! Божество! Вот-вот оно должно ожить! Но у вас, фарисеев и отступников, не хватает терпения! Вам надоело ждать! Сейчас! Немедленно! Вы хватаете меня за горло! И душите! Душите!..

Шею инженера, как ошейник рвущейся с поводка собаки, стягивает веревка.

Джейн. Папа!.. Как ты мог! Прошу тебя, успокойся!..

Голова Роберто оказывается на заботливо подставленном плече дочери. Хрип в его голосе переходит в сдавленные рыдания. Джейн незаметным для него движением руки подает кредиторам знак удалиться. Те, пятясь на цыпочках, исчезают за дверью.

Роберто (сквозь слезы). Они сами составляют бюджет! Целый год его рассматривают, а цены за это время удваиваются. Они составляют бюджет заново, заново утверждают, опять проходит год, опять цены подсакакивают... И так уже четыре года! Я ничего не могу понять: получается, они сами себе должны! Все запуталось! Что за люди! Никто не говорит: нет, и никто ничего не делает! Если не пьют, то не работают! А без меня не пьют... И я пью с ними, чтобы шла работа! Как я еще не спился!..

Копнов подходит к инженеру, осторожно расслабляет и снимает петлю. Роберто, всхлипывая, отходит к столику, капает в рюмку капли.

Копнов (к Джейн). Я уже многократно вашему батюшке говорил, да он все не слушает. Он все хочет, как в Европе или как у вас там, в Америке, через парадный подъезд все сделать... По закону!.. А у нас тут давно уж все дела через тайный, черный подъезд делаются. В парадный подъезд только за отказом и ходят!..

Копнов смотал веревку, повесил на гвоздь.

Копнов. К Великому князю бы пробиться, чтобы новый бюджет утвердил.

Джейн сидит в кресле, сосредоточенно думает.

Джейн. А что, и вправду этот... начальник училища накладные волосы носит?..

Копнов и Роберто переглянулись.

Длинный, поблескивающий тщательно натертым воском паркет коридора Алексеевского училища. Высокие окна в дубовых рамах с бронзовыми ручками.

Сквозь стекла льется неяркий солнечный петербургский свет. В глубине коридора на стене большой, в рост, портрет Великого князя Алексея Александровича.

Тут же мраморная доска с выведенными золотыми буквами именами с отличием окончивших училище.

В углу, у выхода на широкую мраморную лестницу, — напольные часы. Перед ними застыл коридорный дядька — Савельич. Он внимательно, не мигая, смотрит на циферблат. Ровно десять. Часовой механизм заворочался, зашипел, как бы набирая воздух для первого удара. Не дожидаясь его, Савельич поднял рожок сигнальной трубы и заиграл «перемену». Потом мелкими шажками засеменял, запрыгал по коридору.

Савельич (кричит). Господа юнкера! Большая перемена! Пожалуйте на волю! Пожалуйте на волю!

Коридор Алексеевского училища

Почти одновременно застучали за массивными дверьми крышки столов, отодвигаемые табуреты, бодрые голоса выкрикнули прощальное приветствие учителям. Еще мгновение, и коридор наполнился возбужденными, громко разговаривающими, смеющимися, мчащимися куда-то юнкерами. Вот они бегут к мраморной лестнице, замедля шаг и делая равнение на идущих навстречу старших по званию, а потом опять, толкая друг друга, бегут на улицу. Только пятеро наших юнкеров, с отстегнутыми погонами, строем направляются в ротную камору (спальню) в сопровождении фельдфебеля Зубова. Там они отбывают наказание между уроками.

Железные кровати в четыре ряда, покрытые туго натянутыми тонкими одеялами. На стенах две картины: «Подвиг рядового Архипа Осипова у Кульма» и «Подвиг гренадера Куренного при штурме Карса». В изголовье каждой кровати — железный шест с овальной жестяной, выкрашенной для юнкеров в зеленый цвет, для юнкеров в звании унтер-офицера — в красный. На жестянках белилами, печатными буквами, выведены имена и фамилии юнкеров. У входа — покрытый клеенкой диван для отдыха дежурного. Меж кроватями ясеневые конторки. Перед кроватями ясеневые табуреты, на которые каждый юнкер складывает мундир перед сном.

Пятеро юнкеров расходятся к своим кроватям, поворачиваются спиной к входу и поджимают одну ногу.

Фельдфебель. Так, господа, чья очередь? Юнкера Алибекова, кажется?..

Алибеков. Так точно, господин фельдфебель! Моя!

Фельдфебель небрежно перелистывает толстую немецкую грамматику. Протягивает ее Алибекову.

Фельдфебель. Прошу, князь... (*Громко всем.*) Не шевелиться, не разговаривать, ногу менять раз в четверть часа! Дежурному — проследить и доложить! Приступайте!

Алибеков начинает читать вслух спряжение сложного немецкого глагола. Товарищи уныло повторяют за ним.

Фельдфебель, убедившись, что все идет как должно, коротко кивает дежурному унтеру и, мягко ступая, быстро выходит.

Спустя мгновение дежурный унтер-офицер изображает тихим свистом летящий снаряд и вместо разрыва, окутанный табачным дымом, плюхается на диван.

Дежурный. Слава тебе, Господи, пронесло, господа! Перелет! У-уф! Думал, задохнусь! Папироску успел выбросить, а выдохнуть — нет! И вы тут входите! У-уф!

Он смеется, отмахивает остатки дыма рукой. Юнкера молчат.

Бутурлин (*ворчливо, вполголоса*). Вот-вот!

Унтер Бриген в каморе курит, а нам потом «аиста» вставляют!

Дежурный (*потягиваясь*). Оставьте, Антуан, вам не из-за меня «аиста» вклеили! Пить нужно уметь!

Толстой (*нетерпеливо прерывая, Алибекову*). Ну что, князь, читаем или не читаем?

Тот отбрасывает учебник на кровать.

Алибеков. Ну его к черту! Для меня и русский-то язык иностранный, да еще и немецкий учить...

Он опускает ногу. Все следуют его примеру. Пауза.

С улицы доносятся крики отдыхающих юнкеров.

Бутурлин. Да-а, господа, несправедливо! Одним: шампанское, красавица-чужеземка, и на руках их носят, а другим ничего, дырка от бублика!..

В Елизаветинском институте шла подготовка к главному, ежегодному у них балу. В огромной, в колоннах, зале истово работали полотеры. Один из них, молодой парень в серой навывпуск рубаше, неловко повернулся и грохнулся на скользком полу...

Гостиная в доме инженера Сторато. За столом сидят Джейн и отставник Копнов. Они завтракают. В какой-то маленькой, явно походного типа кофеварке кипит вода, кофе через трубку выливается в крошечную чашку. Копнов чуть с иронией наблюдает за этим. **Копнов.** Джейн, я, голубушка, человек старых правил: в России только с Петра Великого кохвий по утрам пить начали... В старину-то у приличных людей день с водочки начинался...

Он смотрит, как льется кофе в чашечку. **Джейн.** Оставьте, оставьте, Копнов, с цивилизованными людьми дело имеете.

Джейн протягивает ему кофе.

Копнов. Джейн, есть и пить надо только то, что произрастает там, где живешь. Кофий у нас не растет.

Джейн (*серьезно*). Да-а, знаю: у вас растет водка. Послушайте, а здесь есть театр?

Копнов. Что за странный вопрос! Конечно, есть...

Джейн. Нет... Я хочу сказать: актер — бедный, но кто хотел бы заработать?..

Копнов. Джейн, в России не все артисты бедные, но заработать хотят все!..

Джейн. И вы знаете кого-нибудь?

Копнов. Пожалуй... А зачем вам?

Джейн (*задумчиво*). Познакомите?..

В каморе юнкеров спокойно. Алибеков положил учебник, никто уже не стоит в позе «аиста».

Алибеков. Кто, вообще, господа, этого «аиста» выдумал? В «артикуле» Петра Великого такого наказания нет...

Назаров. Такого наказания нигде не было сроду. Его наш «пуп» выдумал, когда его начальником училища назначили...

Полиевский. А знаете, господа, что Великий князь про «пупа» сказал, когда высочайшее назначение в наше училище ему подписывал... Ей-богу!

Он перекрестился.

Полиевский. Бриген, заткните уши, вы при исполнении. Мне дедушка рассказал. Великий князь прочел представление, подумал и из всех выбрал «пупа»... И мотивировал выбор свой: «Холост, блядун, за всю жизнь даже щенка не воспитал, значит, как и требуется, новые порядки заведет!» И подписал.

Толстой что-то ищет в кармане, заглядывает в свою конторку, не найдя, озадаченно пожимает плечами. Назаров неожиданно захохотал. Все поворачиваются к нему. Кровать толстяка Назарова рядом с окошком — ему единственному видно, что происходит во дворе.

Назаров (смеясь). Сейчас, кажется, «клистирным трубкам» с тыла арбуз засунут!..

Из окна видно, как внизу юнкера младшего курса катаются с ледяных невысоких горок в небольших лубках, специально выданных служителями вместе с шерстяными варежками. Видно, как другая группа юнкеров кричит что-то, по всей видимости, ругательно-задиристое, через забор «соседям» — ученикам фельдшерской школы. Увлеченные перебранкой и снежковой батальей, фельдшера не замечают, что с соседнего к ним амбара два юнкера подкатывают огромный ком снега. Вот уже ком на краю. Назаров тихо свистит, изображая звук летящего снаряда.

Назаров. Ба-а-ах!..

Ком обрушивается на головы и плечи фельдшеров. Те, хохоча и ругаясь, падают, а два юнкера стремительно прыгают в сугроб на своей территории.

Арестанты-юнкера, вместе с юнкером Бригеном, хохочут, прильнув к окну.

Где-то хлопнула дверь, и мгновенно юнкера стремительно разбегаются по своим местам. Возникла пауза, которую нарушает Полиевский.

Полиевский (мечтательно). А у дедушки Николая Андреевича в имени верно за бабой Ньютой послали...

Дежурный. Это кто же?

Полиевский. Кухарка наша, еще при прадеде была... Теперь Жака, повара-француза, на неделю отпустят. Эх, какие же она блины на масленую печет: гречишные, почти прозрачные и ровные, как луна...

Бутурлин. Бросьте, граф... А то в пору дядьку к Егорке посылать за ситным.

Алибеков. Знали бы вы, господа, какое меня ружье дома ждет... Правда, шомпольное, но настоящий «гастин-реннет»!..

Толстой. А я по легу ужасно скучаю. Сидеть бы сейчас в лодочке, посреди нашего озера Батурина. Вечер, тишина... Рыба плещется... Далеко, на станции, паровик свистит... **Алибеков (в тон ему).** А в вагоне «Анна Каренина» с холодным «кликко». Обнажена...

Толстой. Князь...

Все перебивают его смехом, а Назаров сообщает очередную законную новость. **Назаров (мечтательно).** О-о!.. Вон и птички-перепелочки полетели...

Юнкера бросаются к окну.

Из-за поворота появляется поставленный на полозья дилижанс, на котором большими литерами выведено: «ГИМНАЗИЯ ГОСПОЖИ ПЕРЕПЕЛКИНОЙ». Внутри разместились премиленькие гимназистки, закутанные в пуховые платки, с поднятыми белыми муфтами. Они уже закончили учебу, и дилижанс развозит их по домам.

Юнкера, все как один, бросают игры и бегут вдоль ограды училища, провожая смущенных и румяных от мороза гимназисток, крича им приветствия и размахивая руками.

Юнкер. Ах, какие перепелочки!

2-й юнкер. Залетайте к нам, перепелочки!..

3-й юнкер. Вы прилетите на бал, перепелочки?..

Дилижанс скрывается за поворотом.

Юнкера же все хотели и хотели видеть его, тянули шеи, но только скрип полозьев да глухая дробь копыт на снегу доносились до них.

А с другой стороны, напротив ажурных ворот в Алексеевское училище, тем временем остановился извозчик. Пассажирка легко вылезла из возка, показала знаком извозчику, чтоб ждал ее, и направилась в училище...

Наказанные юнкера стоят на своих местах. Назаров смотрит в окно. Снизу доносятся звуки трубы коридорного дядьки Савельича. Юнкера во дворе начали повзводное построение, когда в проеме чугунной калитки появилась фигура Джейн. Назаров подался всем корпусом к окну, потом почему-то присел и издал губами звук летящего снаряда.

Назаров. Бац, господа!

Все. Что такое? Что случилось?!

Назаров. «Анна Каренина»!

Толстой. Вреш!

Все бросаются к окну.

Под удивленными взглядами уже построены

Алексеевское училище

Площадь рядом с училищем

ных юнкеров Джейн о чем-то переговаривается с дежурным офицером. Тот показывает ей рукой на здание, потом на окна кабинета Радлова во втором этаже. Джейн кивает головой и идет в здание. Проходя мимо строя, кивает юнкерам, даже улыбается и, чуть подняв руку, шевелит пальцами в шерстяной рукавичке. Юнкера, не зная, что делать, тоже кто как раскланиваются в строю.

Толстой. Матьер божья! Как же, я же не успел, веер-то... Она за ним что ли, я же не успел...

Полиевский. Вы о чем, Толстой?

Толстой. Да нет, так... *(Быстро крестится.)* Матьер Божья, спаси и сохрани!..

Алибеков *(изумленно)*. Неужели к тебе, Толстой... простите, к вам?

Труба Савельича слышится снова. Юнкера разбегаются по местам, становятся «аистами», продолжают спрягать немецкий глагол, косясь на Толстого и многозначительно переглядываясь.

Дежурный офицер, сияющий новым мундиром в эполетах, румяным лицом с черными усиками, почтительно проводил Джейн через приемную к дверям кабинета своего начальника.

В кабинете — очень высокой комнате с четырьмя большими окнами — на главной стене висит портрет Государя-императора Александра III, а рядом, чуть меньше, — портрет Великого князя. Между окнами стоят два бюро, по стенам несколько стульев с высокими спинками. В середине комнаты — письменный стол, за которым сидит генерал Радлов.

Откинув свой туго перетянутый по отросшему животу стан, он с любопытством повернул к посетительнице свое белое холеное лицо с покатым лбом, выступающим из-за тщательной приглаженных висков.

Генерал *(приподнимаясь)*. Прошу-с... Чем могу служить, милостивая государыня?.. Присаживайтесь...

Указав на просторное кресло, генерал легким движением руки прикоснулся к тщательно приглаженному виску. Джейн достала из сумочки белый продолговатый конверт и протянула генералу.

Джейн. Ваш юнкер оставил это в поезде...

Генерал озадаченно потер лоб, услышав английскую речь. Вскрыв конверт, он извлек из него фотографию на паспарту.

Генерал. Да, это наш юнкер...

Он медленно, с паузами подбирал английские слова.

Генерал *(по-французски, бойко)*. Извините, не говорите ли вы по-французски?

Джейн. О, нет!.. Но я знаю хинди... и итальянский...

Генерал понял лишь про итальянский, напел первые фразы итальянской арии и, рассмеявшись, вновь предложил Джейн

сесть. Поблагодарив, она приняла приглашение. Генерал тоже позволил себе сесть в кресло.

Джейн. Мы оказались случайно в одном купе. Если не ошибаюсь, его фамилия, как у знаменитого писателя: Толстой...

Генерал. Да, да... конечно, Толстой... Старший курс, вторая рота.

Джейн нравилась ему. Он снова привстал. Генерал. Разрешите представиться, мадам... Барон фон Радлов, генерал-лейтенант, начальник Алексеевского училища, камергер двора его Величества Государя-императора, товарищ председателя его императорского высочества инженерно-технического кабинета по изобретениям...

Все это говорилось по-английски, иногда с паузами при подборе слов.

Джейн ответила легким кивком.

Джейн. Джейн Кэллаган, урожденная Стораро...

Генерал вновь озабоченно наморщил лоб и поправил виски.

Генерал *(по-английски)*. Стораро?.. Стораро... Хм... По-моему...

Джейн. Да, генерал, вам эта фамилия известна...

Генерал. Это ваш муж, Стораро?

Джейн. Отец. Я вдова. Мой муж погиб...

Генерал. Погиб? На войне?

Он сделал озадаченное лицо, но приосанился и пригладил виски.

Джейн. Нет. Он утонул. В Ниле...

Джейн. Да, это в Африке.

Генерал. В Ниле?..

Джейн с интересом смотрит прямо в глаза генералу, который, волнуясь, подыскивает нужные английские слова.

Радлов. Понимаю. Простите, я не знаю. По поводу вашего отца, я очень желал бы, но...

Джейн *(легко)*. Ах, не будем об этом. Он просто сошел с ума из-за своей машины.

Радлов. Да-да!.. То есть простите, и потом... Он сделал торжественное лицо.

Радлов. Решает он! *(Показывает рукой на портрет Великого князя.)* Великий князь и наш благодетель.

Джейн с интересом разглядывает лицо генерала.

Джейн. У вас удивительное лицо.

Радлов. Да?! Вы находите?

Он приосанился, вскинул бровь над сверкнувшим глазом.

Джейн. На кого-то вы похожи?..

Она прикусила нижнюю губу, как бы помогая найти в памяти нужного человека.

Джейн. На Александра!

Радлов. На императора?

Он метнул взгляд на второй портрет.

Джейн. Нет!.. На Македонского!

Такого комплимента Радлов не ожидал. Он мельком глянул на свое отражение в

книжном шкафу и расплылся в смущенной улыбке.

Радлов. Может быть, вы желаете ознакомиться с нашим училищем?

Джейн. С удовольствием! Я патриотка и люблю военных!

Рекреационная (танцевальная) зала в училище. В зеркально начищенном паркете отражаются два огромных портрета двух императоров: Александра I и Александра III. Высокие тяжелые двери с массивными бронзовыми ручками плотно закрыты. Бликует чуть сдвинутое от центра черное фортепьяно. В открытой полированной крышке отражается строй юнкеров нашей роты. Идет подготовка к балу: урок танцев и репетовка «подхода к целованию ручки у дам».

Урок ведет господин Геллер — небольшого роста, худой подвижный человек. Он страстно говорит, а когда движется, как бы вовсе не касается ногами пола.

Посреди залы на стуле, положив огромные руки на стиснутые колени, очень прямо сидит вахмистр Павел Михайлович Букин. Густые усы его и такие же густые брови имеют совершенно одинаковую форму. Вахмистр неподвижен, и только глаза его сопровождают порхающего между ним и строем господина Геллера.

Геллер (*страстно*). Что это? Хочется умереть, когда такое видишь! Опомнитесь, юнкера! Какие-нибудь тверские шпаки лучше к ручке подходят... Что за реверанс? А ну, еще раз! Смотрите: он, де, труа...

Геллер почти на месте легко делает поклон. **Геллер.** Теперь вы, юнкер Назаров! (*Поворачивается к вахмистру*.) Пал Михайлыч, голубчик, пожалуйста ручку! Вот так! Смотрите внимательно, господин юнкер! Вы думаете, это вахмистр Букин? Нет-с, это не вахмистр Букин! Перед вами Великая княжна! Смотрите, сколько грации, сколько благородства...

Вахмистр изо всех сил и не без изящества изображает Великую княжну, щурится, и шевелит усами, и тянет перед собой перевернутую тыльной стороной ладонь, величиной с хорошую сковородку.

Геллер (*кричит*). Пошли, юнкер! И-и... он, де, труа...

Тучный Назаров смешно шагает к сидящему с вытянутой рукой Букину, останавливается, делает полукруг ногой, встает по третьей позиции, берет руку вахмистра и, пользуясь тем, что Геллер не видит, делает вид, что хочет ее укусить. Букин вырывает руку, и строй покатывается со смеху.

Геллер. Дева Мария, что за шаг! Плечи висят, зад, как у ремонтерской лошади! Да елизаветинские институтки разбегутся от такого реверанса!

Все смеются. Назаров возвращается в

строй.

Геллер. Юнкер Толстой! Прошу!... Он, де, труа...

Толстой плавно скользит по навощенному полу.

Геллер. Так-с, недурно-с! Руки свободно, без малейшего напряжения опущены вниз и слегка, совсем чуточку округлены. Хорошо, Толстой! Так! Теперь одновременно, помните: одновременно, в этом тайна поклона и его красота! Одновременно и медленно сгибается спина и склоняется голова. Хорошо. Так же вместе и так же плавно, только чуть-чуть быстрее вы выпрямляетесь и поднимаете голову, а затем делаете шаг вбок! Хорошо, господин юнкер!

Полотеры в Елизаветинском институте, словно косцы, в ряд надраивают и без того уже блестящий паркет огромной залы.

Юнкера парами: одни за кавалеров, другие за дам шли в мазурке. Геллер носится между ними.

Геллер. Темпа не терять! Не терять темпа-а! Бутурлин идет в паре с Полиевским.

Бутурлин (*в такт музыке*). Рабы, влачащие оковы, высоких песен не поют! Нас-то чего мучить: мы на этот бал все равно не попадаем!

Полиевский. Оставьте, юнкер, плохо считаете... Наше наказание истекает послезавтра в час пополудни. А бал в Елизаветинском дворце в семь!

Бутурлин. Если Додон еще за что-нибудь не влепит.

Геллер раскручивается на паркете, как на катке, дает ритм, неправдоподобно громко отщелкивая пальцами. То и дело он подбегает к фортепьяно и подхватывает ритм музыкой.

В это время в залу входят генерал Радлов и Джейн. Геллер встрепенулся, но генерал делает знак продолжать занятия. Теперь Толстой танцует с Назаровым, Полиевский с Алибековым. Джейн с удивленной улыбкой смотрит на танцующих. **Назаров** (*громко*). Толстой, за вами пришли!..

Толстого бросило в краску, качнуло от вида Джейн.

Полиевский. На «пупа», на «пупа» посмотрите!

Продолжая танец, юнкера таращат глаза на Джейн и генерала, ступающего торжественно и горделиво.

Геллер. Темп! Темп! Это великое шестое чувство! Темп придает уверенность, ловкость телу и ясность мысли!..

Джейн, улыбаясь, наблюдает за танцующими. Не понимая слов, которые выкрикивал Геллер, она тем не менее ощутила желание двигаться вместе со всеми, танцевать.

Геллер (*прищелкивая пальцами*). Все в мире!

Весь мир построен на темпе! Умейте пользоваться темпом! Танцуем вальс! Большой круг!

Он оказался в непосредственной близости от Джейн и Радлова. Склонился в почтительном поклоне. Джейн приняла поклон за приглашение. Она делает шаг вперед, и элегантный Геллер, подав руку, стремительно ведет ее в круг. Начинается вальсировка под штраусовскую музыку, кто-то из юнкеров уже сидит за фортепьяно. Джейн, сделав несколько кругов, переходит во власть следующего кавалера. Вот она танцует с Андреем. Он смущен, говорит с запинками.

Толстой. Простите... Я не успел — нас не назвали...

Джейн. О чем вы?

Толстой. Починить ваш веер.. Не беспокойтесь, я обязательно...

Джейн (*смеясь, перебивает*). Не сомневаюсь! Танцуете вы лучше, чем пьете... Я очень беспокоилась за вас... Вы даже фотографию вашу забыли. Я принесла.

Толстой. А я искал. Спасибо...

Радлова, несколько растерянного от происшедшего, окликает его адъютант с толстой книгой в руке.

Адъютант. Ваше превосходительство... ваше превосходительство...

Радлов (*недовольно*). Кого?

Адъютант. Македонского, ваше превосходительство!

Адъютант бесшумно раскрывает книгу на заложенной странице и подносит к лицу генерала. На странице изображена древняя монета с не очень четким профилем древнегреческого полководца.

Радлов. Кто это?

Он говорит это, следя за Джейн, которая вальсирует уже с Полиевским.

Адъютант. Македонский!.. Ваше превосходительство, как вы изволили просить! Александр!..

И опять перед глазами генерала оказывается профиль древнего воина, в котором он пытается найти сходство с собой..

Елизаветинский институт. Три ряда ярко освещенных окон. В широкие старинные ворота въезжают экипажи.

Величественный, поражающий пропорциональностью линий, зал Елизаветинского института. Штофные портьеры, мрамор колонн, блеск паркета. С хоров льются звуки браурного марша. Гости толпятся в широких галереях по обе стороны зала. Дамы с открытых платьях, в блеске диадем и бласлетов, кавалеры в золотом шитье, с красными и голубыми лентами через плечо, офицеры с серебряными шнурами, студенты в темно-

зеленых сюртуках с двумя рядами золотых пуговиц. Тут и там, группами и поодиночке стоят воспитанницы института в одинаковых темно-красных декольтированных платьях. Гости недоуменно переглядываются: никто не танцует.

Среди почетных гостей под хорами в бархатном золоченом кресле сидит величественная седовласая графиня К., директриса института, рядом прагматичный генерал Радлов, другие важные особы.

Приехали юнкера в парадных мундирах с надраенными пуговицами, в сияющих блеском сапогах со шпорами и белоснежных перчатках. Они только с мороза, щеки их еще пылают холодным румянцем. Юнкера вертят головами, тянут шеи, осматриваются. **Назаров.** Смотрите, смотрите, а у старой графини усищи, как у нашего вахмистра. **Бутурлин.** Не зря же мы на нем репетовку делали...

Все засмеялись.

Толстой. Что же не танцуют?..

Полиевский. Говорят, конфуз!.. Нет никакой возможности танцевать, мастика какая-то новая, скользит и все тут...

Мимо них пробежал запыхавшийся мажордом. Кинулся напрямик через залу к графине.

Назаров. Ой, что сейчас бу-уде-ет!..

Он издает свист летящего снаряда.

Мажордом, выделявая невероятные кренделя на скользком паркете, бежит к графине. **Бутурлин.** Бац!..

Мажордом вскинул ноги, но чудом удержался.

Алибеков. Молодец, джигит!..

Мажордом останавливается перед графиней тяжело дыша.

Графиня. Что же это ты козлом перед гостями прыгаешь? Ты что мне здесь устроил, анафема? Скандал на весь Петербург...

Мажордом. Я, ваше высокопревосходительство...

Графиня (*властно*). Юсуповский каток мне тут устроил, фармазон всемирный!

Мажордом. Ваше высокопревосходительство, мастика французская, новая, из Парижа. Старались.

Графиня. Да проку-то от твоего Парижа! Что мы, французы что ли? Может, они там на четвереньках пляшут, откуда я знаю? А у нас бал без танцев — срам!

Звуки польского без танцующих казались все грустнее и грустнее. Графиня оборачивается к стоящему неподалеку Радлову. **Графиня.** Генерал, ну сделайте что-нибудь, спасайте!

Радлов аккуратно трогает пышную свою шевелюру.

Радлов. Графиня, для вас готов хоть сам ногу здесь переломать, да что в том толку?

Он подзывает адъютанта-распорядителя.

Тот, с трудом удерживая равновесие, подсакивает к генералу.

Радлов. Ну?

Адъютант. На польский не пошли. Опасно.

Скользко очень, ваше превосходительство. Радлов. Да неужто так уж?

Адъютант. Как на льду, ваше превосходительство. Хуже! Может, попробовать вальс? Радлов. Ну?!

Адъютант. Противу правил, ваше превосходительство. Вальс четвертым номером в программе реестра бального...

Радлов (грозно). По реестру бальному танцевать на балу полагается, вот что!..

Адъютант. Слушаюсь, ваше превосходительство!

Адъютант-распорядитель, не сгибая ног и семеня, скользит по зале.

Джейн, ее отец Роберто и отставник Копнов тоже среди гостей. Они стоят в правой галерее.

Роберто (по-английски). ...Вот-вот, даже против французской мастики.

Джейн. Каким образом?

Роберто. Очень просто! Все связано: машина валит дерево, дерево — это смола, смола — это резина, резина не скользит. Французы сделали мастику, а мы башмаки на резине и все! Поняла?!

Джейн (глядя вдаль). Вон генерал... Он нас увидел.

Роберто. Где?

Генерал Радлов замечает в толпе гостей — Джейн с отцом и Копновым. С улыбкой им кланяется. Все трое ему отвечают.

Роберто (глядя на генерала). Неужели это правда? Совершенно невероятно...

Джейн. Веди себя прилично, ты можешь все испортить!

Роберто трогает себя за карман.

Роберто (нетерпеливо). Может быть, пойдем к нему?

Джейн. Стой спокойно. Он сам придет.

Адъютант-распорядитель скользит вдоль кромки залы.

Адъютант. Господа! Дамы и господа! Приготовьтесь к вальсу! Кавалеры, приглашайте ваших дам! Потрудитесь становиться парами! Дамы и господа!..

Он проходит мимо наших юнкеров. Они уже заметили Джейн и теперь все время смотрят в ее сторону.

Адъютант (негромко). Юнкера, поддержите блеск и славу училища! Выручайте — больше никому!

Бутурлин. Да что же за новость, грохнуться с дамой посреди залы!..

Назаров. Вы только взгляните на нашего «пупа»!

Радлов тем временем уже подошел к Джейн, что-то улыбаясь говорит; Джейн смеется. Генерал жмет руку Роберто, раскланивается с Копновым. Генерал уже бесе-

дует с Джейн. Роберто, стоя рядом, просматривает какой-то журнал. Говорит что-то Джейн. Радлов, заинтересовавшись, пытается что-то прочесть.

Радлов (сниходятельно улыбаясь). Ну да это, верно, шутка какая-то... Не может такого быть, ибо не может быть никогда...

Джейн (включаясь в разговор). Ну отчего же?! У моего дяди, папиного брата, очень выпадали волосы, так ему именно что-то в этом роде помогло. Помнишь, папа, дядю Стефано?

Роберто (выпучив глаза). Да, да... он совсем, то есть сразу же... И потом... до сих пор.

Говоря это, Роберто делал какие-то неопределенные движения, показывая на голову и на шевелюру. Радлов слушал и беспечно улыбался, как бы невзначай взял у Роберто журнал. На последней странице среди прочих объявлений было и такое: «Самое верное средство от выпадения волос, тайны индийской медицины и чуда исцеления от 3 до 10 сеансов! Полная гарантия излечения. Благодарственные отзвы из Франции и Германии». Далее мелким шрифтом шел адрес этого «чуда».

Джейн. Но вам, ваше высокопревосходительство, это еще долго не понадобится.

Радлов (неопределенно). Да... да...

Адъютант скользит вдоль стоящих меж колонн гостей. С оркестровых хоров доносились звуки вальса.

Адъютант. Прошу, дамы и господа! В три темпа, господа! И не спешите, немного скользко!..

Несколько пар пытаются начать вальс, но с трудом добираются до безопасного места в галереях. Звучит вальс, но танцующих нет. Полиевский. Обидно, господа, чертовски обидно! Наполеон непременно бы уж что-нибудь придумал...

Толстой (сосредоточенно). Или Суворов...

Джейн смеется, запрокинув голову. Радлов что-то рассказывает, важно жестикулируя. Иногда она как бы невзначай и рассеянно скользит взглядом по залу. И юнкерам даже кажется, что она ищет их. Глаза ее весело сверкают, а улыбка завораживает. Толстой перевел взгляд с Джейн на играющий на хорах оркестр и вдруг издал тонкий свист летящего снаряда.

Юнкера поворачиваются к нему.

Толстой (неожиданно). Есть! Попал, господа!

Юнкера смотрят на него.

Толстой. За мной, юнкера!

Алибеков. Куда?

Толстой. Канифоль...

Юнкера мгновенно все понимают. Осторожно лавируя между гостями, они стремительно продвигаются к лестнице на хоры. Через три ступеньки взлетают вверх.

Вальс здесь звучит оглушительно. Слаженно движутся смычки из-за спин музы-

кантов. В крохотном коридорчике на длинной полке разложены футляры для скрипок.

Один сторожит у входа, остальные вынимают куски канифоли из футляров для натирки смычков. А еще через мгновение на узкой темной лестнице, толкаясь и пытая, юнкера задирали ноги и густо терли друг другу подошвы сапог канифолью, царапая второпях пальцы о серебряные шпоры. Поливеский. Ну, Толстой, ну, молодец! Быть тебе Ганнибалом!..

Он первым спрыгнул вниз и исчез в толпе. За ним — Алибеков и Бутурлин. Толстой замешкался с Назаровым.

Назаров. Мне погуще, Толстой! Я тяжелый...

Из залы доносится зазывной голос адъютанта-распорядителя. Поливеский первым ступает на блестящую поверхность паркета. Через мгновение еще двое, а затем и Назаров. Шаг каждого из них легок и уверен, походка весела, нога стоит твердо. Все взоры обращаются к ним.

Толстой попадает в зал последним, пробивается меж стоящих гостей и... останавливается.

Поливеский уже почти пересек залу. Как учили: с чуть округленными локтями, скользящим шагом, он подходит прямо к Джейн и останавливается в двух шагах от нее. Толстой видит, как Джейн улыбается Поливескому, как что-то говорит ему, как протягивает ему руку в тонкой, до маленького розового локтя лайковой перчатке. Вот они, под взглядом всей залы, выходят в круг. Поливеский властно и даже отсюда видно, как сильно и надежно охватывает ее тонкую талию. Они ступают на зеркальную гладь залы и поначалу неуверенно и осторожно, а затем все более легко и стремительно начинают кружиться на паркете. Толстой видел, как на поворотах Джейн быстро перебирала своими маленькими ножками, обутыми в лакированные туфельки и как почти отрывалась от земли, чуть приподнимаемая Поливеским, следящим, чтоб она не подскользнулась. Уже и Бутурлин, и Алибеков, выбрав партнерш — испуганных и смущенных воспитанниц института, — кружились по зале. Вот и Назаров ведет кого-то в круг, а Толстой все стоял и смотрел на Джейн. Вот она все ближе и ближе, кажется, что слышен шорох и шелест ее платья сквозь музыку вальса.

Сверкающие глаза, напряженная, но такая обворожительная улыбка. Поравнявшись с Толстым, она весело глянула прямо ему в глаза. Толстой отвел свой взгляд и увидел в кресле полную румяную даму, затянутую корсетом, но даже и он не мог справиться с могучей плотью дамы. Она с плохо скрываемым восторгом смотрела влажным, полным желаний взглядом на стройного юного юнкера. Рядом с ней стоял унылый, сутулый

мужчина, безучастно держащий руку на спинке ее кресла.

Толстой помедлил мгновение, потом, как учил его Геллер, по всем правилам сделал подход к даме. Та, расплывшись в улыбке и играя глазами, встала ему навстречу. Несмотря на полноту, дама оказалась подвижной и энергичной, и Толстой решительно вывел ее в круг. Они раскручивались все сильнее и сильнее. Дама, закинув голову, пылко смотрела в глаза Толстому, а тот, сосредоточенный и серьезный, как машинист, ведущий свой паровик, все набирал и набирал обороты, словно хотел ее раскрутить и далеко забросить. Публика, затаив дыхание, восхищенно смотрела на бравых юнкеров-алексеевцев...

Набережная Екатерининского канала. Легкий снежок кружится в воздухе, живое пламя газовых фонарей то приседает на ветру, то опять разгорается, когда он стихает.

В тройке лошадей под управлением бравого лихача в нагольном полушубке мчатся юнкера с бала в училище. Мелькают вывески встречных лавок и магазинов. У какого-то высокого, в четыре этажа дома дремлет извозчик на облучке, поджидая пассажира в свои узкие, на одного седока, санки, прозванные метким петербургским словом «эгоистка». Звенят бубенцы, громко покрикивает лихач на своих «родимых», юнкера смеются, вспоминая веселые приключения, произошедшие с каждым на балу.

Вдали, на Марсовом Поле, горят костры, стучат молотки — строят к наступающей масленице балаганы, гигантские катальные горы — все то, что через несколько дней оживет смехом, удалством, обжорством, незабываемой радостью всеобщего праздника.

На узкой улочке остановились у невысокого двухэтажного здания. Из саней, откинув пушистую полость, выскочил Толстой, махнул товарищам и побежал к двери подъезда. У двери еще раз оглянулся.

Толстой (юнкерам). Я мигом, господа... Пять минут!

Дверь в квартиру ему открыла Дуняша, их горничная, — круглолицая, с уложенной русой косой девушка в строгом переднике поверх темно-коричневого платья. Увидев юнкера, она радостно вспыхнула румянцем, а он торопливо распутывал башлык.

Дуняша. Ой, барин!..

Толстой. Здравствуй, Дуняша! Маменька дома?

Дуняша (принимая башлык и шапку). Дома, барин, дома. Они с Николаем Степановичем

чай кушают.

Андрей поморщился.

Толстой. И он здесь...

Дуняша. Как же, барин, приехали. Вчера еще приехали. Ой, все такие же... Ой, барин, а вы надолго ли?

Толстой. Нет, Дуняша, нет... Я на минутку, сани ждут — в училище ехать.

Дуняша. Ох, Андрей Алексеевич, и самовар горячий, и ваши любимые подковки с тмином есть...

Толстой (*перебивает*). Не могу, Дуняша...

Он говорит уже на ходу, направляясь по лестнице в комнаты второго этажа.

Толстой стремительно открывает высокую дверь в комнату: тяжелые портьеры у трех ее окон с широкими подоконниками, лампа под абажуром с медным шаром для противовеса над обеденным столом. Комната оклеена гладкими и уже не новыми обоями, ковер с двумя турецкими кривыми ятаганами, старинной пищалью покрыт тонким слоем пыли. Старенькое фортепиано в углу, несколько хромолитографий в аккуратных рамках, и еще на стенах и бюро множество фотографий дамы в различных костюмах разных эпох. Дама эта — его мать. Она встает навстречу сыну из-за стола, на котором накрыт чай. Напротив матери сидит рыхлая особа, с вечно чуть приоткрытым ртом, маленькими глазками и дряблыми, гладко выбритыми щеками. Это Николай Степанович, по-домашнему Николя. Он лишь метнул на Андрея взгляд, продолжая наливать из саксонской, в кавалерах на боках, чашки чай в блюдце.

Мать Андрея. Боже, Андрэ! Ты откуда, что случилось?..

Она шла ему навстречу, он обнял ее, поцеловал руку.

Толстой. Здравствуйте, маменька... Здравствуйте, дядя Николай...

Андрей направляется к нему, хочет обнять. Тот чуть удерживает его, уклоняясь от поцелуя.

Николя. Ах, нет, Андрэ... Вы с мороза... Дело в том, что я всю ночь кашлял...

Мать Андрея. Что случилось? Разденься...

Толстой. Нет, маменька, ничего. Мы с бала, меня внизу сани ждут. Торопимся, сегодня Додон дежурит. Я, маменька, к вам. Только... можно вас...

Мать Андрея. Что за тайны, Андрэ? Ты же знаешь, Николай Степанович самый близкий нам человек...

Толстой. Да-да, конечно, маменька. но...

Мать Андрея (*твердо*). Нет, Андрэ, нет! Это неприлично, в конце концов. Дядя Николай может бог знает что подумать... Говори.

Николя с постным, монашеским выражением лица пьет чай из блюдца, будто не слыша их разговора.

Толстой (*мнется*). Я, маменька... Мне бы, маменька... денег надобно...

Мать Андрея. Что?..

Брови ее взметнулись вверх.

Толстой. Нет, маменька, рубля три только, не больше!

Но она уже не слушает его, чуть театрально всплескивает руками и поворачивается к Николю.

Мать Андрея. Ну вот то, о чем мы с вами как раз беседу вели, Николя... Как это у них легко: дай, маменька, денег...

Она повернулась к сыну.

Мать Андрея. Зачем тебе надобны деньги, Андрэ? Я не понимаю тебя: разве тебя не кормят, не одевают? Или я мало даю тебе на карманные расходы?

Толстой. Отчего вы волнуетесь, маменька?! Я в долг прошу, не на вове. Я верну...

Мать Андрея. Ха-ха... Каким образом, Андрэ, ты собираешься их вернуть?..

Толстой. Ну, маменька, не все ли равно каким? Ну, не дадите мне карманных денег в другой раз и все.

Мать Андрея. Вы только послушайте, Николя, как он легко рассуждает: «и все»...

Николя с важным видом продолжает пить чай. Мать посмотрела сыну в глаза.

Мать Андрея. А ты подумал, философ ты эдакий, каково мне живется?! Одна, без мужа, без состояния... Подумал ли ты?

Толстой (*перебивает*). Маменька, мы же не одни...

Мать Андрея (*раздражаясь еще больше*). Что это значит: «не одни»? Ты же знаешь, дядя Николай после смерти отца самый близкий нам человек. А ты, ты... должен за него день и ночь богу молиться... что в училище попал, что у тебя будущее есть...

Николя. Не нужно, Натали, не тратьте эмоций. Дело в том, что насильно мил не будешь.

Лучше чай пейте, остывает.

Мать Андрея (*вскрикивает*). Какой ужас, Андрэ! Но как же возможно!..

Толстой (*перебивает*). Прошу вас, маменька! Ну, не волнуйтесь вы так, не кричите. Товарищи мои внизу услышать могут, неловко это...

Мать Андрея (*всплеснув руками*). Ах, товарищи!.. Теперь уж и объяснять нужды нет: куда об эту пору денег надобно! Толстовская кровь беспутная заговорила, Андрэ! **Толстой.** Маменька...

Мать Андрея (*не слушая его*). Я пожертвовала всем ради тебя: карьерой, театром, выгодной партией...

Толстой. Ах, да не могу я от вас этого слышать, маменька! Про жертвы ваши! Про театр ваш!.. Я до шести лет няньку свою, Феню, маменькой называл... Я вас и не видел, пока он не сгорел, театр этот ваш...

Николя. Не трогайте искусство, юнкер.

Толстой резко поворачивается к нему.

Толстой (*почти кричит*). Да вы-то что вмешиваетесь! Дядя!.. Вы мне никто, понимаете, дядя?! Двоюродный притом.

Николя жмурится, закрыв уши ладонями. **Николя.** Натали, я принципиально прошу вас, оградите меня, скажите этому юноше, что...

Мать Андрея (*кричит*). Не смей, Андрэ, так разговаривать с Николаем Степановичем!

Он, ничего не ответив, щелкает шпорами и молча выходит.

Мать Андрея (*вслед ему*). Андрей!

Она делает шаг к двери.

Николя. Не ходите... Это принципиально, Натали...

Толстой сбегал по ступенькам, застегивая шинель и зло бормоча.

Толстой. Вместо того чтобы три рубля на мне экономить, вы бы лучше, маменька, получили бы с милого вашего Николая долга две тысячи, которые он папеньке нашему покойному задолжал по-братски, а отдать так и не вспоминает.

Он отшвырнул ногой домашние туфли, оказавшиеся у него на пути.

Толстой. Еще и туфли свои противные разбросал всюду!

Он остановился на мгновение у двери. Неожиданно перед ним из тени появилась Дуняша. Он вздрогнул.

Толстой. Ты что, Дуняша?! Аж испугала меня!

Дуняша. Барин, Андрей Алексеевич, вам деньги надобны. Вот, возьмите...

Она протянула ему мятую ассигнацию. **Толстой (*с испугом*).** Да что ты Дуняша, Господь с тобой!

Дуняша. Да слышала я, чай, не глухая. Вам же надобно, верно?

Он взял ассигнацию, посмотрел на нее.

Толстой. Очень надобно, Дуняша, очень. Спасибо, голубушка, спасибо! Вещь чужую поломал, мне починить ее надобно. Я тебе верну, честное слово, верну.

Дуняша. Ах, Андрей Алексеевич, Андрей Алексеевич...

Дуняша хотела еще что-то добавить, но только печально улыбнулась, быстрым движением перекрестила его. Он сжал ее руку и стремглав выскочил на улицу.

Мать Андрея стояла у окна и смотрела на снежную улицу.

Мать Андрея. Уехал!..

Николя. Братца моего любезного, Алексея Андреевича, характер... Деньги к ночи!.. Дурить захотелось, дурить...

Мать Андрея (*перебивает*). Да что за деньги-то: три рубля!.. Господи, какая же я... Ведь знаю, что глупость делаю, а остановиться не могу. Знаю и не могу.

Николя. Успокойтесь, Натали, дело в том...

Она, уже в слезах, вновь перебила его.

Мать Андрея. Он ведь правду сказал, я помню: приехала, а он кормилицу свою, Феню, при мне маменькой назвал... Боялся меня!.. Бедный мальчик, он все помнит, неужто он все помнит... И тот ужасный случай... Мы виноваты перед ним, Николя!

Николя. Ах, оставьте, Натали, сколько лет прошло, да и принципиально, что он понимать мог...

И он придвинул к себе чашку чая.

Толстой сидит на оставленном ему месте в санях — крайнем справа, лицом к кучеру. За его спиной виднеется грива коренника и вся дышащая паром правая пристяжная, изогнувшая кренделем к земле свою гибкую шею. Тройка вырывается на заснеженную петербургскую улицу, в лицо Толстого ударяет резкий порыв ветра, пресекающий дыхание.

Извозчик (*кричит*). Пади, держи правой-та, чухна бестолковая!

Он обгоняет низенькие санки с одиноким «ванькой» на облучке, который послушно жметя в сторону. В санях же продолжается общий разговор, в центре которого Полиевский.

Полиевский. ...Приступаю, господа, к проверке своих давнишних сомнений по поводу прогрессивности корсетов и обнаруживаю, что оно на ней нет, совсем нет... Говоря откровенно, и лифа заметить не могу... Зато под лопаткой, левой, нащупываю очаровательную родинку. Толстой, а вы ничего не хотите сказать нам по поводу родинки?.. Вам ее в поезде не показывали?

Толстой еще весь в мрачных думах после разговора с маменькой, рассказ Полиевского заставляет его быть еще более сдержанным.

Толстой. Прошу вас...

Полиевский (*перебивая*). А что вы меня все время просите, Толстой? Что она вам: мама, сестра, жена? Вы ведете себя так, будто у вас на эту американку какие-то права. Ну, спели при ней разок... спяну... Мы из-за вас отстояли «аистом», а теперь-то что? И поговорить о ней нельзя?

Юнкера смеются, а Полиевский старается сохранить серьезное лицо.

Полиевский. ...На чем я остановился? А, на родинке. Так вот, беру я ее за родинку... **Алибеков (*возбужденно, с интересом*).** Это как?

Полиевский. Перстами, вяжь. (*Он снял перчатку*.) Самыми кончиками, слегка касаясь. Одним, другим... Самыми кончиками. Она такая нежная, бархатная, родинка-то... И друг, поверьте, ощущаю, как моя партнерша вся изгибается и амурный треплет возникает во всем ее теле... Помните, у меня гнедая была?

Назаров. Какая гнедая?

Алибеков. При чем здесь лошадь, граф?

Полиевский. Да не лошадь, князь. Натурщица. Я рассказывал вам. У нее тоже такая точка была, дотронешься — взвивается, как змий-искуситель...

Ладный ритм лошадиных копыт прерывается, извозчик так же браво выкрикивает остановку, и сани останавливаются у входа в училище.

Полиевский (*откидывая полость*). Продолжение рассказа ночью...

Он насмешливо оглядел всех, отметил наспуленного Толстого и съязвил:

— Когда Толстой уснет...

Они отдадут извозчику свою юнкерскую складчину и идут к училищу.

Едва закрыв за собой массивные двери, юнкера видят дежурного офицера, хорошо им знакомого Фокина, которого они зовут меж собой — Додон. Один за другим, держа руку под козырек, браво рапортуют о своем прибытии.

Полиевский. Ваше благородие. Является из отпуска юнкер третьей роты Полиевский!

Фокин, заложив руку за спину, прищурился и повел носом.

Фокин. Ликер?

Полиевский. Никак нет, господин капитан! Наливка вишневая...

Фокин. Фу, гадость какая! Но за правду хвалю! Ступайте и не забывайте — скоро смотр!

Полиевский проходит. Толстой, ускорив шаг, догоняет его на широкой лестнице. Толстой. Граф, я не имею вашего титула, и моя биография не так богата знанием натурщиц, но мне кажется, говорить о дамах в таком тоне недозволительно... Честь имею, граф.

На физиономии добродушно настроенного Полиевского недоумение.

Полиевский (*миролюбиво*). Андрей, ну что вы в самом деле? Что я такого сказал? Вы тоже могли что-нибудь о своем «паровике» сказать, с которым отплясывали!

Он, демонстрируя свое дружеское расположение, положил руку на плечо Толстого, но тот резким движением сбросил ее.

Полиевский (*нахмурился*). Вы что, серьезно, Толстой?

Андрей, не отвечая, идет вперед...

Удобно устроившись в большом кресле, Джейн листает журнал. Копнов пристроился в углу с кипой газет. Роберто мается, ходит по комнате, то и дело недовольно поглядывая на Джейн.

Роберто. Это, конечно, твое дело, Джейн, но тратить столько времени на танцы с этими... кадетами, когда рядом генерал, который зависит от моя судьба...

Джейн опустила журнал и удивленно посмотрела на отца.

Джейн. От которого...

Роберто. Что?

Джейн. Ты сказал: «Которая зависит от моя судьба», а надо так: от которого зависит моя судьба.

Роберто. Нет, я все понимаю, но... то есть я ничего не понимаю...

Он осекается. Из-за газеты раздался голос Копнова.

Копнов. Вы только послушайте, пишет газета «Русский еврей». В Малороссии продолжают упорно распространяться слухи о рождении антихриста! Его родила симферопольская еврейка от ручного ястреба...

Он посмотрел на них. Инженер развел руками.

Роберто. По-моему, здесь все против меня.

Джейн улыбнулась своим мыслям, потом еще раз посмотрела журнал и бросила его на пол. Часть страницы была вырвана, а на оставшемся листке виднелось начало объявления о тайнах индийской медицины при лечении лысых людей...

Юнкера располагаются за партами, один караулит у двери, а несколько юнкеров возятся за кафедрой, толкаясь и хихикая. За дверью слышится труба горниста Савельича — «на занятия».

Юнкер (*у двери*). Идет, господа!

Все мгновенно рассаживаются по местам. Входит преподаватель военной географии Форстен по кличке «мамочка». Юнкера как один встают за партами, приветствуя Форстена. Невысокий, с животиком, Форстен зачесывает гладкие волосы на прямой пробор. Он окидывает своим рыбьим бесцветным взглядом класс. В руках у него портфель, свернутая рулоном большая карта и указка.

Фельдфебель. На молитву!

Точно такие же слова слышны и из других классов. По всему училищу звучит «Отче наш». Форстен тем временем, повторяя слова молитвы, зорко оглядывает помещение: доску, кафедру, пробует, хорошо ли стоит стул, заглядывает в чернильницу. Юнкера, читая молитву, следят за Форстеном. Толстой смотрит в окно.

Джейн открыла глаза. Несколько мгновенный она лежала, словно пытаясь понять, где же она находится. Потом что-то вспомнила, чуть улыбнулась, но когда рывком села в кровати, была уже серьезной. Она еще лениво потянулась, затем решительно поднялась, достала из висящего портплекда какую-то специальную пружину и сосредоточенно стала делать гимнастические упражнения.

Молитва кончилась. Толстой слышит голос Форстена.

Форстен. Садитесь, господа!

Все садятся. Чуть помедлив, садится и Толстой. Форстен вешает на грифельную доску свою знаменитую «немую» карту без единого названия на ней, возвращается к кафедре и еще раз проверяет прочность стула, заглядывает под стол и, наконец, садится. Раздается громкий и не совсем приличный звук. Форстен вскакивает. Как и положено, вскакивают все юнкера.

Голос юнкера. Будьте здоровы, ваше высокоблагородие!

Форстен криво усмехается, как человек, давно знающий и ко всему готовый, но чье слово будет всегда «последним».

Форстен (с улыбкой). Господин юнкер Толстой, извольте пройти сюда!

Толстой. Это не я, ваше высокоблагородие!
Форстен (вежливо). Извольте пройти к доске, господин юнкер.

Толстой. Но это, честное слово, не я, ваше высокоблагородие!

Форстен (словно не понимая, в чем дело). Мамочка моя! У нас урок, прошу вас...

Толстой обреченно идет по проходу к доске, на которой висит карта. Форстен делает знак остальным, юнкера садятся. Толстой останавливается у карты. Форстен, не глядя на него, протягивает ему указку.

Форстен. Прошу!

Толстой берет указку, беспомощно оглядывается на юнкеров.

Форстен. Поведайте нам, господин юнкер, что-либо, ну, скажем, о Второй пунической войне с точки зрения нашего предмета — военной географии.

Толстой с тоской смотрит в окно.

Джейн, причесанная и одетая, сидит за столиком. Перед ней ее специальная походная кофеварка. Булькает вода, кофе капает через змеевик в маленькую походную чашечку. Джейн просматривает бумаги, делает какие-то пометки карандашом. Нет того обворожительного обаяния, праздной легкости, ничего этого в ней сейчас нет...

Толстой смотрит в окно.

Форстен. Что же вы, мамочка вы моя, молчите, как могильный памятник?

Толстой (неожиданно). А что же вы, ваше высокоблагородие, еще от могильного памятника хотите?

Юнкера засмеялись. «Мамочка» тоже улыбнулся своею никогда не предвещающей ничего хорошего улыбкой. Толстой встретился глазами с ироническим взглядом Полиевского и отвернулся.

Форстен. Та-ак... Ну-с, со Второй пунической

войной мы разобрались. А не могли бы вы нам, мамочка вы наша, господин юнкер, сообщить, где скончался император Наполеон? Толстой. Могу. Только дозволейте спросить, ваше высокоблагородие, какого императора вы имеете в виду: Великого или последнего?

Форстен. Великого, мамочка вы наша, Великого...

Толстой. На острове Святой Елены, ваше высокоблагородие!..

Форстен. В таком случае, может быть, вы, господин юнкер, соблаговолите указать нам сей остров на карте мирового океана?

Толстой медленно поворачивается к карте. На ней нет ни одного названия, только немые очертания континентов да голубое поле мирового океана с точками островов и архипелагов.

Отточенный конец указки неуверенно ползет по карте. Толстой оборачивается к классу. Юнкера, кто как может, пытаются ему помочь, подсказывая направление, по которому надо двигать указку. Только юнкер Полиевский сидит совершенно спокойно, сложив перед собой руки на карте. Форстен, медленно моргая рыбьими глазами, смотрит на юнкера.

Джейн идет заснеженной улицей, смотрит на многочисленные витрины, читает вывески. Проходя мимо храма, приостановилась, подумав, решила зайти...

В храме малолюдно, только несколько старушек, какая-то семья, видимо, приезжие, калека и девушка в скромной шубке.

В левом крыле храма тихо исповедывался какой-то человек, накрытый епатрихилью.

Джейн с любопытством оглядывается по сторонам, подошла к иконе, приподнялась, рассматривая ее.

Какая-то женщина с маленьким мальчиком на руках учит его креститься.

Джейн осторожно потрогала рукой роспись на стене, постояла еще немного и вышла из храма.

На ступенях она остановилась.

На противоположной стороне шумного проспекта, у внушительного здания театра с броскими афишами, стоял Копнов с каким-то человеком. Увидев Джейн, Копнов помахал ей рукой. Она перешла проспект, подошла к ним. Они о чем-то говорили, затем Копнов их оставил, а Джейн и мужчина, оживленно разговаривая, пошли по проспекту. Они подошли к «Фотографии Шарля Харберса из Лейпцига» и вошли в нее...

Толстой продолжал стоять у доски.

Форстен. То, что вы нам указали, вовсе не остров Святой Елены, господин юнкер...

Толстой (*опуская указку*). Я не понимаю, я не знаю, ваше высокоблагородие, вы уже имели удовольствие третьего дни продержать меня здесь, у этой карты, весь урок и уже выставили мне в журнал две единицы и вlepили лишнее дневальство. Чего же вам еще от меня надобно?

Форстен (*глаза его еще более светлеют*). Я желал бы, господин юнкер Толстой, чтобы вы наконец узнали свое место и чтобы поняли наконец, что есть люди беленькие, а есть черненькие, которые со временем могут стать беленькими. Так вот: беленькие всегда правы, мамочка моя, а черненькие всегда неправы! Пока что вы, юнкер, хоть и Толстой, но черненький и потому всегда, слышите, всегда будете неправы! Вы меня понимаете?

Толстой (*после паузы*). Да...

Форстен (*поворачивается к классу*). Рад. Ну кто, мамочки мои, хочет указать нам место, где почил великий полководец?

Полиевский (*вставая*). Разрешите мне, ваше высокоблагородие?!

Форстен. Прошу.

Полиевский, не глядя, забирает у Толстого указку и, почти стоя спиной к карте, твердо втыкает острие в маленькую точку в Атлантическом океане.

Полиевский. Вот она, эта маленькая родинка (!) на нежной спине океана, и есть Святыя Елены остров... А то, что показал нам господин юнкер, это мухи натоптали...

Юнкера хохочут. У Толстого на лбу и верхней губе появляется испарина.

Полиевский. Разрешите сесть на место, ваше высокоблагородие...

Форстен. Садитесь. (*Толстому*). Вы, юнкер, тоже можете сесть на место, печально, однако, что экзамен для вас и еще для нескольких ваших товарищей может стать семейной трагедией! Науки военной географии вы не знаете.

Толстой (*спокойно, кладя указку на стол*). Такой науки нет.

Форстен. Как?

Толстой. Так. Совсем нет.

Форстен (*иронически улыбаясь*). А как же я?

Толстой. Вот так бывает: ваше высокоблагородие есть, а науки, которую вы преподаете, нету!

Форстен. Доложите вашему ротному командиру, что я наказываю вас лишним дневальством!

Толстой (*по-военному*). Слушаюсь, ваше вы-

сокоблагородие!

Форстен устало садится на стул. Вновь на весь класс раздается громкий и неприличный звук. **Форстен** вскакивает. Как один вскакивают юнкера.

Толстой. Будьте здоровы, ваше высокоблагородие!

Форстен срывает со стула чехол, и в его руках оказывается тонкая резиновая подушечка — детская игрушка-куколка. **Форстен** складывает ее вдвое и засовывает в портфель. Вновь раздается тот же звук.

Толстой. Будьте здоровы, ваше высокоблагородие!

Форстен. И без очередного отпуска, **Толстой!** **Толстой** (*бодро*). Слушаюсь, ваше высокоблагородие!

За дверь слышится сигнал горниста. **Форстен** быстро направляется к двери.

Фельдфебель. Смирно! Глаза направо!

Хлопает тяжелая дверь за «мамочкой». Юнкера загаддели, раздаются крики и смех.

Полиевский поворачивается, чтобы выйти из класса, и неожиданно, лицом к лицу, сталкивается с Толстым. Мгновенье они смотрят в глаза друг другу.

Толстой (*тихо и отчетливо*). Граф, вы — низкий человек, и я вас вызываю!..

Глаза Полиевского вспыхнули, стали жесткими. Он улыбнулся.

Полиевский. Хорошо!.. В рекреационной зале есть две пушки. Хотите драться на дуэли?.. Извольте...

Толстой (*тихо*). Я не шучу...

Полиевский (*так же тихо*). Где и когда?

Толстой. Из училища не выпустят... Предлагаю на рассвете в гимнастической зале. Выбор оружия за вами.

Полиевский. Я уступаю это право вам.

Толстой. Эспадроны!..

Полиевский. Толстой, вы рискуете, я лучше фехтую.

Толстой. В четыре пополудни в гимнастической зале!

Полиевский. Секунданты?

Толстой. Я буду просить князя Алибекова.

Полиевский. Я — Назарова.

Толстой. По кодексу дуэльному мы не должны до поединка встречаться.

Полиевский. Хорошо! Я натру суконкой термометр и скажусь нездоровым...

Толстой. Прощайте!..

Никто этого разговора не слышит, хотя и происходит он в самой гуще и сутолоке юнкерской жизни...

(Продолжение читайте в № 4 — 1992 г.)

— Как родился замысел сценария «Сибирский цирюльник»?

— Такое, казалось бы, высокое понятие, как художественный замысел, часто возникает, вернее, формируется, как следствие весьма приземленных житейских обстоятельств. Свой первый фильм, дипломную работу под названием «Спокойный день в конце войны» Никита Михалков снял по моему сценарию. В свою очередь Михалкову я «достался по наследству» от его старшего брата. В 1966 г. Андрей Михалков-Кончаловский написал сценарий вместе с Фридрихом Горенштейном. Но снимать его не стал. Предложение написать новый сценарий было сделано Валентину Ежову, а так как действие будущего сочинения предполагалось связать с Востоком, то в качестве соавтора пригласили меня, выпускника Высших сценарных курсов. Скрыв, что никогда в жизни не был в Средней Азии и в революционных событиях не участвовал, я обещал редактору Людмиле Филипповне Шмугляковой, которая помогала сколачивать наш авторский коллектив, поделиться своим восточным опытом и глубоким знанием революционных событий. В результате Кончаловский, Ежов и я поехали на Волгу в село Сухобезводное — то самое, где снималась за три года до этого «История Аси Клячиной», и за двадцать дней придумали сценарий, который стал потом называться «Белое солнце пустыни»*.

От этого периода моей жизни осталось одно яркое впечатление: в этом волжском селе, в каждом доме лежал томик Ленина, в котором утверждалось, что до революции в Сухобезводном было сорок пристаней, двенадцать небольших заводов, много лавок и магазинов. Ко времени нашего приезда в 1967 г. в селе была всего одна пристань и не осталось ни одного завода. И хотя в Волге еще ловили стерлядь, контраст окружающей нас бедной жизни с описанием цветущего дореволюционного села поражал.

— Это впечатление повлияло на работу над «Сибирским цирюльником»?

— Да, но не напрямую и не сразу. Все годы после встречи на его дипломе мы приятельствовали с Михалковым, и когда он позвонил почти двадцать лет спустя с предложением написать сценарий, я сразу согласился. Михалков был увлечен тогда одним рассказом Виктора Астафьева, но в конце концов грустная история, поведенная в нем, показалась нам в хорошем смысле слова литературной и много теряющей при экранизации. В поиске взаимно интересной темы обнаружилось, что есть проблемы, которые по-человечески нам одинаково близки. Например, проблема соотношения традиций, нравов, обычаев, сложившихся на той части планеты, которая называется Россия, и в сопредельных с ней странах, с разнообразными веяниями, приходящими с Запада. Всегда ли органично они прививаются у нас, здесь?

— Во многих Ваших повестях, пьесах, сценариях как раз ставился вопрос о том, как неуловима порой граница между живыми традициями и мертвыми, мешающими жить, предрассудками...

— Все в мире сопредельно. И искусство жить — это как раз умение ощущать грань, разделяющую, скажем, способность любить, увлекаться женщинами от эротомании; умение вкусно поесть от обжорства; разумную компромиссность от соглашательства... Как только преступается некая грань, некий порог гармонии, самое хорошее, благое увлечение превращается в свою противоположность. Поэтому важно уступать атакующей цивилизации избирательно, взвешенно, в пределах органичного восприятия. С другой стороны, чрезмерно активное сопротивление веяниям стремительно обновляющейся жизни приводит к тому, что добрая традиция становится сковывающей догмой, предрассудком, архаическим наследием прошлого. Все это очень индивидуально для каждого человека. И не только для отдельного человека, а для целых народов. При всей тривиальной очевидности моих рассуждений, для России, например, они не утрачивают своей актуальности и сегодня. Попытки утвердить у нас демократию западного образца без учета особенностей национальной психологии, склонной к авторитаризму, чреватые, на мой взгляд, опасными побочными эффектами, многие из которых мы уже наблюдаем. И, быть может, отраженные впечатления от происходящего сегодня, наложенные на знание того, что ход органичного исторического развития России подвергался деформациям именно из-за того, что время от времени российскими массами овладевали идеи, привнесенные извне, натолкнули на мысль написать об иностранце, который решил привезти в Россию и широко внедрить некое свое изобретение, нечто такое, что по своим возможностям способно совершить техническую революцию, — машину, стригущую лес, подобно тому как машинка парикмахера стрижет волосы. Герой, прекрасно понимающий, сколько пользы можно извлечь из такой машины, движим прагматическими соображениями, но не понимает особенностей страны, в которой хочет внедрить изобретение, являющееся естественным продуктом развития западной цивилизации. Он как бы хочет «цивилизовать» Россию ускоренным способом.

— А что была тогда петровская эпоха для России?

— Она была столь же искусственной, насильственной, сколь и необходимой, хотя до сих пор существует точка зрения, что все тогдашние реформы лишь навредили России. С точки зрения традиционных дефиниций, я — западник. Но западник центристский. Борьба за сохранение самобытности и необходимость нового, лучшего, что создается человечеством, — проблема всех народов. Но народ для меня не толпа, а слагаемое тысяч, миллионов индивидуальностей. И никаких универсальных решений тут быть не может. Любые общие решения должны слагаться из решений отдельных личностей. А не навязываться насильственно-групповыми методами. Возвращаясь к сценарию, хочу отметить, что мы остановились на наиболее интересном, с нашей точки зрения, периоде истории России, конце XIX — начале XX века.

— Чем он самый интересный?

— Это был последний период ее естественного развития. Уже через несколько лет Россию переехал бронепоезд революции. И история ее двинулась в ином направлении.

Нас интересовала та среда, тот духовный микроклимат, которые очень скоро будут разрушены революционными событиями, та природная мощь, которая еще существовала тогда, со всеми, конечно, специфическими особенностями России, вмещающими в себя, к примеру, формулу: «В России ничего нельзя, но если что-то можно, то — обязательно».

Мы пытались создать достаточно широкую картину эпохи, и в результате объем материала с персонажами, напрямую не связанными с линией главных героев, тщательная проработка исторического фонда обусловили жанр сценария — получился кинороман...

— В сценарии много запоминающихся эпизодических персонажей, например, эфиоп...

— Мы довольно много копались в подлинных материалах того периода: газетах, журналах, других документах. Перерывая очередную кипу газет, наткнулись на сообщение, что в Россию инкогнито приехал эфиопский принц и пропал. Мы использовали эту информацию и придумали судьбу, выросшую из факта, линию, отражающую важную особенность времени, которого мы коснулись. Фиксация времени — важнейшая функция искусства.

— В Ваших интервью встречаются разные высказывания о функциях искусства: и охранная, и действенная — активное вторжение в реальность; и вот сейчас Вы говорите о фиксации времени. Какая все же главная?

— Для меня лично — фиксация времени. Я очень трезво отношусь к себе, к своим возможностям как художника. Думаю, что вообще человек, который берет сегодня ручку и белый лист бумаги, должен иметь какой-то сильный внутренний посыл, какое-то оправдание своей дерзости. Ведь столько великого было написано до него и достойного пишется в его время. Мне помогает писать мысль о том, что опыт жизни, который имею я, — среда, в которой я вырос, люди, с которыми общался и общаюсь, — опыт этот уникален. И тысячи людей на земле, гораздо более талантливых, чем я, не знают того, что знаю, видел и пережил я, а значит и описать это не смогут. В картину мира я способен внести штрих, который известен только мне и никому больше. Это мой внутренний метроном, то, что необходимо

для самооправдания в начале каждой новой работы.

Вообще-то говоря, каждая из функций искусства главная. Я абсолютно искренне убежден, что творчество — это Божий промысел. Люди искусства призваны вырабатывать духовные ориентиры, которые помогли бы человеку подняться над обыденным биологическим существованием. В каждом организме есть клетки макрофаги, которые занимаются борьбой с инфекцией. Наша задача в чем-то сходна. Человечество — это целостный организм. Только сейчас, в связи со стремительным ростом технических возможностей, мы начинаем это понимать не умозрительно, а реально, физически ощущаем, как все близко, все рядом, как все взаимосвязано. То, что происходит сейчас здесь, в той или иной точке, может решить судьбу мира в целом. Один человек одним неверным движением, нажатием какой-то кнопки может погубить весь мир. И только в морали, которая учит самоограничению, самоконтролю, — спасение человечества. Осознанно и остро этот вопрос встал сейчас, но существовал он всегда. Одной из первых это определила христианская религия. Проповедуя принцип любви к ближнему и остальные свои заповеди, она как бы готовила верующих к нынешнему состоянию мира. Художники — это те клетки в организме человечества, на которые возложена функция вырабатывать ферменты, защищающие от нравственных болезней. Это не означает, что они способны сделать человека лучше, чем он есть, но, делая утреннюю зарядку, ты не стремишься стать самым сильным человеком в мире — зарядка поддерживает твою физическую форму. Искусство же необходимо человеку для поддержания его духовного здоровья. Оно как открытая форточка в душевной комнатке бытия. В этом и состоит охранная функция искусства.

А его действенная, социально-активная функция связана с тем, что всякий художник еще и гражданин. Но деление это весьма условно, нельзя расчленить искусство на составные части.

— «Сибирский цирюльник» затрагивает тему разлада между духовным и действенным, между нравственными принципами и вытекающими из них поступками. В России, стране, в которой законы, кажется, только для того и пишутся, чтобы тут же пренебречь ими, свято чтут неписанные правила чести...

— Да, тема эта выражена в линии главного героя — Андрея. Мы с Михалковым много думали о том, какая лирическая история может точнее выразить важные для нас вещи. В результате возникла авантюрная героиня, западная женщина Джейн, которая сталкивается с непостижимой страной и рожденным в этой стране невычислимым по поступкам юношей. Надо признаться, что эта линия в значительной степени навеяна русской предреволюционной литературой — Куприным, Буниным.

— По ходу чтения сценария меня не покидала еще одна ассоциация — Платонов, «Епифановские шлозы».

— Конечно, хотя это касается больше героя-изобретателя. Он прожил в России довольно долго, но так и не понял, по каким законам развивается жизнь на этой части земного шара. Я же имею в виду юнкера Андрея. Нам показалось, что встреча именно такого благородного, пылкого юноши с Джейн может высечь искру, дать ту особенную взволнованную интонацию, которой мы с Михалковым очень дорожим. Мы оба за искусство, способное создавать настроение.

— Как шла ваша совместная работа с Михалковым, приходилось ли идти на компромиссы?

— В любой совместной работе приходится идти на компромиссы. Особенно, конечно, это касается сотрудничества сценариста с режиссером. Когда мои коллеги начинают мне рассказывать о своих конфликтах с режиссерами, я улыбаюсь и пытаюсь объяснить, почему они неправы. Компромисс — естественное условие нашей профессии. Не хочешь компромиссов — пиши прозу, пьесы. Но если занимаешься писанием сценариев — ты должен быть готов к тому, что отдаешь его в чужие руки, и не восклицать в отчаянии: «Мой замысел не понят!» Можно, конечно, пытаться влиять на ход работы, советовать, доказывать, но со многим необходимо мириться. Это неотъемлемая особенность нашей профессии. У меня, например, идеальные отношения со всеми режиссерами, с которыми я имел дело. Если сценарий получался интересным, я публиковал его. Что же касается фильма — то это дело режиссера, главное, чтобы в итоге фильм состоялся.

Работа с Михалковым — это не обычная работа сценариста с режиссером, поскольку он полноправный соавтор сценария; и поиск компромисса возник уже на первой стадии работы. Наше соавторство строилось на принципе убеждения. Я никогда не соглашаюсь на то, в чем меня не убедили. Таков же и Михалков. Иногда на достижение обоюдного согласия уходило три минуты, иногда требовался месяц. Если долго не могли прийти к общему решению, кто-то говорил: «Ладно, пошли дальше», чтобы потом снова и снова возвращаться к спорному месту. В конце концов чаще всего приходило решение, устраивавшее обоих.

Михалков за доброе искусство. Я тоже, хотя в чем-то я жестче. Никита не любит

«чернухи» во всех ее проявлениях; он воспитан на традициях большой русской литературы, литературы с высокими идеалами и сильными чувствами. При этом он не боится правды быта, но изображение того, как плохо живется, не становится для него целью творчества. Он не станет показывать убогость бытия, если это не связано с какими-то высокими художественными побуждениями; им может двигать желание поразить, огорчить, потрясти, но только не подавить человека. И это та главная отправная точка, которая позволяла нам легко находить общий язык.

— Как строится Ваш контакт со зрителем?

— Есть два способа жить в искусстве: о простом рассказывать сложно и, наоборот, стремиться о сложном рассказывать как можно проще. Мне ближе, когда из элементарных кирпичиков строится что-то затейливое по архитектуре, а не наоборот, когда нечто примитивное возникает из замысловатых элементов. Настоящее произведение искусства чем-то напоминает море: тем, кто не научился плавать, оно дает возможность плескаться у берега и получать от этого удовольствие, а для тех, кто умеет плавать, — заплывать и нырять, но так и не достичь предела погружения на глубину. Ясность и доступность для широкого круга зрителей того, что нас волновало, тоже включалась в число проблем, которые мы решали в совместной работе.

— Авторский и коммерческий кинематограф сейчас резко разошлись. Как Вы относитесь к этой проблеме?

— Если говорить о чисто коммерческом кинематографе, то никто не выдержит конкуренции с американцами. Они идеально разработали методологию создания и продажи коммерческих фильмов. Они точно знают, чем взять массового зрителя. И делают это блистательно. Коммерческое кино пользуется уже готовыми образами, ставит их на конвейер вариантов, стремясь максимально считаться с заказчиком, угодить вкусам публики. Этот тип кинематографа мне просто неинтересен. А то, что называется авторским кино, интересно только в том случае, если оно достаточно демократично. Авторское кино, в моем понимании, — это некая своя точка зрения на мир, на людей, на человеческие взаимоотношения, на историю человечества. Это выражение опыта, который проживаешь лично ты, это отражение твоего характера, твоих биологических особенностей. Все это вместе, естественно, помноженное на меру таланта, и делает человека способным сообщить миру нечто, что отличается от того, что говорят другие.

Этот, как его иногда называют, серьезный кинематограф дает талантливым людям гарантию выжить, ибо не претендует на быстрый успех, размах рекламы, огромные зрительские аудитории — на все, что необходимо для проката коммерческого фильма. Настоящие картины живут во времени и дают возможность жить их создателям. Нечто похожее происходит при добыче нефти. Есть так называемый фонтанный способ добычи, когда пробуривается скважина и достаточно большой энергией пласта нефть выбрасывается на поверхность. А есть глубинно-насосный способ, когда энергия пласта невелика и приходится качать из него нефть с помощью насоса, иногда в течение нескольких столетий. Но в результате количество нефти, добытое таким способом, часто больше, чем при фонтанной добыче. Потому что фонтан бьет очень интенсивно, но энергия внутри пласта довольно скоро спадает и ее уже не хватает для выталкивания нефти на поверхность, при этом не менее сорока процентов нефти остается в пласте и с течением времени становится ясно, что насосный способ дает гораздо больший эффект.

Если подсчитать сборы от фильмов Андрея Тарковского на протяжении двадцати лет, то они окажутся не меньше, чем от многих коммерческих картин. Потому что его картины стабильно собирали зрителя все эти годы.

— Учитывали ли вы в работе над сценарием «Сибирский цирюльник» интересы западного зрителя?

— Проблема быть понятным зрителем разных культур и традиций для меня не нова. Я всегда существовал в пограничной ситуации. Я думал о том, как сделать рассказ о знакомых мне бакинцах интересным русским, белорусам, прибалтам. Теперь я просто еще больше расширяю круг тех, до кого хотел бы донести свою мысль, и думаю не только о жителях территории бывшего Союза, но и о европейцах.

При этом никакого насилия над собой совершать не приходится: одновременно с восточной и русской литературой я вырос на Жюль Верне, Вальтере Скотте, Дюма, Гюго, Хемингуэе, Ремарке. Западный менталитет не является для меня чем-то в корне чуждым.

Учтите еще один момент. Мы живем и работаем не в вакууме. На нашего зрителя сейчас обрушивается поток активного действующего западного киноматериала, в основном невысокого качества. С этим, к сожалению, нам тоже необходимо считаться, если хочешь пробиться к зрителю. В первоначальном замысле «Сибирского цирюльника» предполагалось, что Джейн — действительно дочь изобретателя. Она приезжает в Россию, встречается с Андреем, и начинается их роман. Все это полностью бы укладывалось в традиции

русской литературы. Затем мы как бы «оприключенили» действие, оперлись на западную традицию в духе «Феликса Круля». И сделали Джейн авантюристкой, которая приехала в Россию с определенными целями, но влюбилась и поняла, что впервые в жизни любит всерьез. И все же так и не сумела отдаться воле чувств, что в результате погубило Андрея. Так эта история может прочитываться теми, кто привык плавать у берега. Но эту же историю по-иному могут воспринять те, кто способен заплывать на глубину.

Окончательное прочтение зависело бы, конечно, от того, как снял бы картину Михалков. Но сценарий оказался постановочно очень дорогим. Предельный бюджет в Европе достигает десяти-двенадцати миллионов долларов. Если картина дороже, то привлекаются американские или японские деньги, но американцы дают деньги уже на совершенно других условиях. Авторские права переходят от создателя фильма к продюсеру. На протяжении двух-трех лет Михалков добивался того, чтобы права у нас оставались европейские, а деньги на производство фильма были бы американские. Но это так и не получилось.

Когда Михалков снял «Очи черные», его обвиняли в том, что он сделал картину специально для того, чтобы понравиться западному зрителю. А мне кажется, что прежде всего он снял то, что нравилось ему самому, лишь с некоторой адаптацией для восприятия западного зрителя. Картина пользовалась массовым успехом в Европе, и при этом я могу назвать и многих выдающихся деятелей кино, которым она искренне нравится, — Феллини например.

Я к картине отношусь одобрительно, хотя это и не самый любимый мой фильм Михалкова. Значительно выше ставлю три другие его работы: «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Пять вечеров», «Несколько дней из жизни И. И. Обломова», ибо в них ощущается энергия откровения, которая возникает, лишь когда человек творит, удивляя самого себя. В «Очах черных» же я вижу работу мастера, который поставил перед собой определенные задачи и блестяще с ними справился. Но он как бы — над своим произведением, используя то, что уже умеет делать, и получая от этого удовольствие, но в этом нет риска, нет авантюры; фильм делается уверенной, сильной рукой.

Актер Джек Николсон подарил Михалкову свою фотографию с надписью: «Режиссеру фильма «Раба любви», рабом которой я стал. Джек Николсон». Но это не успех. Это признание одним мастером высокого класса работы другого. Такого рода успеха добивались и другие наши кинематографисты — их знают и высоко чтят коллеги. Но кинематограф по самой своей природе рассчитан на то, чтобы его признавал достаточно широкий круг зрителей. Поэтому-то картину «Очи черные» я считаю явлением принципиальным для нашего кино, прокат которого территориально ограничен. По разным причинам. А Михалков поставил цель и сумел ее достичь: своим фильмом он разрушил зрительские границы.

— Вы связаны с европейскими и американскими кинематографистами. Есть ли принципиальная разница в киномышлении, киноменталитетах разных стран? И если есть, в чем она?

— Европейское киномышление нам много ближе, так как мы воспитывались, формировались примерно на одних духовных ценностях. Французская новая волна имела на нас (я имею в виду кинематографистов) примерно такое же влияние, как и в самой Франции. Итальянский неореализм, английские рассерженные, — практически мы прожили долгую совместную европейскую культурную жизнь. А с нами и наши зрители. Но судьбу фильма определяют не только его качества, а и законы проката, а это уже дело коммерческое. Десятки наших картин не получали европейской известности только потому, что не имели соответствующей рекламы. Мы экономически в неравном положении. Западному прокатчику лично может нравиться или не нравиться та или иная наша картина, но он не хочет возиться с ее прокатом; никогда неизвестно, принесет она деньги или нет.

А американский киноменталитет действительно несколько особенный — американские фильмы в единицу времени доставляют зрителю больше эстетической, социальной, сюжетной информации, чем европейские. Все в них плотно, сжато, концентрированно. В наших фильмах больше воздуха, настроения, атмосферы, чем мы и гордимся. И что американскому зрителю кажется скучным.

Но принципиальная разница связана с более глубокими вещами — с представлениями о том, что хорошо и что плохо. Существует одна вечная схема, которая пользуется неизменным успехом в американском кино: история человека, который сталкивается с очень сложными обстоятельствами и находит в себе силы победить их, добиться успеха. Она безотказно срабатывает на любом материале, в любом жанре. Возможны сотни исключений и вариантов. Но они срабатывают именно потому, что изначально существует эта исходная схема. Нам же гораздо ближе история человека, существующего в обстоятельствах, которые сильнее его. Подспудно мы в лучших своих работах обличали строй, разоблачали его бесчеловечную силу. Истории, которые заканчивались победой и успехом героя, казались конъюнктурными.

— Как бы Вы охарактеризовали ситуацию, в которой сейчас находится наша культура, и кинематограф в частности?

— Она гибельна для культуры и кинематографа. Мы вступили в варварские времена

первобытного капитализма, когда искусство никому не нужно. В тоталитарном обществе материальным обеспечением искусства занимается само государство, в эпоху зрелого капитализма этим занимаются богатые люди, меценаты. По-настоящему цивилизованное общество приходит к органичному сочетанию государственной помощи и высококультурного меценатства.

В кино, как и во всех сферах, мы разрушили прежнюю, безусловно несовершенную, но как-то работавшую систему. Но что же получили взамен? Представьте себе, стояла, опираясь на тысячу подпорок, покосившаяся стена, которая грозила вот-вот обрушиться. Пришел Горбачев и сказал: «Ребята, так нельзя. Настоящая стена должна стоять сама, без подпорок, уберите-ка их». Его послушались, и стена рухнула. Потому что, прежде чем убирать подпорки, следовало переложить стенку.

Финансово наш кинематограф обречен на гибель. Вычислить это несложно. В связи с гиперинфляцией кинопроизводство невероятно выросло в цене. Самый дешевый фильм обходится в пять-шесть миллионов. А цена на билеты выросла много меньше. Получается, что человек, вложивший в кинопроизводство восемь-десять миллионов, скорее всего вернет лишь три-четыре, т. е. производство фильмов у нас дело изначально убыточное. Чтобы изменить ситуацию, надо поднять цену на билеты. Но ни один человек, перед которым стоит проблема, на что купить хлеб, не купит билет в кино за высокую, сравнимую с западными странами, цену.

Несколько последних лет я занимаюсь тем, что, возможно, является одним из способов спасения нашего кино — совместным кинопроизводством с зарубежными партнерами. К сожалению, чаще всего оно сводится к обслуживанию съемок плохих западных фильмов. К нам в основном приезжают те, кому надо снять что-то подешевле, или нуждающиеся в нашей натуре, но и в том, и в другом, и в большинстве остальных случаев наша сторона используется лишь для оказания оплаченных услуг. То есть мы в сфере совместного кинопроизводства в основном откликаемся на предложения, уже творчески сформированные без нашего участия. Такой пассивный, «сервисный» подход компрометирует саму идею копродукции — основной способ решения экономических проблем нашего кинематографа через достаточно широкий выход наших фильмов на мировой экран.

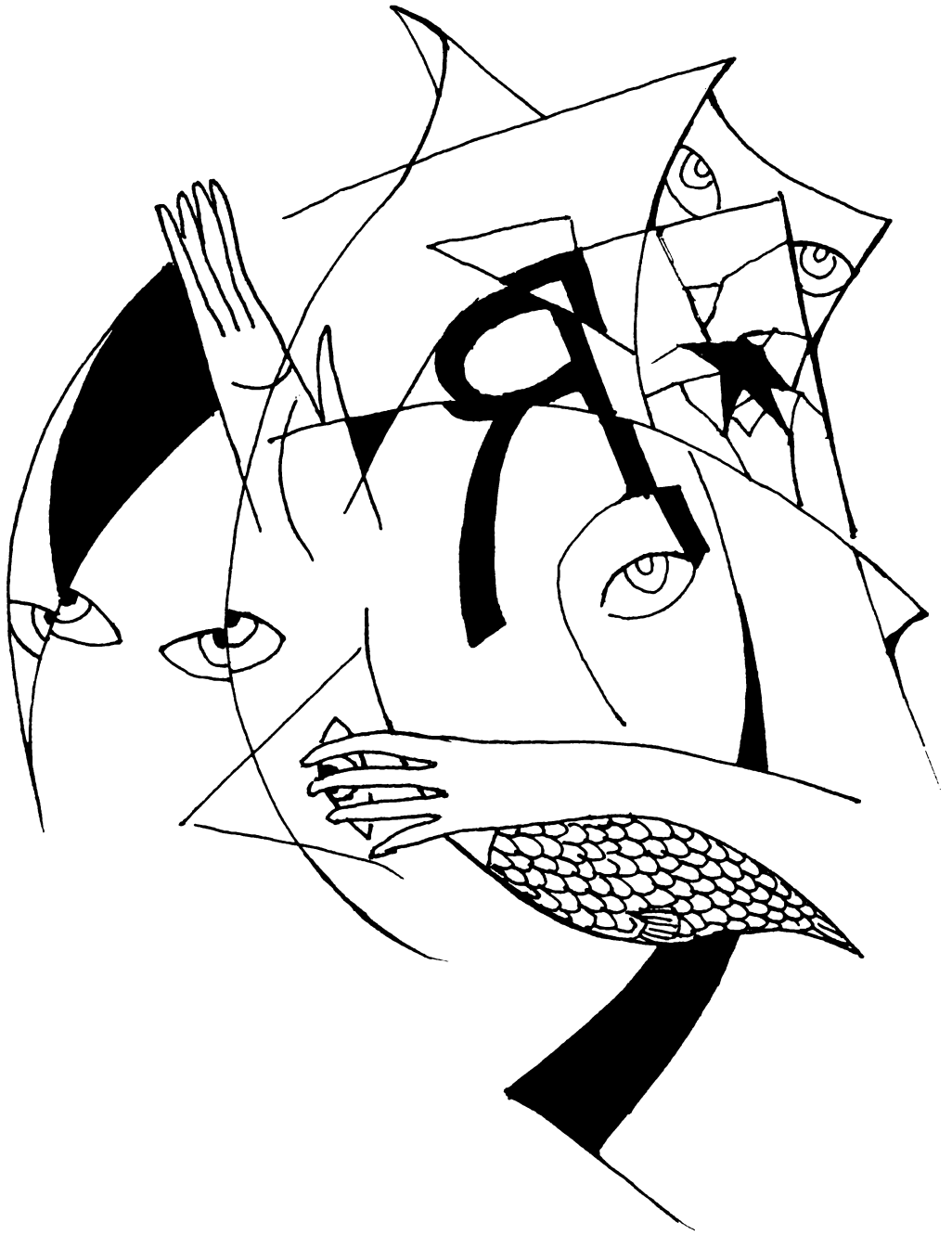
Несколько примеров противоположного характера: «Урга», снятая Н. Михалковым, «Такси-блюз» — П. Лунгиным, «Мать» — Г. Панфиловым и т. д., определяют контуры другого и, на мой взгляд, чрезвычайно важного для существования нашего кинематографа подхода к совместному производству. Мы формируем замысел, мы реализуем его на высоком художественном уровне, а иностранный партнер вкладывает деньги в проект и по этой причине занимается активным продвижением «своего» фильма в мировой прокат.

За последние два года мне удалось придумать и запустить несколько проектов именно на такой основе. Александр Прошкин, к примеру, уже снимает современную московскую историю на французские деньги, два других фильма по сценариям, предложенным мною, находятся в стадии подготовительных работ. Действие одного из них происходит в Баку, и для меня это — продолжение той линии в кино, которую я на протяжении многих лет «тянул» с Расимом Оджаговым.

— С Оджаговым Вы снимали фильмы, которые, опережая время, точно и смело обозначали болевые точки общества, ставили социальный диагноз. Какую бы картину Вы сняли сейчас с Оджаговым?

— Если раньше я предлагал Оджагову идеи, которые, как мне казалось, были интересны не только в пределах Азербайджана, то теперь, в новых социокультурных обстоятельствах такой подход еще более актуален, и именно поэтому мне хотелось бы сделать, например, пять фильмов под общим названием «Ашеронские истории». Действие всех фильмов происходит сегодня, и все основаны на классике: «Преступление и наказание», «Тартюф», «Ромео и Джульетта», «Граф Монте Кристо», «Сафо» — замечательный роман Альфонса Доде. Пять классических сюжетов, разыгранных в сегодняшнем Баку. Вы скажете, что я хочу понравиться западному зрителю. А я думаю, что прежде всего принес бы огромную пользу азербайджанскому кинематографу, ибо может произойти взаимооплодотворение потрясающего по силе материала нашей действительности с гениальной, проверенной временем, литературой. Я абсолютно убежден, что удалось бы сделать интереснейшие фильмы. Для меня, как и для многих моих товарищей, это самое главное в жизни. А государство, лишая нас экономической поддержки, как бы мстит за то, что мы взбунтовались против его давящей опеки несколько лет назад. Но подлинное искусство все равно выживет, хотя и пройдет через очень тяжкие испытания... И мы вместе с ним...

Интервью вела Ирина Германова

Ингмар Бергман

СЦЕНЫ ИЗ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ

4 ДОЛИНА ПЛАЧА

Сентябрьским вечером год спустя. Звонок в дверь. Марианна, возившаяся на кухне с обедом, идет и открывает, мимоходом внимательно поглядев на себя в зеркало.

Юхан. Здравствуй!

Марианна. Здравствуй. Проходи!

Юхан. Прости, что опоздал. С машиной что-то случилось, никак не хотела заводиться. *(Целует ее в щеку.)* Ты прекрасно выглядишь. И платье чудесное.

Марианна. Я рада, что тебе нравится. Я только на днях его купила и тут же пожалела. Мне показалось, оно мне вовсе даже не идет. И цвет какой-то слишком уж ярко-красный.

Юхан. Оно тебе просто удивительно к лицу. Честно.

Марианна. Проходи, пожалуйста. Как-то неловко разговаривать в передней. Еще больше волнуешься.

Юхан. Я тоже нервничаю. Сегодня целый день не мог ничем заниматься. Слонялся как дурак. Но мы ведь с тобой ужасно давно не виделись. Больше чем полгода.

Марианна. Что же случилось, что ты вот так вдруг?..

Юхан. Паула уехала на неделю в Лондон.

Марианна. А... Вон оно что. Хочешь чего-нибудь выпить?

Юхан. Спасибо, хорошо бы виски. Чистого виски, безо льда, если у тебя есть. Очень согревает. В смысле — успокаивает.

Марианна. Ты стал пить виски?

Юхан. Представь себе, да.

Марианна. Я отправила девочек к тете Берит, с ночевкой. Они пробудут там до послезавтра. К обоюдному восторгу. Сегодня у них театр, завтра в школе нет занятий.

Собирались все втроем поехать за город.

Юхан. Это ты хорошо придумала. А то бы мне трудновато пришлось. Ну как они? Здоровы?

Марианна. Ты ведь просто из вежливости спрашиваешь. Не надо. Не стой. Мы лучше вот что сделаем. Запишем тебе в календарь их дни рождения, чтоб ты в следующий раз не забыл, как в этом году. Я купила им от тебя подарки, но они все поняли. Вышло только хуже. Мне кажется, ты мог бы иногда взять их куда-нибудь пообедать. Или пойти с ними в кино. А то ты просто исчез из их жизни, даже страшно за них. Они уже про тебя почти и не вспоминают.

Юхан. Вполне понятно.

Марианна. А то, что Паула не позволяет тебе видиться с нами и устраивает из-за этого дикие сцены...

Юхан. Если мы встретились только для того, чтобы ты читала мне нотации, то мне лучше уйти.

Марианна. Ты сам говорил, что Паула до того тебя ревнует, что ты не можешь видиться ни со мной, ни с детьми, потому что рискуешь нарваться на скандал.

Юхан. Ну и что мне, по-твоему, делать?

Марианна. Неужели ты такой трус, что не можешь просто взять и сказать ей, как ты сам считаешь нужным поступить? Неужели ты до того боишься этих ее сцен, что в результате позволяешь вертеть собой, как ей вздумается?

Юхан *(устало)*. Да.

Марианна. Извини, пожалуйста.

Юхан. Не за что. Я понимаю, что тебе такое положение должно представляться нелепым.

Марианна. Хочешь еще немножко виски?

Юхан. Хочу.

Марианна. А в остальном у тебя как?

Юхан. Да все по-прежнему. Как ты сама-то?

Марианна. Ничего, не жалуясь. Могло быть и хуже.

Юхан. Глупо, наверно, что я предложил тебе встретиться. Неизвестно, о чем и говорить. Ведь чего ни коснись — обязательно обидишь друг друга.

Марианна. А знаешь, у меня есть отличная идея. Давай-ка поедим... Может, мы просто с голоду такие злые. Ты как?

Юхан. Я — за.

Когда они встают, он обнимает ее и целует в губы. Она сначала не хочет, но быстро покоряется. Потом, взглянув друг на друга, оба вдруг улыбаются.

Марианна. Смешная у тебя прическа. И растолстел вроде бы.

Юхан. Сказать по правде, мне так и хочется на тебя наброситься. Как же теперь быть-то, а?

Марианна. Сначала давай пообедаем. Там видно будет.

Юхан. Купила новый сервиз?

Марианна. Нет, в наследство достался. Тут с полгода назад умерла вдруг наша милая старенькая тетя Эльза, так вот, ей вздумалось завещать мне целую кучу домашней утвари. Тетя Эльза всегда почему-то считала, что я прекрасная хозяйка. Даже не знаю, куда это все употребить, но сервиз действительно красивый. Вот тебе мое вариво. Потом будет красное вино и сыр. Я не успела достать никаких разносолов. Но тебе и так всегда нравилось.

Юхан. Пахнет изумительно. *(Накладывает себе.)* Ты слышала, что Мартин женится на другой?

Марианна. Если хочешь знать, я совсем недавно встретила их на улице. Они оба жутко смутились, все оправдывались, что целый год о них ни слуху ни духу. Прямо жалко было на них смотреть.

Юхан. Эта его новая пассива вообще-то дура душой. Зато, говорят, с деньгами.

Марианна. А я слышала совсем не то. Будто предприятие ее папочки потерпело недавно крах.

Юхан. Ну значит, Мартин и на сей раз промахнулся.

Марианна. Разве он не близкий твой друг?

Юхан. Да не то чтобы очень. А что?

Марианна. Похоже, ты злорадствуешь.

Юхан. Один мудрый человек сказал: ничто нас так не утешает, как несчастья наших ближних. Твое здоровье, Марианна. Какое отличное вино.

Марианна. Не думай, что какое-нибудь редкостное. Обычное разливное вино за шесть семьдесят пять. А правда вкусное.

Юхан. Хочу тебе похвастаться. Дела мои, кажется, пошли в гору. Меня пригласили на три года читать лекции в Кливлендский университет. Предложение, видишь ли, весьма выгодное. И с точки зрения карьеры, и в материальном смысле. И там как-никак центр научной мысли в нашей области. К тому же я с радостью эмигрирую, на любой срок. Здесь меня ничто не удерживает. Мне до того уже осточертело наше академическое болото. И потом, зачем мне надо, чтоб с меня драли три шкуры. В общем, весной, если ничего не сорвется, я переселяюсь.

Марианна. Поздравляю.

Юхан. И тут следует невысказанный вопрос: берешь ли ты с собой в Америку Паулу? Отвечаю: нет. Назови это, если хочешь, бегством. Пусть так. Я удираю. И наверно, как раз вовремя. Паула была мне очень даже на пользу. Она открыла мне кое-что про меня самого, что, возможно, и полезно знать. Но и хватит. Достаточно. Сказать по совести, она мне порядком надоела. Ты, наверно, думаешь, нехорошо с моей стороны говорить так о ней за глаза. Но она давно уже не может рассчитывать на мое хорошее отношение. Я смертельно от нее устал. Устал от ее диких страстей, от сцен, слез, криков, примирений и доказательств любви. *(Сдерживает себя.)* А знаешь, что я тебе скажу, Марианна. Заслуга Паулы именно в том, что она научила меня кричать и скандалить. Мне позволялось даже бить ее. До нее я ведь и не подозревал, что у меня есть какие-то страсти. Если б я тебе все рассказал, ты бы просто не поверила. Иногда мне казалось, будто я участвую в каком-то гротескном спектакле, где я одновременно и актер, и зритель. Мы могли шуметь и скандалить дни и ночи напролет. Пока буквально не сваливались с ног от усталости.

Марианна. Положить еще?

Юхан. Спасибо, но я еще это не съел. Невероятно вкусно. А я только и делаю, что языком болтаю. Это я, понимаешь, на радостях. Как получил это самое приглашение, чувствую себя... ну прямо кум королю.

Марианна *(миролюбиво)*. Может, нам стоит тогда обсудить все насчет развода? Ведь если ты так надолго уезжаешь, то лучше нам, наверно, сейчас со всем этим покончить.

Юхан. Как хочешь, так и сделаем.

Марианна. Тогда давай, действительно, все оформим. Мало ли как повернется. Вдруг я захочу снова выйти замуж. Тогда хлопот не оберешься. Попробуй все устроить, если ты в Америке.

Юхан. У тебя уже есть кто-нибудь на примете?

Марианна. Что, все-таки любопытно?

Юхан. Ну вот что, Марианна! Теперь уж твоя очередь рассказывать. Не все же мне языком молоть.

Марианна. Хочешь еще вина?

Юхан. Нет, спасибо. Я, как говорится, и сыт и пьян. Если только кусочек сыру. Нет-нет, на ту же тарелку. А что это за сыр? Выглядит соблазнительно.

Марианна. Это *Bel paese*. Попробуй.

Юхан. Просто чудо. Но не думай, что тебе удастаня увильнуть. Как тебе живется, Марианна? Судя по твоему виду, по твоей прическе, платью, фигуре, да и по твоему настроению — очень даже неплохо. Прежде всего мне не терпится, естественно, узнать, завела ли ты себе любовника.

Марианна. Вот что! Сварю-ка я, пожалуй, кофе. Ты ведь, наверно, с удовольствием...

Она обходит стол, берет в ладони его голову и целует в губы. Потом они дружно убирают со стола. Пока Марианна готовит кофе, Юхан нетерпеливо бродит по квартире, останавливается в дверях.

Юхан. Ты, я вижу, сделала перестановку, купила новую мебель.

Марианна. Ты имеешь что-нибудь против?

Юхан. Какого черта!

Марианна. Я просто переехала в твой кабинет.

Юхан. А куда ты девала мои вещи?

Марианна (*весело*). Сдала их на хранение и плачу за них. Я решила, что имею наконец право на свою собственную рабочую комнату. Ну и вот, купила немного мебели, повесила новые занавески и свои собственные картины, которым раньше так и не нашлось тут места, потому что тебе они не нравились. Может, я поступила бестактно? По-твоему, мне следовало бы дождаться оформления развода? Соблюсти, как положено, годовой траур? А я вот и телефон уже перевела на свое имя.

Юхан. Ну что ж, правильно.

Марианна. А чего ты все-таки скис?

Юхан. Вовсе нет. Я считаю, ты все сделала правильно.

Марианна. И на том спасибо. Раньше, если ты помнишь, я всегда ютилась за секретером в спальне, если надо было дома поработать. Не слишком-то удобно. Но мы ведь прежде всего заботились, чтобы у тебя был свой собственный, отдельный кабинет, где бы ты мог спокойно работать и дети бы не мешали. Да, и еще я убрала двуспальную кровать.

Юхан. А это зачем?

Марианна. Затем, что в этой громадине я места себе не находила. Чуть с ума не сошла. Так что теперь здесь, как видишь, все выглядит несколько целомудренней.

Юхан. А как же твой любовник? Где ты его принимаешь?

Марианна. До поры до времени я предпочитаю встречаться у него.

Юхан. Из-за девочек?

Марианна (*улыбается*). Вот глупый. Да девочки мне все уши прожужжали, чтоб поскорей выходила снова замуж.

Юхан. Черт знает что.

Марианна. Хочешь чего-нибудь к кофе?

Юхан. Нет, спасибо. Я вот смотрю и думаю: это хоть действительно похоже на человеческое жилье. Дом как дом.

Марианна (*улыбается*). Зато ты, милый мой, живешь за городом.

Юхан. Мы живем в бетонном улье, в трех ячейках. Десятый этаж. С видом на другой бетонный улей. В подъезде вечно хулиганят накачавшиеся пивом подростки. Развлекаются тем, что сбивают с ног пенсионеров. Дом трещит по всем швам. Из окон дует так, что занавески трепыхаются. Совсем недавно мне две недели подряд пришлось бегать за водой на колонку. Канализация тоже не работала. В метро после восьми вечера лучше не соваться. А в центре всего этого сумасшедший архитектор поместил нечто под названием *ригга*. Не подумай, что я жалуясь. Мне даже, наоборот, интересно там пожить. Потому что это больше всего остального соответствует моим представлениям об аде.

Марианна. Я не знала, что ты веришь в ад.

Юхан. Ад — это такое место, где никто уже больше не надеется, что есть хоть какой-то выход. Но вот Пауле там нравится. Она говорит, что все это вполне согласуется с ее представлением о мире. И что ей там спокойно. Мне-то лично в общем все равно, где бы ни жить, потому что каждое жилье я воспринимаю как временное. Наше душевное спокойствие только от нас зависит. Надо иметь опору внутри себя.

Марианна. И у тебя она есть?

Юхан. Пока тут вот жил, то есть у себя дома, не было. Тогда решающее значение имело все, что нас окружало. Мы подменили опору обрядовостью.

Марианна. Не понимаю, что ты хочешь сказать.

Юхан. Мы опирались только на то, что было вне нас самих. Наше имущество, наша дача, наша квартира, друзья, деньги, еда, праздники, родители.

Марианна (*испуганно*). Почему мы перестали быть нежными друг с другом, а, Юхан? Почему мы никогда почти не целовались? А ласкали друг друга только в постели? Почему боялись приласкать лишний раз детей?

Юхан. Хочешь знать, что у меня за опора? Сейчас я тебе расскажу. Я вот как себе мыслю: одиночество — это некий абсолют. Единственно существующее. Все остальное — плод нашего воображения. Иллюзия. Помни об этом. И старайся поступать соответственно. Не жди для себя ничего, кроме самого худшего. Если случится что-то приятное, тем лучше. Не надейся, что ты сможешь покончить с одиночеством. Оно абсолютно. Можно, конечно, придумывать разного рода единение, но выдумки остаются выдумками — про религию, политику, любовь, искусство и так далее. Одиночество тотально. Ловушка же в том, что единение представляется тебе достигнутым. Знай, что это иллюзия. Тогда тебя не постигнет столь тяжкое разочарование, когда все вернется к обычному порядку вещей. Нужно научиться жить с сознанием, что одиночество абсолютно. Тогда ты не будешь больше жаловаться, перестанешь ныть и скулить. Тогда придет к тебе спокойствие, ты обретишь опору внутри себя и научишься принимать бессмыслицу как нечто должное. Я не хочу тем самым сказать, что надо просто успокоиться и сложить руки. Я считаю, надо стараться изо всех сил. Хотя бы потому, что человек сам себя гораздо лучше чувствует, если мобилизует свои усилия, а не сдаётся.

Марианна. Мне бы твою уверенность.

Юхан. А, все это только слова. Пытаешься облечь свою суть в слова, чтобы изгнать пустоту. Будто заклинивание творишь. Странно, кстати. Ты никогда не думала о том, что пустота причиняет боль? Казалось бы, она должна давать ощущение головокружения или своего рода душевной тошноты. А моя пустота причиняет мне чисто физическую боль. Саднит, как ожог. Или вот как бывало в детстве: нарвешься, а потом в носу и в горле болит и саднит. Меня иногда просто удивляет, до чего же Паула верит в свою политику. По-настоящему верит, искренне, и принимает самое активное участие в деятельности своей группы. Ее убежденность дает ей ответы на все вопросы и заполняет пустоту. Вот бы мне такую жизнь. Я это серьезно, без всякой иронии. *(Наклоняется к Марианне.)* Чего ты так насмешливо улыбаешься? Считаешь, глупости болтаю? Я тоже так считаю. Ну и пусть. Все равно.

Марианна. Я просто не понимаю, про что ты говоришь. Для меня это слишком абстрактно. Не знаю, почему. Может, потому, что сама я не привыкла рассуждать о подобных проблемах. Я как бы существую в иной сфере.

Юхан *(грубо).* Разумеется, в более возвышенной сфере. В сфере, специально зарезервированной для женщин с их тон-

кой эмоциональной организацией и счастливой способностью непосредственного приобщения к таинствам жизни. Паула тоже частенько превращается в этакую жрицу жизни. Когда прочитает очередную книжку очередной великой проповедницы очередного женского евангелия.

Марианна. Я помню, ты всегда любил поговорить. И помню, мне это нравилось, хотя я почти всегда пропускала мимо ушей твои теоретизирования. Мне кажется, у тебя проस्कальзывают нотки разочарования.

Юхан *(тихо).* Тебе это только кажется.

Марианна *(тихо).* Ты знаешь, я ведь почти постоянно о тебе думаю, все думаю, как ты там, хорошо ли тебе или, может, одиноко и тоскливо. Каждый день, много раз на дню я задаю себе один и тот же вопрос: какую же я допустила ошибку, что так вот между нами получилось? Я знаю, что рассуждаю как ребенок, но иначе я не умею. Иногда мне кажется, что отгадка близка, вот-вот ухвачу. Смотришь, опять выскользнула из рук.

Юхан *(саркастически).* А не пойти ли тебе к психоаналитику?

Марианна. Я хожу к одному врачу, который и в психоанализе разбирается, мы с ним беседуем раза два в неделю. Иногда мы просто так встречаемся.

Юхан. Он-то и есть твой любовник?

Марианна. Мы с ним несколько раз попробовали, но ничего хорошего не получилось. Мы не стали больше и пытаться и занялись изучением моей сложной душевной жизни.

Юхан. Ну и к чему же вы пришли?

Марианна. Ни к чему. Прежде всего я пытаюсь научиться выражать свои мысли. Ну а еще вот я выкинула твою мебель и переселилась к тебе в кабинет. Если б ты только знал, как меня совесть мучила. Но в то же время я почувствовала себя такой ужасно храброй.

Юхан. Какой-никакой, а результат. *(Зевает.)*

Марианна. Тебе скучно? Надо же, как зеваешь.

Юхан. Это все вино. Извини. Да и ночи у меня не как у людей. И внутреннее напряжение, наверно, сказывается.

Марианна. Если тебе хочется домой, иди, пожалуйста, я тебя не удерживаю.

Юхан. Вот глупенькая. Самая ж естественная вещь.

Марианна. Если хочешь вздремнуть, так, пожалуйста, иди ложись. Через часок я тебя разбужу.

Юхан *(улыбаясь).* Разговоров-то из-за какого-то несчастного зевка. Не хочу я вовсе ложиться. Расскажи мне лучше о путешествиях в свой внутренний мир. Это будет несравненно интересней. Уверяю тебя.

Марианна. Да рассказывать особенно и нечего. Хотя я все-таки наткнулась на одну странную вещь. Но со своим доктором я еще про это не говорила, потому что обнаружила это только вчера вечером.

Юхан (*без особого интереса*). Вот как? Звучит интригующе.

Марианна. Доктор сказал, чтобы я все про себя записывала. Все подряд, неважно, в каком порядке. Все что угодно. Сны, воспоминания, мысли. Пока у меня очень немного набралось. Трудно без привычки. Получается страшно неестественно, и слова все какие-то не те, и вообще глупо.

Юхан (*вежливо*). Ты не можешь прочитать, что написала вчера вечером? Мне очень хочется послушать.

Марианна. Правда хочется? Обожди минутку, сейчас я принесу свой дневник. Я целый вечер писала, легла только в половине третьего. Утром взглядела на себя в зеркало и ахнула, ну прямо как с того света, я еще подумала: надо же, как нарочно, в тот самый день, когда мне предстоит встреча с тобой, после того как мы столько не виделись.

Последние фразы она говорит в кабинете, доставая из стола свой дневник, толстый, в черном коленкоровом переплете. Она возвращается, радостно возбужденная и улыбающаяся. Садится и зажигает настольную лампу.

Юхан. Нет, ты просто очаровательна!

Марианна. Оставь, пожалуйста, свои комплименты. Сейчас тебя должна интересовать моя душевная жизнь. Сядь, пожалуйста.

Однако Юхан подходит и обнимает ее. Долго, с чувством целует ее в губы. Она сидит не шевелясь, запрокинув голову, с закрытыми глазами и не отвечает на его поцелуи. Когда он кладет руку ей на грудь, она уклоняется и убирает его руку.

Марианна. Нет, нет, не надо. Сядь-ка лучше и послушай, а я тебе почитаю.

Юхан (*улыбаясь*). Разве нельзя получить два удовольствия сразу?

Марианна. Я все время про это думала. Что будет, если сегодня дойдет до постели. Я так по тебе стосковалась, и мне ужасно этого хотелось, и я уже представляла себе... Но потом я подумала, а что будет после? Ну когда ты уйдешь. Ты уйдешь, а я останусь и снова буду тосковать о тебе. Нет, я не хочу. Ведь я люблю тебя, Юхан. Неужели ты не понимаешь? Иногда тебя ненавижу за то, что ты со мной сделал. А бывает, проходит несколько часов, а я про тебя и не вспоминаю. И это прекрасно. Ты только не думай. Я вовсе не несчастна. Все у меня хорошо. У меня есть друзья и даже любовник. У меня

есть мои дочки и есть работа, которая меня и занимает, и увлекает. Меня нечего жалеть. Но я не в силах от тебя оторваться. Сама не знаю, в чем тут дело. То ли я из тех извращенных натур, которые обязательно должны сами себя терзать, то ли я просто такая уж однолюбка уродилась. Не знаю. Мне так трудно, Юхан. Никого мне больше не надо. Не хочу я жить ни с кем другим. Другие мужчины мне только в тягость. Я вовсе не для того это говорю, чтоб тебя теперь совесть помучила или чтобы шантажировать тебя и вымогать какие-то чувства. Просто рассказываю, как оно есть. Поэтому для меня будет просто невыносимо, если мы начнем с тобой целоваться и все такое прочее. Я ведь тогда вся полностью раскроюсь. Ну не знаю, как еще объяснить. А потом, когда ты уйдешь, опять навалится жуткое одиночество. Сейчас вот, пока я держу тебя на расстоянии, все вполне терпимо. И даже хорошо и приятно. Только не надо прикасаться друг к другу. А то я не знаю, что со мной будет, а ты ведь потом уйдешь.

Юхан. Я тебя по-прежнему люблю. Ты же знаешь.

Марианна. Зачем говорить неправду?

Юхан. А почему, собственно, мои чувства к тебе должны были измениться? Ты думаешь, я не тосковал по тебе все это время? Я все время порывался вернуться, чуть не каждый день. Ведь нам с тобой было хорошо. Мы всегда были друзьями, нам всегда было весело и интересно вдвоем. И если нас сейчас тянет друг к другу, зачем себе в этом отказывать? Лишнее свидетельство, что наши чувства остались прежними. Марианна! Ну зачем столько оговорок? Зачем думать о том, что будет завтра? Ну разве не глупо!

Марианна не противится его поцелуям. Ласки его делаются все более настойчивыми. Дневник падает на пол. Он все теснее прижимает ее к себе, начинает расстегивать блузку. Тут она вдруг вырывается, садится прямо, приглаживает волосы и застегивает блузку. Мотает головой.

Марианна. Нет, я не хочу. Нет, нет, ни за что. Не хочу я опять тосковать, и плакать, и томиться. Ты должен меня понять. Так ведь оно и будет. Страшно вспомнить. Если ты собираешься настаивать на своем, то лучше уходи совсем. Это мое последнее слово, Юхан. Я не хочу ложиться с тобой в постель. Правда, не хочу. Постарайся понять, прошу тебя!

Юхан. Постараюсь понять, хотя и не понимаю. Ладно. Я сяду вот тут и разрешаю тебе дать мне рюмочку коньяку и еще кофе. И мы займемся чтением вслух, а потом я пой-

ду домой, приду не слишком поздно, позвоню в Лондон Пауле и скажу, что был в театре.

Марианна легонько треплет его по щеке и глядит на него с грустью. Оба смущены и взволнованы. Она приносит коньяк, а он наливает себе кофе из термоса. Достает свою трубку, набивает. Марианна надевает очки. Они обмениваются шутивным «За твоё здоровье». Марианна готова заплакать, но ей удается овладеть собой. Юхан разжигает трубку, предварительно сломав несколько спичек. Марианна перелистывает дневник.

Марианна. До чего все глупо получается. Спрятаться бы сейчас от всего света и плакать.

Юхан. Если хочешь, я уйду. Мы можем завтра встретиться, пойти куда-нибудь пообедать или еще что.

Марианна. Может, и правда. А вообще-то нет, оставайся. К тому же завтра у меня времени не будет.

Юхан (ласково). Ну не обижайся. Я тебя очень, очень люблю.

Марианна (ласково). И ты не обижайся. Я веду себя прямо как малый ребенок.

Юхан. Ничего, все опять хорошо, все отлично. Мы держим себя в руках. Кризис преодолен.

Марианна. Такие каракули, что сама с трудом разбираю. Ну, в начале тут ничего интересного. (Читает.) «...Вчера мной овладела вдруг какая-то необыкновенная бодрость, какая-то даже лихость, и впервые за весь этот год я ощутила прежнее желание жить, то присущее мне когда-то жадное любопытство, с которым встречаешь каждый новый день...» (Пропускает.) И все в том же духе. (Читает дальше.) «...Обернувшись, я вдруг увидела старую фотографию моего класса, где мне десять лет. Мне показалось, я наткнулась на что-то такое, что давно лежало наготове и в то же время было недоступно. С удивлением приходится констатировать, что я не знаю, кто я есть. Нисколько не знаю. Я всегда делала то, что мне другие скажут. Насколько я себя помню, я всегда была послушной, умеющей приспособливаться, точнее говоря — бесхарактерной. Я, правда, припоминаю, что, когда была совсем маленькой, у меня были несколько раз бурные взрывы самоутверждения. Но я помню также, что мама наказывала за все подобные отступления от установленных правил с примерной строгостью в наидание остальным. Все наше воспитание, и мое, и моих сестер, сводилось к тому, чтобы мы были приятными. Я была довольно-таки некрасивой и неуклюжей девочкой, и мне постоянно напоминали

об этом. Со временем я обнаружила, что когда я скрывала то, что думала, я была лстыва и предусмотрительна, такое поведение приносило мне выгоду. Настоящее же лицемерие началось в переходном возрасте. Тогда-то и совершилась подмена. Все мои мысли и поступки вертелись вокруг эротики. Я ни словом не выдавала себя своим родителям и вообще никому. С тех пор я только и делала, что врала, скрывала, изворачивалась. Мой отец хотел, чтобы я стала юристом, как он сам. Я попробовала сказать, что хотела бы стать актрисой. Во всяком случае, посвятить себя театру. Я помню, что меня высмеяли. А дальше так оно все и пошло. В моих отношениях с другими людьми. В моих отношениях с мужчинами. Все то же постоянное притворство. Все те же отчаянные старания всем угодить. Я никогда не спрашивала себя: чего я хочу? Но всегда: чего он хочет, чтобы я хотела? И ведь это вовсе не бескорыстие, как я раньше думала, а самая настоящая трусость и, что еще хуже, полнейшее незнание самой себя. Я никогда не понимала, что такое сильные страсти, по природе я человек не азартный. А вот сейчас впервые в жизни я чувствую себя как азартный игрок. Меня обуревают страстное нетерпение — познать самое себя и стать наконец личностью. В том тепличном мире, где мы с Юханом так бездумно жили, странным образом произрастала жестокость, тем больше меня пугающая, чем пристальнее я всматриваюсь сейчас в наше прошлое. За внешнее благополучие приходится платить дорогой ценой: примирением с непрестанным разрушением личности. Мне кажется, это особенно касается женщин, у мужчин все-таки более широкое поле деятельности. Не так уж трудно с самого же начала изуродовать слабенькое еще, детское стремление быть самим собой. В моем случае это было сделано с помощью инъекций безотказно действующего яда под названием «нечистая совесть».

Сначала перед мамой, потом перед окружающими и, наконец, последнее, но не менее важное — перед богом. Только сейчас я начинаю догадываться что бы из меня могло получиться, если б я не позволила «промыть себе мозги». И я спрашиваю себя: все ли уже для меня потеряно? Умерло ли уже все то, что было отпущено мне природой, на радость мне самой и людям, или просто дремлет и способно еще пробудиться к жизни? Я спрашиваю себя: какая бы получилась из меня жена и женщина, если б я использовала заложенные во мне возможности по назначению? И как бы тогда было у нас с Юханом? Стали бы мы с ним мужем и женой? Да, наверняка стали бы, потому что мы действительно

любили друг друга, искренне и горячо. Ошибка наша в том, что мы не вырвались из семейного круга, не уехали куда-нибудь подальше и не создали чего-то более прочного на фундаменте, заложенном нами самими».

Марианна прерывает чтение и поднимает глаза от страницы. Юхан сидит, опустив голову на грудь, слышно его ровное, глубокое дыхание. Он спит. Она улыбается чуть огорченно и откладывает дневник в сторону. Потом выпивает свой коньяк и тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить его, идет на кухню, где принимается складывать грязную посуду в моечную машину. Звонит телефон. Она торопливо идет в кабинет, берет трубку, отвечает шепотом.

Марианна. Алло. А, это ты. Мы ж договорились, чтоб ты сегодня не звонил. Ревнуешь? Ну и напрасно. Честное слово. Странный голос? Ничего странного, просто я не хочу будить Юхана. Ну и что? Да нет, сидит. Сидит у меня в гостиной и спит как малое дитя. Ну честное слово. До того я его утомила своими разговорами. Нет, нет, тебе совершенно незачем приходить. Не делай глупостей, Давид. Мы завтра вечером увидимся. Может, пойдем пообедаем, а потом в кино? Мы так давно никуда не ходили. Ну и прекрасно. Завтра утром? Ну хорошо, позвони. И не удивляйся, если я как-то не так сейчас разговариваю. Было бы, наоборот, странно, если б я стала сейчас с тобой ворковать. Не знаю, может, и проснулся. Господи, какие глупости. *(Смеется.)* Вот именно. Пойду сейчас разбужу своего кавалера, поблагодарю его за приятно проведенный вечер и отправлю обратно домой. Если хочешь, можешь позвонить мне через час. Так? Ну ладно. Ну пока. Что ты сказал? Да нет же, он даже и не пытался меня поцеловать, ты можешь быть совершенно спокоен. Все было тихо-мирно, никаких страстей. Ну пока.

Она осторожно будит Юхана. Он страшно смущен, несколько раз с силой проводит ладонью по лицу.

Юхан. Черт, и как это я заснул. Мне ж действительно было очень интересно. Прости меня, ради бога. Не сердись, пожалуйста. Может, ты еще считаешь? Я, конечно, понимаю, что ужасно тебя обидел, но, может, все-таки считаешь, а?

Марианна. По-моему, тебе надо сейчас пойти домой и лечь спать. *(Улыбаясь.)* Я несколько не обиделась. Честное слово.

Юхан. Ну ладно, тогда я, пожалуй, действительно пойду.

Они поднимаются с места и стоят по-

нуру, в некотором замешательстве. Он ковыряется в своей трубке, у нее в руке кофейная чашка.

Марианна. Ты все-таки не пропадай надолго. Хотя бы ради детей.

Юхан. Конечно, конечно. Само собой.
Марианна. Я всегда буду рада тебя видеть, ты это знаешь.

Юхан. Если б только Паула не была так ужасно ревнива. Хотя вообще-то ее можно понять.

Марианна. Когда, ты думаешь, станет известно насчет поездки?

Юхан. Через месяц-другой все будет ясно.
Марианна. Мне хотелось бы знать.

Юхан. Я могу тебе позвонить. Или написать.

Марианна. Ну а как нам быть с разводом? Надо все-таки что-то решить.

Юхан *(устало)*. Ты собираешься выйти замуж?

Марианна *(устало)*. Пока еще не знаю.

Юхан. Мне бы очень не хотелось решать сейчас окончательно. По-моему, стоит немного обождать. Ты не считаешь?

Марианна. Я сама не знаю, что я считаю. Иногда на меня такое отчаяние нападает, что хочется махнуть на все рукой. Развестись бы, и дело с концом. А бывает, мелькнет какая-то надежда: вдруг у нас с тобой еще что-то получится.

Наконец они выходят в переднюю. Марианна совсем сникла. Юхан обнимает ее, он тоже в глубоком замешательстве. Внезапно они принимаются целовать друг друга. Марианна крепко прижимается к нему. Пошатнувшись, они приваливаются к стене. Улыбки.

Марианна. Сегодня ты ночуешь у меня. Ладно?

Юхан. Сегодня я ночую у тебя. Ладно уж.

Они идут и ложатся в постель, долго, с глубокой нежностью ласкают друг друга в полном молчании. В кабинете звонит телефон.

Марианна. Пусть его звонит. Неважно.

Юхан *(несколько принужденно)*. Это, наверно, твой любовник. Что ему могло понадобиться в такое время? Он знает, что я здесь?

Марианна. Конечно, знает.

Юхан. Проклятье. Какой настырный тип.
Марианна. Придется все-таки подойти.

Телефон продолжает звонить. Марианна вскакивает и накидывает на себя пеньюар. Юхану видно, как она входит в кабинет *(она оставляет дверь открытой)*, слышно, что она говорит.

Марианна. Привет. Я не могу сейчас

говорить. Ну, Юхан еще здесь. Мы с ним легли спать, если уж тебе так интересно. Это я могу понять. Ну а что, по-твоему, я могу тебе сказать? А я действительно расстроена, ты угадал. Чего не знаю, того не знаю. И будь так добр, не звони мне больше. Да, вообще. Слушай, постарайся хоть раз вести себя, как полагается взрослому человеку. Все это, конечно, очень печально, я с тобой согласна, но давай кончим этот разговор. Я не хочу сейчас больше говорить. Пока, Давид. Будь умником.

Она бросает трубку, стоит какое-то время в задумчивости, в светлом круге, бросаемом настольной лампой, — длинный красный пеньюар, распущенные волосы, указательный палец правой руки прижат к щеке. Потом коротко смеется каким-то деревянным смехом и выключает лампу, возвращается к Юхану и присаживается на край кровати. Улыбается.

Юхан. Я не виноват, что все слышал.

Марианна. А я и хотела, чтоб тебе было слышно.

Юхан. Это он, конечно? Любовник?

Марианна. Теперь уже *бывший* любовник.

Юхан. Тебе вовсе не обязательно было говорить, что я здесь.

Марианна. По-твоему, мне надо было пригласить его сюда? Он так и рвался прийти.

Юхан. Ты его любишь?

Марианна (*долго молча смотрит на него*).

Ты задаешь иногда такие идиотские вопросы, что взяла бы и убила тебя прямо на месте.

Юхан. Извини.

Марианна. Если тебе хочется знать про мои любовные дела — пожалуйста, могу рассказать.

Юхан. Разозлилась, да?

Марианна. Не разозлилась, а просто расстроилась. Реветь хочется. Такая вот дура, что даже разозлиться не могу. А ведь мне иногда кажется, что у меня есть для этого все основания. Взять бы в один прекрасный день да и разозлиться как следует. Я думаю, это изменило бы всю мою жизнь. (*Пауза.*) Впрочем, это к делу не относится. (*Короткий вздох.*) Когда ты меня бросил, у меня только одна мысль была в голове: хорошо бы умереть. В то утро — еще только рассветало — я все ходила, ходила из угла в угол, и все думала: нет, я не переживу, не переживу. И мне так вдруг захотелось отомстить тебе, что я даже детям желала смерти. Но тут как раз проснулась Карин и стала жаловаться, что ей плохо, началась рвота, и температура была высокая. Для меня это было просто спасение. У нее оказалась скарлатина, и это было самое лучшее, что только могло случиться. Она была действительно

тяжело больна. Ко всему добавилось еще небольшое воспаление легких. Так что все вечера и ночи я проводила около нее, а днем я как следует уставала на работе. Думать о чем-то еще просто не оставалось времени. Потом у меня у самой обнаружилась язва желудка, тоже к счастью, хотя физически я чувствовала себя ужасно. (*Пауза.*) Ну вот, так прошло несколько недель. А потом я встретила у знакомых этого своего доктора. Как мужчина он не очень-то привлекателен. Но он ухаживал за мной и много говорил со мной обо мне. Я и поддалась. Ну а потом я пустилась во все тяжкие, если уж откровенно. Бывали периоды, когда я просто с ума сходила, до того мне хотелось. Я стала даже покупать порнографию, чтоб была хоть какая-то отдушина, но от этого было только хуже. Ничего не помогало. И знаешь, почему? Ты меня настолько заполнил, что с кем бы я ни была, думала я только о тебе. Я говорю это вовсе не для того, чтобы тебя совесть мучила, а просто чтоб ты знал, как все было. Ты ведь сам просил меня рассказать. Да и скучно мне было со всеми этими мужиками, и не только в постели — в постели-то еще бывали приятные моменты, особенно если немножко выпить перед этим, — мне и слушать их было скучно. Нам-то с тобой всегда было хорошо вдвоем, что бы мы ни делали — болтали, работали или просто молчали. А все остальные мне были только в тягость. Мне надоедали их разговоры, их тела, жесты, движения — всё. Они казались мне смешными и жалкими. (*Пауза, раздумье.*) Все это было довольно унижительно, если вспомнить. (*Снова пауза.*) Ну вот, а потом я встретила Давида, он-то был немножко другой. Да и моложе, чем я, во многом совсем еще мальчишка. В общем, непохож на всех остальных. К тому же он просто как с ума сошел. Перед таким натиском мне трудно было устоять, и кончилось тем, что я и сама довольно сильно в него влюбилась. Он был ласков, нежен, внимателен, дерзок, бесцеремонен — все сразу, и признаться, я была захвачена и очарована. И потом, он очень хорошо относился к девочкам. Мы были как одна семья, и девочки его любят. В общем, жили мы очень даже неплохо, и я уже начала забывать тебя. (*Сидит молча. Размышляет.*)

Юхан. И в постели, надо понимать, вам было хорошо?

Марианна. Не сразу. Сначала все шло не так, как надо, потому что я страшно перепугалась, что он такой бешеный, и столько от меня требует, и нисколько не чуткий, не внимательный, и ничего такого. А потом я вдруг почувствовала, как это хорошо, что он обо мне не думает. Хотя,

в общем, он каким-то странным образом, интуитивно, прекрасно все понимал и улавливал. Мне почему-то кажется, что он иногда изменял мне. Но мне это было как-то совершенно все равно. Я никогда даже не спрашивала.

Юхан (*мрачно*). А ты взяла и порвала. Жаль!

Марианна (*серьезно*). Не знаю, стоит ли так уж жалеть.

Юхан. Может, вы на следующей неделе помиритесь.

Марианна. Я не уверена, что мне хочется. Не он мне вовсе нужен. Ты вот говорил об одиночестве. Ну, про то, что человек должен признать свое одиночество и жить с ним. Я не могу принять твое евангелие одиночества. Я считаю, это свидетельствует о слабости.

Во все время разговора она сидела в изножье кровати, прислонившись к спинке. Вдруг она закрывает лицо руками.

Юхан. Ты чего? (*Пауза*.) Чего ты, Марианна?

Марианна. Господи, какое унижение...

Юхан (*после паузы*). О каком унижении ты говоришь?

Марианна. Да нет, ничего. (*Овладев собой*.) Я вот думаю о будущем, думаю, что будет с тобой. И со мной. Мне кажется, что без меня ты погибнешь, пропадешь. Иногда я просто в отчаяние прихожу и думаю: я обязана позаботиться о Юхане. Он на моей ответственности. Это моя задача — позаботиться, чтобы Юхану было хорошо. Только так моя жизнь обретает какой-то смысл. Глупости, будто человек может жить один и ни в ком не нуждаться. Надо, чтоб кто-то был рядом. Родная рука, за которую можно держаться. Неужели ты меня совсем не понимаешь? Я считаю, мы совершаем ошибку! Я считаю, мы должны все силы отдать, сделать все возможное и невозможное, чтобы наладить нашу семейную жизнь. То, что происходит сейчас между нами, — такое больше не повторится, нельзя нам с тобой упускать такую возможность. Не надо тебе уезжать на три года одному, без меня. Ты пропадешь, погибнешь. Тебе станет страшно, ты совсем растеряешься, если меня не будет рядом. Прости, что я плачу. Я не хотела.

Юхан сел в постели и, не зная, куда деваться от смущения, неловко поглаживает ее колени. Он сидит нагнувшись, опустив голову, он глубоко опечален и тронут.

Юхан. Я и сам не пойму, что я за человек. Почему, спрашивается, я ушел от тебя, и почему влюбился вдруг в Паулу, и почему не могу вернуться к тебе, если с Паулой

теперь покончено. Но сколько я ни думаю, объяснения отыскать не могу. Я ничего не понимаю. Я к тебе привязан, ты сама знаешь, и иногда я просто дико по тебе тоскую. Но вместе с тем между нами будто толстая стеклянная стена, я тебя вижу, но не прикасаюсь. Похоже на презрение... нет, нет, Марианна, не думай, я совсем не то хотел сказать. Не пойми меня буквально, я просто не умею выразить. Не стоит и пытаться что-то объяснить. Что ни скажешь, все будет не то и не так. Я все же, пожалуй, пойду.

Марианна. А может, останешься? Мы бы просто легли рядом, взяли друг друга за руки и болтали о всяких пустяках. Так бы и уснули.

Юхан (*уступает*). Ну ладно. Я, действительно, ужасно устал. Пойду только схожу в туалет.

Он встает и выходит. Марианна поправляет постель и приоткрывает окно. Заводит будильник. Потом идет на кухню и приносит бутылку минеральной воды и два стакана. Юхан уже в спальне.

Юхан. Я наткнулся в шкафу на одну из моих старых пижам. Дорогое воспоминание. Даже растрогался.

Марианна. Спокойной ночи, Юхан. Приятных тебе снов.

Юхан. Спокойной ночи.

Проходит несколько часов. Марианна просыпается от того, что Юхан зажег лампу и встает с постели.

Марианна. Ты чего? Не спится?

Юхан. Нет, я все равно тут не засну. Лучше уж поеду домой. Мне почему-то страшно тут спать. Ты не обижайся.

Он уже начал одеваться. Марианна спускает ноги с кровати, открывает ящик ночного столика, достает какое-то письмо и протягивает ему. Он перестает одеваться и удивленно смотрит на конверт.

Юхан. Это же почерк Паулы.

Марианна. Ну да, это письмо от Паулы. Мне.

Юхан. Представляю, сколько приятного она там понаписала.

Марианна. Прочитай сам. Письмо пришло перед ее отъездом в Лондон. Вообще-то я не собиралась тебе показывать, потому что она так просит. А теперь вот не могу удержаться. Прочитай. Нет, ты здесь прочитай, прямо сейчас.

Юхан (*читает*). «Дорогая Марианна! Мое письмо, я думаю, удивит тебя, но я сразу хочу тебе сказать, что пишу я не с каким-то злым намерением. Я взяла это поручение в Лондон, просто чтобы уехать куда-нибудь на неделю-другую и вырваться из заколдо-

ванного круга ревности и подозрительности. Я знаю, что Юхан бросится к тебе, как только я уеду. Я сама виновата, потому что упорно не давала ему видиться с тобой и детьми. Как жаль, что несправимого не исправишь. Что сделанного не воротить. Что не зачеркнешь страданий, причиненных другим людям...»

Юхан прекращает читать. Протягивает письмо Марианне и коротко усмехается.

Юхан. Узнаю свою Паулу. Ловко состряпано.

Марианна. Мне кажется, она пишет то, что думает. Она пишет, что хотела бы, чтобы мы стали друзьями. Что враждебность и молчание ей уже невыносимы. Вот тут, в конце, она пишет: если все так складывается, «что Юхан теперь хочет вернуться к семье, то я не буду ему препятствовать».

Юхан. Очень трогательно. А самое трогательное, что ты ей веришь.

Марианна. Только не говори ей, ради бога, что я дала тебе прочитать письмо! Очень тебя прошу!

Юхан (*берет письмо, читает*). «Юхан — самый мягкий, добрый и чувствительный человек из всех, кого я знаю. Если только есть на свете любовь, то, мне кажется, я его люблю. Беда Юхана — его глубокая неуверенность в себе, хотя он и делает вид, что он такой стойкий и мужественный, и никогда не жалуется». (*Прекращает читать.*) Я давно заметил, что, в общем-то, о любом человеке можно сказать что угодно. И в каком-то смысле это всегда будет соответствовать истине. Вот, возьми, пожалуйста.

Он молча кончает одеваться. Выходит в переднюю и надевает пальто. Марианна остается сидеть на кровати с письмом в руках. Юхан возвращается, останавливается перед ней и кладет ей руку на плечо. Она поднимает на него глаза. Они не знают, что сказать друг другу. Он легонько проводит пальцем по ее щеке.

Она целует его руку.

И он уходит.

5 НЕГРАМОТНЫЕ

Совершенно безликая комната (стандартный служебный кабинет). Вечер накануне Иванова дня. Юхан сидит и читает какие-то бумаги. Он простужен. Стук в дверь. Юхан не успевает ответить, как в комнату вихрем врывается Марианна.

Марианна. Извини, что опоздала. Я только собралась уходить, как позвонил папа, я

прямо дожидаться не могла, когда он кончит, я несколько раз говорила, что мне сейчас некогда, но он будто и не слышал. Ну, здравствуй, как поживаешь?

Юхан. Я простужен.

Марианна. Да, выглядишь ты действительно неважно.

Юхан. Началось все с горла, ну, как часто бывает, я и значения не придавал, думал, обойдется. Потом начался жуткий насморк и заложило грудь. Теперь я просто спать не могу от кашля. У меня, наверно, температура и вообще состояние дурацкое. Я с удовольствием отменил бы нашу встречу. Но ты ведь уезжаешь за границу, и необходимо передать документы в суд до твоего отъезда, так ведь?

Марианна. Бедняга ты. Прямо жалко на тебя смотреть. Надеюсь, Паула хорошо за тобой ухаживает.

Юхан. Она тоже простужена. У нее что-то вроде желудочного гриппа. Страшно романтично.

Марианна. Ничего, все обойдется, вот увидишь.

Юхан. А ты, похоже, в отличнейшем строении.

Марианна. Очень может быть.

Юхан. Есть какая-то особая причина?

Марианна. Предстоящее путешествие всегда радует. К тому же весна. И у меня новый костюм. Кстати, как тебе, нравится? Симпатичный, правда? При таком освещении он, конечно, проигрывает. Как он тебе?

Юхан. Ничего, симпатичный.

Марианна. Хорошо, что можно было встретиться прямо у тебя на работе. В том смысле, что время сэкономим.

Юхан. Здесь не слишком-то уютно.

Марианна. Самое подходящее место для изучения бракоразводных документов. Вот смотри. Это вот само заявление о расторжении брака. Хеннинг составлял. Тут все слово в слово, как мы вместе ему продиктовали.

Юхан. Тогда мне, наверно, не обязательно читать.

Марианна. Никогда нельзя подписывать, не читая. Надо так надо, Юхан, и не строй, пожалуйста, такую кислую мину.

Юхан. Откуда ты взяла?

Марианна. Что я, не вижу? Тут вот еще список совместно приобретенного имущества и как мы его делим между собой. Это просто для памяти. Подписывать тебе не надо.

Юхан. Здесь сказано, что тебе достаются бабушкины стенные часы. Видимо, это просто ошибка.

Марианна. Да что ты, Юхан, я же получила их в подарок от твоей бабушки. И кстати, у нас был об этом разговор.

Юхан. Что-то не припомню, чтоб у нас был разговор о бабушкиных настенных часах.

Марианна. Если они тебе так дороги, пожа-

луйста, оставь их у себя. Хотя вообще-то они мои.

Юхан. Нет уж, к черту. Ты, конечно, всегда права. Забирай эти несчастные часы. Я не такой мелочный. *(Кашляет.)*

Марианна. В чем, по-твоему, я еще тебя ограбила?

Юхан *(кисло)*. Твой сарказм пропадает зря. У меня насморк, и мне ни до чего. Вот, пожалуйста. Могу предложить тебе рюмочку отличнейшего, выдержанного, ароматного коньяку.

Марианна. Очень даже вовремя. Как раз то, что нам сейчас надо.

Юхан. Это Эгерман уделил мне бутылочку. Он ездил в Париж читать лекции и получил там целый ящик в качестве презента от благодарных коллег. Пожалуйста. Твое здоровье! Ну как? Блаженное ощущение. Ах, хорошо!

Марианна. Вообще-то я не люблю коньяк. Но тут уж ничего не скажешь.

Юхан. Сразу лучше стало.

Марианна *(после паузы)*. Тяжкое все же это дело.

Юхан. Что именно?

Марианна. Да развод.

Юхан. Подумаешь, несколько дурацких бумажек.

Марианна. Нет, правда нелегко. Мы вот уже сколько живем врозь. Почти не видимся. Оба этого хотим. А все равно сейчас совесть мучает. Ну разве не странно? Юхан! А тебе разве не кажется, что это странно?

Юхан *(печально)*. Да, странно.

Марианна. Я ехала сюда в хорошем настроении. Ни за что, думала, не дам себя разжалобить.

Юхан. Ты же сказала, что тебя совесть мучает.

Марианна. Давай пересядем туда вон на диван и выключим верхний свет. Убийственная обстановка. И как ты можешь тут работать?

Юхан. Диван тоже достаточно неудобный.

Марианна. Можно положить ноги на стул.

Юхан. Ну вот, теперь хорошо? Хочешь еще коньяку?

Марианна. Ага. А что, ты сейчас один тут остался? Все уже ушли?

Юхан. Никого нет, кроме ночного сторожа.

Марианна. До чего приятно.

Юхан. Приятно? Что приятно?

Марианна. Не знаю, приятно, и все тут.

Юхан. Когда у человека насморк, ему ничто не приятно.

Марианна. Прекрати, пожалуйста. От этого не умирают. Твое здоровье! Ах, как хорошо! Все лучше и лучше.

Юхан. Можно только позавидовать твоему настроению.

Марианна. Думаю, что да, хотя и не уверена. *(Улыбаясь.)* Сказать по правде, я просто-

напросто влюблена.

Юхан. И кто же он? Все тот же Давид?

Марианна. Давид? Да что ты. Это пройденный этап.

Юхан. Гм.

Марианна. Мне кажется, я и от тебя начинаю освобождаться. Изумительное состояние. Совершенно изумительное.

Юхан. Не понимаю.

Марианна. А тебе и не надо понимать. Лучше поцелуй меня.

Юхан. У меня насморк.

Марианна. Разве ты не помнишь, что я никогда от тебя не заражалась? Ну поцелуй. Мне очень хочется.

Юхан. *(целует ее)*. Ну как, не разочарована?

Марианна. Наоборот *(Растегивает блузку.)* А теперь положи руку мне на грудь. Вот так. Ах, как хорошо.

Юхан. Ты решила меня соблазнить?

Марианна. Ага, решила. Прямо вот тут, сию минуту. На этом вот самом ковре. Ты согласен? Хорошо я придумала? На ковре нам будет прекрасно, правда? Ты чего прислушиваешься? Сторожа боишься? Мы ведь, несмотря ни на что, еще в законном браке. Иди сюда, ляг со мной. Нужно бы почаще любить друг друга прямо на полу. Может, закроешь дверь? Ну иди ко мне, милый. Правда ведь чудесно? *(Улыбаясь.)* Беденький ты мой муженек, немного у тебя в жизни радостей, не балует тебя жизнь. Вот так, и еще вот так. Тебе хорошо? Поцелуй меня еще. Я так люблю, когда ты меня целуешь. А теперь ляг вот так. И закрой глаза. Когда ты смотришь на меня, я все помню и понимаю. А руки положи вот сюда. Ага, так хорошо. Ах, как хорошо. А вдруг сторож придет? *(Улыбаясь.)* Ну и пусть, мы его примем в компанию. Потому что мы теперь свободные люди, нам законы не писаны. И у нас впереди целая ночь. И мы будем только пить и любить. А завтра подадим наше заявление.

Потом они лежат рядом, лицом к лицу. Ладонь Юхана у нее под щекой. Марианна закрыла глаза, но губы еще улыбаются.

Юхан. Хотел бы я знать, о чем ты сейчас думаешь.

Марианна. О чем я думаю? О, если бы ты только знал.

Юхан. А ты есть не хочешь?

Марианна. Я всегда хочу есть.

Юхан. Предлагаю ростбиф и большую кружку пива. Как ты считаешь? Кстати будет?

Марианна. Разве тебе можно идти со мной в кабак? И не думай.

Юхан. Я сказал, что вечером должен быть в Упсале вместе со своими учениками.

Марианна. А, ну тогда разрешаю пригласить меня на ужин.

Они оживлены, растрепаны и немного пьяны. Начинают приводить в порядок свои прически и костюмы.

Марианна. Здесь есть где-нибудь поблизости туалет?

Юхан. Налево по коридору. Сразу увидишь.

Марианна отпирает дверь и скрывается в коридоре. Юхан подходит к письменному столу и принимается набивать трубку. Разжигает ее, рассеянно скользя взглядом по разложенным на столе бумагам. Неожиданно в дверях возникает фигура сторожа.

Сторож. Добрый вечер, профессор.

Юхан (*вздрагивает*). О господи, это вы. Добрый вечер.

Сторож. Остались еще поработать?

Юхан. Да вот, думал тут... Да.

Сторож. А которая в туалет пошла — это, понятно, секретарша?

Юхан. Что? А, да-да, секретарша.

Сторож. Так. Ну, спокойной ночи, профессор.

Юхан. Да мы сейчас уходим.

Сторож. По мне, так оставайтесь хоть на всю ночь.

Юхан. Нет, мы не собирались.

Сторож. Желая вам приятно провести празднички.

Юхан. Спасибо, вам тоже. Спасибо, спасибо. Спокойной ночи.

Сторож удаляется. Юхан присаживается к письменному столу и принимается внимательно читать заявление. Марианна тихонько входит, останавливается у него за спиной и читает, заглядывая ему через плечо.

Марианна. Давай подпишем и пойдем отпразднуем такое событие. Тебе не кажется, что это было бы достойным завершением долгого и счастливого супружества?

Юхан. Я, пожалуй, заберу все домой и там уж прочитаю как следует и не торопясь.

Марианна. Это для чего же? Не хватало еще что-то исправлять после всех обзуждений.

Юхан. Ты же только что говорила, что нельзя подписывать, не прочитав как следует. Разве нет?

Марианна (*раздраженно*). Так за чем дело стало? Усядемся прямо сейчас друг против дружки и прочитаем все от строчки до строчки. Чтоб ты убедился, что я тебя не обманула каким-нибудь таинственным образом. (*Сердито усаживается.*)

Юхан. А чего ты злишься?

Марианна. Совсе я не злюсь. Ну, давай начнем.

Юхан. Еще как злишься-то. Непонятно только с чего.

Марианна. Пусть так. Я действительно злюсь. Но я постараюсь сдержаться, у меня

ведь вошло в привычку всегда себя сдерживать, когда речь идет о тебе и твоих капризах. (*Мягко.*) Давай оставим эти никому не интересные пререкания и займемся чтением. Время уже позднее, а завтра у меня как-никак рабочий день.

Юхан. Значит и поужинать не пойдем?

Марианна. Нет. Бог с ним, с ужином. Я премного благодарна и за те знаки милости, которые уже были мне оказаны.

Юхан. Спрашивается, кто из нас сейчас капризничает.

Марианна. Ну вот что, Юхан. (*Сдерживает себя.*) Нет, не буду ничего говорить. Все равно, я чувствую, бесполезно. Лучше сдержаться. (*Мягко.*) Ладно. Мы тогда вот что сделаем. Берем заявление, кладем его в этот вот конверт, ты забираешь его с собой, и таким образом вы с Паулой сможете вместе изучить каждую формулировку, чтобы убедиться, что я тебя не одурачила.

Юхан. Черт дер, Марианна, в чем все-таки дело?

Марианна. Ни в чем.

Юхан. Только что все было так хорошо.

Марианна (*сдерживается*). Вот именно. Статьи. Не забудь, что у Эвы во вторник день рождения.

Юхан. Можно подумать, что я когда-нибудь забывал про их дни рождения.

Марианна. Нет, до сих пор такого не случилось, потому что я всегда заранее напоминаю. Я была бы очень тебе признательна, если б ты оплатил ее поездку во Францию этим летом. Сама я не смогу. Мне это не по карману.

Юхан. Сколько же нужно?

Марианна. Я думаю, что-нибудь около двух тысяч.

Юхан. Ты в своем уме? Откуда я возьму вдруг две тысячи? И думать нечего.

Марианна. А почему бы тебе не попросить у твоей мамы?

Юхан. Я и так бог знает сколько ей должен.

Марианна. Я, во всяком случае, совершенно без денег. Одни Каринины зубы стоили мне тысячу крон.

Юхан. А почему они не могут ходить к школьному врачу?

Марианна. Ты не хуже меня знаешь, почему Карин не хочет ходить к школьному врачу.

Юхан. Пусть Эва отменит свою поездку, ничего с ней не случится. У меня, во всяком случае, денег нет. Ей очень даже не вредно усвоить, что в этом мире не все так просто дается. А то привыкли: укажи только пальцем — и пожалуйста, получиай. Статьи, она до того избалована, что это уж просто какая-то патология. И невоспитанная. На прошлой неделе она была у мамы. Так мама мне потом позвонила и сказала, что просто потрясена

поведением этого милого ребенка.

Марианна (*смиряется*). Да, действительно. Она совершенно не умеет себя вести. Я уже рукой махнула, безнадежное дело. Но у нее сейчас самый трудный возраст.

Юхан. Ты бы их все же немножко приструнила. А то вертят тобой, как хотят.

Марианна. Легко сказать. Они считают, я их совсем забросила, вечно меня нет дома. А что я могу? Я и так стараюсь уделить им как можно свободную минуту. Они на меня постоянно в обиде. Можно подумать, я одна во всем виновата.

Юхан. Тебе надо как-то себя поставить. Они сами тебе потом спасибо не скажут, что ты их так распустила.

Марианна. Да чепуха все это! Разве не важное для меня их доверие? Они ведь всем со мной делятся. И я им за это благодарна. И плевать тогда на такие условности, как манеры, поведение и то, что ты называешь избалованностью.

Юхан. Ну в общем, как бы там ни было, а денег у меня на Эвину поездку нет. Так ей от меня и передай.

Марианна. Ты бы сам ей об этом сказал.

Юхан. С какой стати? Их воспитание — твое право и твоя обязанность. Я выплачиваю на их содержание черт те какую сумму, которая совершенно истощает мой бюджет, да плюс налоги. И я не обязан давать еще деньги на всякие там идиотские расходы. По крайней мере в заявлении про это ничего не сказано. Или, может быть, сказано?

Марианна. Дети не виноваты, что нам стало материально труднее из-за того, что ты сбежал с другой.

Юхан. Вот уж не ожидал, что ты способна произнести такую фразу.

Марианна. Прости, пожалуйста. Я действительно сказала глупость.

Юхан. Ну ладно. Я поговорю с нашей дочерью. Трудность в том, что у нас с ней мало возможностей для общения. Когда она приходит ко мне, она валяется на тахте и читает комиксы. Или в какой-то немыслимой позе скрючится в самом удобном кресле и смотрит телевизор. Когда я пытаюсь с ней заговорить, она отвечает нечленораздельно, будто какая-то кретинка. Паулу она вообще не удостоивает ответом. Если уж откровенно, девочка, на мой взгляд, препротивная. Единственно, когда она еще соизволит составить более или менее нормальную фразу с подлежащим, сказуемым и прямым дополнением, — это если я подкупаю ее деньгами или приглашаю в кино. Зато она весьма охотно болтает по телефону со своими приятелями, и откуда что берется: не закрывая рта, часами. Отцовских чувств я, во всяком случае, не испытываю. Хотя одно я должен за ней признать: она очень похорошела. Нет уж, с Карин с той куда проще. Но она ведь уяс-

но инфантильна. Ты не думаешь, что она умственно отсталая? Меня, например, это начинает пугать.

Марианна. Разве можно с таким раздражением говорить о детях? Ты сам как ребенок.

Юхан. Значит, можно. Да, они меня раздражают. Я по недоразумению произвел их на свет, а потом истратил немыслимое количество денег на их пропитание. И все, достаточно. Я отказываюсь разыгрывать роль отца и разрешаю себе не любить их, так же как они меня не любят. Кто сказал, что я всегда должен делать первый шаг, когда речь идет о контакте, близости, любви и всяком таком? Нет уж, я предпочитаю играть свою роль ходячего бумажника. И тут у меня по крайней мере совесть чиста, потому что я расплачиваюсь буквально из последнего. Да это и в порядке вещей. Сделал глупость — расплачивайся. Сделал две, как в данном случае, — плати вдвое. Сказать по правде, мне противны мои глупые, избалованные, бездарные, ленивые и эгоистичные дочери. Я, кстати, прекрасно знаю, что наши чувства взаимны. (*Пауза*.) Что же ты молчишь? Разозлилась?

Марианна. Я размышляю.

Юхан. Размышляешь?

Марианна. Прежде ты был другим. (*Торпливо*.) Ну то есть в отношении детей. Ты помнишь? Как ты радовался, когда я ходила вот с таким животом. И как тебе хотелось, чтоб у Эвы появилась сестренка. Помнишь, как ты помогал мне их нянчить? Мы все заботы делили пополам, так что нянька, которую наняла мама, пришла в отчаяние и сама отказалась от места. Ты постоянно возился с детьми, играл с ними, читал им сказки, был такой ласковый, добрый и терпеливый. Гораздо терпеливее меня. А помнишь, как ты беспокоился, стоило им хоть чуть-чуть заболеть? Ты умел ухаживать за ними лучше, чем я. И они тебя любили. Помнишь наши субботние вечера, когда мы собирались все вместе? (*Печально*.) И отчего все так получилось? Где и когда была сделана ошибка? Откуда все началось? Когда дети стали равнодушны к тебе? И когда появилось твое равнодушие к детям? Куда девались вся любовь и забота? И вся радость? Помнишь то лето, когда мы четвером тряслись в твоей старой колымаге, путешествуя по побережью Средиземного моря, девочки тогда были совсем еще малютки. И ночевали в палатке. А помнишь те августовские ночи на испанском побережье, когда мы спали все четверо под открытым небом, тесно прижавшись друг к другу? Помнишь, как нам было уютно и хорошо вместе?

Юхан. Как говорится, пролитую воду не соберешь. Дети вырастают. Отношения рвутся. Любовь кончается, точно так же как нежность, дружба, привязанность. Ничего тут нет

удивительного. Так уж заведено на свете.

Марианна. Иногда мне представляется, что мы с тобой — как два задаренных баловня судьбы, которые проматывали свое состояние, и вот теперь мы остались с пустыми руками и злимся на все на свете. Где-то мы, должно быть, сделали ошибку, и никого не оказалось рядом, чтобы подсказать нам, в чем мы ошиблись.

Юхан. Скажу тебе одну банальную истину. Мы эмоционально неграмотные. Мы не знаем азбуки чувств. Печально, но факт. И не только мы с тобой, но и вообще все. Чему нас только не обучают — как устроено человеческое тело, как ведется сельское хозяйство в Претории, как извлекается корень из Пи — или как там его, — и ни слова о душе. Мы не знаем элементарнейших вещей ни относительно самих себя, ни относительно других. Сейчас многих кричат, к месту и не к месту, что детей надо воспитывать в духе человеческой солидарности, взаимопонимания, гармоничного совместного существования, равенства, ну и так далее. Но никому не приходит в голову, что прежде всего нам необходимо получить хоть какие-то знания относительно самих себя и своих собственных чувств. Про свой страх, свое одиночество, свою злобу. Вот мы и барахтаемся, погрязши в собственном невежестве, одолеваемые муками совести и попранного честолюбия. Дать ребенку хоть какое-то понятие о душе считается чем-то даже неприличным. Тебя будут считать чуть ли не вредным совратителем. Какой, скажут, гадкий дяденька. А как, спрашивается, понять других, не познав самого себя? Ну ты, я вижу, уже зеваешь, и потому лекция закончена. Кстати, мне больше нечего добавить. Выпьешь еще рюмочку? А тогда уж решим, как нам быть с ужином.

Марианна. Спасибо, с удовольствием. Между прочим, я с тобой не согласна, хоть это, конечно, неважно. Все эти разговоры о самопознании меня не убеждают. Какой смысл усугублять людские страхи. Ты говоришь, что знание дает опору. Пустые слова. Знание ставит перед выбором и усугубляет страх.

Юхан (*кашляет*). Проклятый кашель. Да, хочу рассказать, пока не забыл. Веселенькая, знаешь ли, история. Америка мне уже не светит. Не выгорела моя поездка в Штаты.

Марианна. Ой, Юхан, до чего жалко.

Юхан. Даже и не знаю. Сначала-то я, естественно, расстроился. Я уверен, что тут дело нечисто. Обычная махинация. Сперва заявили, что поездка откладывается, ну откладывается и ладно, не поднимать же из-за этого шум. Потом вдруг оказалось, денег нет. А потом послали Окермана. А я остался с носом (*Смеется*.) Вот оно как бывает. Твое здоровье.

Марианна. Бедный Юхан. И когда же все это произошло?

Юхан. В мае. Я вынужден был просить дополнительный отпуск, и оказалось, не так-то оно просто. Тогда Ольберг посоветовал мне обратиться непосредственно к директору. Ну а в конце концов мне заявили, что вместо меня поедет Окерман. Он, видите ли, в последнее время больше преуспел в науке. Но тут дело явно нечисто. Совершенно явно.

Марианна. Бедный Юхан. Ужасно все-таки жаль.

Юхан. (*рад выговориться*). И что это вообще за странная психология! Тут несколько недель назад мы должны были ехать на конгресс в Осло. НИ с того ни с сего вмешивается министерство и заявляет, что мы не поедем. Во-первых, для нас нет денег, а во-вторых, нам надо сидеть дома и заниматься своим делом. (*Пьет*.) И что это, спрашивается, за манера разговаривать?! Будто мы какие-то лодыри школьники, задумавшие удрать с урока. Ну, я отправился выяснять в министерство. Лучше б я туда не ходил. Такого еще со мной не бывало. Я хотел поговорить с министром, но он оказался занят, и мне пришлось удовлетвориться разными там «завами». Посмотрела бы ты, как они себя держали. Я все же привык к вежливому обращению. Да и по возрасту значительно старше. Они сидят себе, развалившись, в одних рубашках с закатанными рукавами, курят, и вообще — сам черт им не брат, будто они тут все решают. А послушала бы ты, на каком языке они разговаривают. Ну а заместитель министра, тот просто болван. Они меня чуть ли не высмеяли. Под конец я уж и не знал, что сказать, ничего не оставалось, как махнуть рукой и уйти. Вот так-то обращаются в наше время с людьми. Ты уже ничего не стоишь. (*Пьет*.) Ты стал неудобен. И политическая окраска, разумеется, не та, что надо бы. Ты не прогрессивен. Не левее левых. Устарел. Снят с дистанции. Смех да и только. (*Пьет*.) Летом мне исполнится сорок пять. Вполне можно предположить, что я проживу еще лет тридцать. Но объективно я уже падал. Еще целых двадцать лет я буду только отравлять своим существованием жизнь и самому себе, и другим. Я рассматриваюсь как дорогостоящая, непродуктивная единица, которую рациональнее было бы списать со счета. А ведь это будут лучшие, самые плодотворные годы. Когда действительно можно принести какую-то пользу. Когда уже поднакопилось опыта. Так нет же. К черту эту рухлядь. На свалку. А хочет, пусть гниет заживо, старье проклятое. Устал я, Марианна. До смерти устал. Если б я был посмелее, удрал бы вообще из города и жил тихо-мирно на природе или попросился бы учителем в какой-нибудь провинциальный городишко. А иногда приходит мысль, что самое бы лучшее... (*Пьет*.) Такие-то дела. (*Смеется*.) Паула занимает в этом вопросе двойственную позицию. Иногда она заявляет,

что я ничтожество, мокрая курица, и принимается собирать свои пожитки. Впрочем, может, оно бы и к лучшему. Кстати, не исключено, что она мне изменяет. Хотя мне уже почти все равно. Ревность моя в принципе прошла. В сущности, все вообще прошло. Я и самого-то себя потерял. Кто-то плюнул в меня, и я увяз в плевке. *(Смеется.)*

Марианна. Странно все же...

Юхан. Что странно?

Марианна. Вот я сижу тут и слушаю тебя. И казалось бы, должна при этом что-то чувствовать. А я ничего не чувствую. Ну, может быть, что-то похожее на жалость. Когда я сегодня пришла сюда, у меня вдруг мелькнула мысль соблазнить тебя, чтобы проверить, почувствую ли я что-нибудь. У меня не возникло никакого другого чувства, кроме самой безобидной симпатии. Знаешь, Юхан, что мне кажется? Я наконец освобождаюсь от тебя. Это заняло много времени и причинило мне нестерпимую боль. Но теперь я, кажется, свободна и могу начать свою собственную жизнь. И это прекрасно.

Юхан. Ну что ж, приношу свои поздравления.

Марианна. Не знаю, зачем я об этом говорю. Наверно, жестоко говорить об этом именно сейчас, когда ты рассказал, как тебе плохо. Но мне, как ни странно, все равно. Я слишком с тобой считалась, когда мы жили вместе, слишком много проявляла деликатности. Мне кажется, деликатность убила любовь. Ты не думал о том, что мы ведь никогда не ругались? Мы считали, что ругаться некрасиво и некрасиво. Зачем ругаться, когда можно сесть и спокойно все выяснить. Мы просто усаживались и спокойно, очень разумно все обсуждали. И ты, как большой знаток души, потому что больше прочитал про это книг, объяснял мне, что я, *в сущности*, думаю и *в глубине души* чувствую. Я никогда не понимала, что ты говорил. У меня только было почему-то страшно тяжело на сердце, будто горе какое меня давило. Если б я еще тогда позволила себе не принимать всегда вину на себя и не терзаться угрызениями совести, то я бы знала, что все наши слова и поступки в отношении друг друга были неправильными. Помнишь, как было после рождения Карин? Когда нам стало вдруг противно спать вместе. Что мы сделали? Мы чинно уселись и основательно растолковали друг другу, что это совершенно естественно. Что иначе и быть не может, когда две беременности подряд. А потом? Все эти наши бесконечные рассуждения на тему: почему мы не испытываем настоящей радости обладания. И ни один из нас не сообразил, что это сигналы тревоги, предупреждения. Вокруг нас все время вспыхивали красные сигналы. А мы почему-то решили, что так и должно быть, все нормально. Мы провозгласили, что мы вполне нормальны.

Юхан. По-моему, подобного рода ретроспективные обозрения лишены всякого интереса.

Марианна *(почти кричит)*. Осточертел ты мне своими идиотскими сарказмами! Какой умный выискался! Все, видите ли, он решает — что уместно, а что нет. И правильно, что тебя стукнуло. Так тебе и надо. И прекрасно, что Паула тебе изменяет. И пожалуйста: кончай жизнь самоубийством, если тебе охота. Хотя разве ты решишься когда-нибудь, языком только болтаешь. Ага, проняло? Слезы появились? Меня это не трогает! Почувствуй хоть разок. Узнаешь, каково мне-то было.

Юхан *(спокойно)*. Фу ты, черт, до чего ж я тебя ненавижу. Я, помню, частенько так думал. Фу ты, черт, думал, до чего ж я ее ненавижу. Особенно после этого самого дела, я ведь чувствовал твое безразличие и твои мысли где-то далеко. А потом мы шли в ванную, и ты все мылась и мылась, чтоб отмыться от меня, потому что пахло, по-моему, ужасно противно. А я думал: ненавижу ее, ненавижу, ненавижу ее тело, ее движения. У меня появилось желание ударить тебя, избить. Разбить вдребезги эту твою мраморную холодность, сломить это невидимое сопротивление. Но мы только дружески болтали и весело шутили про то, как нам было приятно, несмотри ни на что.

Марианна. А как ты тогда объяснишь, что у меня сейчас есть мужчина и я его люблю? Я люблю его тело, мне приятны все его запахи. Я ни в чем ему не отказываю. Я только и жду, чтоб он ко мне прикоснулся, я испытываю блаженство, когда он прикасается к моей груди. Ты помнишь, у нас с тобой все было строго установлено. Теперь все по-другому.

Юхан. Погоди, погоди, еще увидишь. Через какое-то время вы с ним поженитесь, и ты оглянуться не успеешь, как и с ним у тебя начнется то же самое. Вот увидишь. Это в тебе заложено, Марианна. Глубоко в тебе сидит. И тогда ты начнешь высматривать себе нового любовника, который избавил бы тебя в очередной раз от твоего отвращения.

Марианна. Я знаю, что ты ошибаешься. И знаю, что мы с тобой смогли бы преодолеть эти трудности. Это не были просто трудности нашей сексуальной жизни. Это были симптомы совсем других конфликтов. И вот в них-то нам и следовало с тобой разобраться. Мешала наша прокатывая деликатность. У нас просто язык не поворачивался.

Юхан *(в бешенстве)*. Существует нечто, называемое простой, безыскусной нежностью. Существует нечто, называемое нормальной, природной чувственностью, плотским желанием. Тебе этого не дано. Все это для тебя за семью печатями.

Марианна. Если я и была такая в отношении тебя — что я могу поделать? Думаешь,

я не переживала? Да не меньше твоего. Я думала: господи, неужели у нас не может быть иначе? А потом мы успокаивали себя тем, что секс, как-никак, дело второстепенное, не главное, зато у нас в остальном все хорошо. Какой самообман, Юхан. Что могло быть у нас хорошего, если близость уже не доставляла нам радости?

Юхан. Ты забываешь кое-что такое, о чем не слишком-то приятно упоминать в данной связи.

Марианна. Будь добр, напомни.

Юхан. Хочешь знать, чем ты все время занималась? Ты использовала свое тело. Ты им торговала. Если сегодня ты допускала меня к себе, то это означало, что завтра ты можешь быть свободна. Если я бывал мил и услужлив, я получал в награду твою близость. Если я вел себя не особенно хорошо и осмеливался на какую-то критику, ты мстила мне тем, что отказывала мне. И как я терпел! Какая-то карикатура на любовь. Тыфу ты, черт! Ты вела себя хуже самой последней шлюхи.

Марианна. Но ты не желал видеть правду.

Юхан. Что это еще за правда такая, разреши спросить? Какая-нибудь там ваша женская правда? Правда, на которую у тебя есть патент?

Марианна (в бешенстве). Да что ты себе думаешь? Ты думаешь, можно топтать меня сколько душе угодно? Что я тебе, в няньки нанималась? Мамочку себе вторую нашел! Это вечное брюзжание, что я совсем забросила дом, что работа у меня всегда на первом месте.

Юхан. Вот уж неправда.

Марианна. В первые годы нашего брака я только про то и слышала, вы мне все уши прожужжали, и ты, и твои родители, и моя собственная мать. Единственное, в чем вы преуспели, — поселили во мне угрызения совести. Была я на работе, меня там совесть мучила, дома сидела — тоже совесть была нечиста. А потом еще добавились угрызения совести, что из меня плохая любовница. Постоянно я была что-то кому-то должна, чем-то кому-то обязана. Сплошное рабство. Ворчание, и жалобы, и разговоры, и требования — ох, до чего надоело! Если я тебе и мстила при помощи своего тела, как ты говоришь, — ничего удивительного! Против меня было сплоченное большинство: ты, и мать, и твои родители, и все это проклятое общество. Перевес был на вашей стороне. Я шагу не смела ступить. Никогда не могла располагать собой. Вечно что-нибудь да мешало. Когда я теперь думаю про то, что мне пришлось вынести и от чего я наконец-то избавилась, мне просто кричать хочется от ужаса. И запомни: *никогда больше, никогда, никогда!* Ты вот теперь жалуешься, что попал под колеса, стал жертвой интриг. Так тебе и надо,

и поделом тебе, поделом. Пусть бы тебя совсем раздавило, жалкий ты паразит!

Юхан. Поглядела б ты сейчас на себя. Гротескное зрелище.

Марианна. Ну и что. И пускай. Такая уж я стала. Только вся разница между моей и твоей гротескностью, как ты это называешь, в том, что я не собираюсь сдаваться. Я не ставлю точку. Я намерена жить и принимать жизнь такой, как она есть. Потому что одно я люблю больше всего на свете. А именно — жить. Потому что мне нравится пробиваться через трудности и неудачи. И я не прошу, чтоб со мной церемонились. Плевать мне на формулировки и дипломатию.

Юхан (*хватает заявление*). Вот и прекрасно, что мы избавлены наконец от необходимости проявлять сочувствие. И прекрасно, что можно наконец выбросить на помойку все наши угрызения совести. Мы, кажется, делаемся похожи на людей. Ошибка-то, выходит, в том, что мы вообще с тобой встретились. Что мы влюбились друг в друга и решили жить вместе. Какое блестящее фиаско в самом же начале. Итак, остается лишь поскорей подписать эту бумажку, потом мы делим столовое серебро и памятные подарки — и прости-прощай, дорогая, как жаль, что все с начала и до конца было ошибкой.

Марианна. Итак, я за тебя больше не отвечаю. Я живу своей собственной жизнью, мне не трудно самой позаботиться о себе и детях... Ты думаешь, я не понимаю, о чем ты вел разговор весь вечер: *ты не хочешь никакого развода!*

Юхан (*застигнут врасплох*). Господи, какая чушь!

Марианна. Тогда докажи, что это чушь: возьми и поставь свою подпись.

Юхан. Пожалуйста.

Марианна. Юхан! А если честно? Ну погляди мне в глаза! Посмотри на меня, Юхан. Ты ведь жалеешь? Ты не хочешь, чтоб мы развелись, верно? Ты хотел бы, чтобы мы опять сошлись. Ты думал предложить мне что-то в этом роде. Признаться, что думал.

Юхан. Если у меня и были какие-то похожие мысли — разве это преступление? Ладно, сдаюсь. Признаю себя побежденным. Ты довольна? Я устал от Паулы. Я хочу домой. Я сам все знаю, Марианна. Можешь не усмехаться. Меня постигла неудача, я покатился по наклонной, мне плохо и страшно, и дома у меня нет. Момент, конечно, неподходящий, чтоб предлагать тебе снова сойтись. Но ты ведь сама спросила. И я не хочу тебе врать. Я был привязан к тебе сильнее, чем я думал. И я был привязан ко всему тому, что зовется домом, семьей, упорядоченной жизнью, мирными буднями. Я устал от одиночества.

Марианна. Одиночества?

Юхан. Одиночество с Паулой еще страшнее, чем настоящее одиночество. Я уже не

выдерживаю. Я не в силах об этом говорить. Да ты ведь и так все знаешь.

Молчание.

Марианна. Не представляю, что бы из этого вышло.

Юхан. Я уверен, что нам было бы хорошо, как никогда. Я уверен, что мы стали бы гораздо ближе. А ты не думаешь? *(Пауза.)* Ты не думаешь?

Марианна. Через месяц мы вернулись бы к нашим старым привычкам, к нашим бесконечным разговорам, обсуждениям, нашим нападкам друг на друга. Все было бы забыто. Мы не извлекли бы никаких уроков. Все опять стало бы, как прежде. Если не хуже. Нет, это было бы большой ошибкой с нашей стороны.

Юхан. Откуда такая уверенность?

Марианна. Сколько раз я должна повторять, что я уже ничего к тебе не чувствую, кроме каких-то остатков сострадания. *(Взволнованно.)* И не надо меня, пожалуйста, просить. Я не уверена... Не уверена, что устою. Это было бы ужасно, хуже не придумаешь!

Юхан. Но почему бы не попытаться?

Марианна *(гневно)*. А помнишь, как я тебя просила и умоляла вернуться? Помнишь, как я унижалась, плакала, чуть не на коленях умоляла? Я даже стала молиться богу. Господи, просила, верни его мне, сделай так, чтобы он вернулся. Помнишь наши свидания потом, наши переговоры и твои увертки, отговорки, недомолвки, которые только еще больше выдавали твое полнейшее равнодушие.

Юхан. Тогда я еще не понял, нельзя же упрекать меня за это теперь.

Марианна *(гневно)*. Упрекаты! Какое изумительное слово, Юхан. Знаешь, что я считаю? Я считаю, ты наивен до глупости. Неужели ты думаешь, что я прошла через все то, через что я прошла, и выбралась на другой берег, и начала свою собственную жизнь, которой не устаю радоваться, только для того, чтобы взять тебя вдруг под свою опеку и приглядывать, чтоб ты не пропал к чертовой матери, погрязнув в своей собственной слабленности и жалости к себе! Если б ты не был так жалок, я бы просто посмеялась над тобой. Когда я думаю о том, сколько ты принес мне страданий в последние годы, я просто задыхаюсь от бешенства. Гляди, гляди. Меня этими взглядами не проймешь. Я закалилась. Если б ты знал, сколько раз мне снилось, что я тебя убиваю, умерщвляю, закаляваю ножом, мучаю тебя. Если б ты знал, какое наслаждение высказать тебе наконец все в лицо!

Юхан *(неожиданно улыбаясь)*. А тебе очень идет, когда ты бесишься.

Марианна. Приятно слышать. *(Милости-*

вее.) Зато ты выглядишь очень комично. Кстати, у тебя на щеке помада.

Юхан. Если я правильно тебя понял, ты предпочитаешь, чтобы развод шел своим чередом.

Марианна *(чуть ли не со смехом)*. Именно к этому сводится все ранее мною сказанное.

Юхан. Налить еще коньяку?

Марианна. Господи, мы выпили чуть ли не всю бутылку. Не мудрено, что у меня язык развязался. А ты как себя чувствуешь? Как твоя простуда?

Юхан. Да ничего. Простуда вроде прошла. Кашель, во всяком случае, отпустил. Видишь, почти и не кашляю.

Марианна *(ньет)*. Если рассуждать разумно...

Юхан. А все, что ты сейчас наговорила, было, выходит, неразумно?

Марианна. Это было неразумно, зато это была правда, и необходимая правда. Мог бы, кажется, понять.

Юхан. Я только и делаю, что стараюсь понять.

Марианна. Итак, если рассуждать разумно: здравый смысл подсказывает, что тебе следовало бы радоваться, что я обрела свободу и собираюсь зажить своей собственной жизнью. И тебе, я считаю, следует поступить так же. Освободиться от всего, что было, абсолютно. И начать все сначала, совершенно по-новому. Сейчас как раз самый подходящий момент.

Юхан. Я прошу тебя ответить только на один вопрос.

Марианна. Что за торжественный тон?

Юхан. Ответь мне: зачем мне это надо? С какой стати? Ну то есть начинать все сначала, как ты говоришь. У меня нет ни малейшего желания.

Марианна *(нерешительно)*. Не понимаю, про что ты.

Юхан. Про то самое, про что я говорил за сегодняшний вечер целых три или четыре раза, только ты пропускала мимо ушей. У меня нет ни малейшего желания начинать заново. Мне совершенно неинтересна моя дальнейшая жизнь.

Марианна *(убито)*. Ты говоришь так просто потому, что ты сейчас в подавленном состоянии и пережил всякие неудачи. Ты просто хочешь, чтоб тебя пожалели.

Юхан *(улыбается)*. Попала, что называется, в точку.

Марианна. Когда я вспоминаю себя, какой я была всего несколько лет назад, мне кажется, то была какая-то другая незнакомая мне женщина. А сегодня мне казалось, что я обнимаю какого-то незнакомого мужчину. Забавно, правда? Честно говоря, это действовало даже возбуждающе. Не исключено, что в один прекрасный день мы станем с тобой очень хорошими друзьями. И мы будем по-

степенно узнавать друг друга такими, какие мы есть на самом деле, и в конце концов отыщем нашу *сущность* под всем этим ужасом...

Юхан. Каким таким ужасом?

Марианна. Ну, под всем этим маскарадом.

Юхан. Маскарадом?

Марианна. Ты только представь, если бы мы встретились такими, какими мы были задуманы. А не как два актера, которые старательно разыгрывают навязанные им роли.

Юхан. И представить невозможно. Маскировка начинается с колыбели и продолжается всю жизнь. Ни одному человеку на свете не дано найти самого себя, как ты говоришь.

Марианна. Неправда. Я живу сейчас гораздо честнее, чем когда-либо.

Юхан. И счастливее?

Марианна. Все эти разговоры про счастье — чушь и ерунда. Для меня самое большое счастье — вкусно пообедать.

Юхан (*мочает головой*). Нет, для меня не так.

Марианна (*после большой паузы, неожиданно*). Неужели ты не понимаешь, что я просто боюсь самой себя? У меня сейчас дикое искушение взять вот протянуть руку и порвать на кусочки наше заявление. Я все время возвращаюсь к одной и той же мысли: почему я считаю себя вправе настаивать на независимой, эгоистической жизни? Почему я вообразила, что смысл моей жизни не только в тебе и детях? И разве не соблазнительно попробовать начать все заново вместе? Я стала гораздо сильнее и самостоятельнее. Я действительно могла бы быть тебе в помощь, когда тебе будет трудно. (*Закрывает лицо руками*.) Я чувствую к тебе такую нежность, Юхан. (*В отчаянии*.) У меня, наверно, какой-то вывих. Все, что есть во мне разумного, здорового, подсказывает мне, что нам необходимо разойтись. (*Берет его руки в свои*.) Нет, это невыносимо.

Юхан (*покорно*). Я понимаю, мне кажется.

Марианна (*мочает головой*). Нет, не надо. Не будем сейчас про это.

Юхан. Хорошо, не будем.

Марианна. Ну так как же насчет ужина?

Юхан. Куда я пойду такой пьяный. Может, посидим еще здесь, а?

Марианна. Давай. Смотри только, чтоб я опять не расчувствовалась.

Юхан. А может, домой поедем?

Марианна. Ты хочешь сказать: ко мне домой?

Юхан. Естественно. К тебе домой.

Марианна (*мочает головой*). Нет, нельзя. Юхан (*опьянел*). А почему нельзя-то?

Марианна. А потому, что у меня есть мужчина, и сейчас он сидит там и ждет меня, и ему не очень-то понравится, что от меня пахнет коньяком, и что я так поздно, и что

бумаги не подписаны.

Юхан. Он что, ревнует?

Марианна. Да нет, не очень. (*Улыбается*.)

Но ему известны мои мазохистские наклонности. Знаешь, что он сказал, когда я уходила? Поцеловал меня и говорит: ты, конечно, переспши со своим мужем, а потом явишься домой, замученная угрызениями совести, и заявление останется неподписанным. И порешь со мной.

Юхан. Ты расскажешь ему все как было?

Марианна. Нет. (*Улыбается*.) Нет уж, про это я не собираюсь рассказывать.

Юхан. До чего же я устал. Я чувствую себя совсем разбитым.

Марианна (*рассудительно*). Мы слишком много выпили. Хорошо бы немножко прогуляться по свежему воздуху, прежде чем расхаживать по домам.

Юхан. Сумасбродка, вот ты кто.

Марианна. Совсе нет, просто у меня неизлечимая страсть к оздоровительным мероприятиям. Вставай, старичок, и в путь.

Юхан. А заявление?

Марианна. Когда я шла сюда, я была полна решимости любой ценой добиться, чтобы развод наш состоялся. Теперь я передумала.

Юхан. Очень великодушно с твоей стороны.

Марианна. Да я не про то.

Юхан. А про что же?

Марианна. Я, наверно, рассчитывала снова выйти замуж. Точно не уверена, но думаю, что так. Мой друг, тот, что ждет меня сейчас дома, во всех отношениях очень мне подходит. Нам с ним хорошо, и девочкам он нравится. Сам он уже много лет как развелся и недавно сделал мне предложение. Ну я и соблазнилась. (*Пауза*.) Глупость ужасная с этими бумагами. Разве в них дело. Забирай их себе. Порви, если хочешь. Мне совершенно все равно, буду я носить твою фамилию, или свою, или еще чью-нибудь.

Юхан. Боже, какая проповедь.

Марианна. Это ты правильно. Ну что, пошли?

Юхан. А я хочу подписать.

Марианна. Делай как знаешь. Какая разница.

Юхан. Не уходи!

Марианна. Уже поздно. Отсюда можно вызвать такси?

Юхан. Набери ноль, тебе дадут город.

Марианна (*звонит*). Добрый вечер. Можно заказать машину на Мальмрозгатан, сорок пять? Прямо сейчас? Спасибо. (*Кладет трубку*.) Поедем со мной. Тебе сейчас не стоит самому садиться за руль.

Юхан. Я еще посижу здесь.

Марианна. Не надо, Юхан. Поедем со мной. Ну что хорошего? Будешь сидеть один как суч.

Юхан. Тебе-то что?

Марианна. Пойдем, Юхан, не упрямясь.

Юхан. Лучше ты останься.

Марианна. Не хочу я тут больше оставаться.

Юхан. Ну не уходи. Ну, я тебя прошу.

Марианна. Ни к чему это. Погляди на себя, какой ты. Устал ведь, да и пьяный.

Юхан. Теперь не уйдешь!

Марианна. Выпусти меня!

Юхан. И не подумаю.

Марианна. Не делай себя смешным!

Юхан. Сама не делай себя смешной!

Марианна. Когда мы жили вместе, мы до таких глупостей все же не доходили. Давай и теперь как-нибудь обойдемся. Я тебя прошу, дай мне ключ.

Юхан. И не пытайся меня уговорить. Плевать я хотел на твои слова. Представляю, какое сейчас брожение в Марианнинном высокоорганизованном сером веществе: что мне делать? Может, он с ума сошел? А вдруг будет бить?

Марианна. Если хочешь знать, я просто считаю, что ты сейчас безумно смешон.

Юхан. Ах так, я смешон? Чего же ты не смеешься? По-моему, вид у тебя скорее испуганный.

Марианна. Дай мне по крайней мере позвонить. Надо отменить заказ.

Юхан. А зачем? Подождет десять минут и сам уедет. Сядь-ка сюда и не бойся. И наберись терпения.

Марианна. Ну так что? Что ты хочешь сказать?

Юхан. Ничего. Хочу только посмотреть на тебя.

Марианна. Пожалуйста, смотри. *(Язвительно улыбается.)* Собственно говоря, от такого, как ты, другого и ждать не приходится. Сколько раз мне самой, как юристу, приходилось предупреждать разводящихся жён, чтобы они избегали оставаться с глазу на глаз с обиженными мужьями. Вот уж, признаться, не думала, что сама могу попасть в такое положение.

Юхан. Заткнись!

Марианна. Как же, испугалась! *(Могает головой.)* Если хочешь знать, меня совершенно не трогает, что ты там задумал. Да делай что угодно, меня не удивишь.

Юхан. Заткнись, я сказал! *(Дает ей пощечину.)*

Марианна. Вот ненормальный! *(Дает сдачи.)*

Начинается драка. Жестокая, безумная, злобная драка, она продолжается до тех пор, пока оба не выбиваются из сил. Оба в крови, в бешенстве, но уже вконец измотаны. Сидят в разных углах комнаты, задышающиеся, без сил.

Марианна. Дай ключ, мне надо пойти в

туалет смыть кровь.

Юхан. Я тебя не выпущу.

Марианна. Давай сюда ключ, скотина ты проклятая. Мразь ты, подонок.

Он швыряет ее на пол и в бешенстве бьет ногами. Она пытается прикрыть лицо руками.

Юхан. Я бы тебя убил. *(Кричит.)* Убил бы тебя! Убил бы!

Наконец он устает. Она лежит неподвижно, съевшись. В комнате наступает вдруг мертвая тишина, тишина в белой, холодной комнате. Резкий свет с потолка. Опрокинутая мебель. Пятна крови на ковре. Разбросанные вокруг предметы с письменного стола. Молчание.

Юхан. Как ты там?

Марианна. Сама во всем виновата. Пожалуйста, выпусти меня.

Юхан отпирает дверь, и она скрывается в темном коридоре. Он остается сидеть в комнате, руки у него сильно дрожат, он то и дело очень глубоко вздыхает, будто ему не хватает воздуха.

Юхан *(окликает.)*. Тебе помочь?

Марианна *(снаружи)*. Нет. Пожалуйста, не ходи сюда.

Он медленно поднимается и подходит к письменному столу. Пошарив, находит заявление и ставит свою подпись на оригинале и копиях. Входит Марианна, кое-как приведшая себя в порядок. Ставит свою подпись рядом с его. Потом складывает бумаги и сует их в портфель. Застегивает портфель. Надевает перчатки.

Марианна. Я позабочусь, чтобы было передано в суд как можно скорее.

Юхан. Благодарю, ты очень добра.

Марианна. Ну пока.

Юхан. До свидания.

Марианна *(оборачивается в дверях)*. Нам давно бы пора начать драться. Было бы гораздо лучше.

6 НОЧЬЮ В ТЕМНОМ ДОМЕ ГДЕ-ТО НА СВЕТЕ

Несколько лет спустя. Марианна пришла навестить мать.

Марианна. Здравствуй, мамочка.

Мать. А, это ты. Здравствуй.

Марианна. Как твоя нога?

Мать. Да ничего, уже не болит. Но чувствую себя, конечно, немножко калекой.

Марианна. А что говорит врач? Когда тебе можно выходить?

Мать. Не раньше чем со следующей недели.

Марианна. Ты уж потерпи еще немножко.

Мать. Да я и так никуда не вылезая. Сажу в четырех стенах.

Марианна. А ночью-то хоть спишь?

Мать. Из-за этой ноги мне даже трудно повернуться в постели. Ладно, хватит жаловаться. Чаю хочешь? Фрэнк Альм уже полчаса как все приготовила, так что я попила.

Марианна. Mamочка, мне ужасно жаль, что я опоздала. Но ты понимаешь, пришла клиентка, и я просто никак не могла от нее отделаться. Бывает, что надо выслушать человека не торопясь.

Мать. Ну естественно. Я, конечно, понимаю.

Марианна. А чай еще горячий.

Мать. Поджарить тебе гренокки?

Марианна. Спасибо, не надо.

Мать. Возьми хоть кекса с повидлом.

Марианна. Нет, нет. У меня разгрузочный день.

Мать. Ты просто помешалась на своих разгрузках.

Марианна. И еще я гуляю. Полчаса каждое утро. А еще мы с Хенриком играем в теннис два раза в неделю. Очень полезно, уверяю тебя.

Мать. Да, кстати, я хотела тебя спросить. Ты поедешь на захоронение урны?

Марианна. А когда именно это будет?

Мать. Мы собирались восемнадцатого.

Марианна. Сейчас, минутку. *(Смотрит в своем календаре.)* Прямо и не знаю, сумею ли. Утром я должна быть в суде, слушается как раз одно мое дело, боюсь, что надолго затянется. А где? В Упсале?

Мать. Папа так хотел. Все твои братья и сестры будут.

Марианна. Mamочка, милая, ведь захоронение урны — чистая формальность. Не можешь же ты требовать, чтобы я ради этого сбегала с работы.

Мать. Ну, это как для кого.

Марианна. А нельзя перенести?

Мать. Остальным как раз удобно. И потом, как тебе известно, восемнадцатое — день нашей с папой свадьбы. Мы поженились восемнадцатого апреля сорок девять лет назад. Ты, наверно, забыла?

Марианна. Тем более. К чему лишние расстройств?

Мать. Ну, я смотрю по-другому. Кому лишние, а мне нет.

Марианна. В общем, я не смогу.

Мать. Ну что ж, не сможешь так не сможешь.

Марианна. Тебе привет от Карин и Эвы. Завтра после школы они обещали заглянуть к тебе.

Мать (оживляясь). Вот молодцы! Представляешь, является ко мне позавчера Эва, а с ней ее дружок. И такое, знаешь, на ней платье — ну прямо настоящая маленькая дама. Мальчик с виду тоже очень приятный. Целый час у меня просидели и все о чем-то болтали. С Карин мне как-то труднее. Да она ведь — вылитый дед.

Марианна. Бедный папа.

Мать. Я не хочу сказать ничего плохого о твоём отце. Тем более сейчас, когда его уже нет в живых.

Марианна. Да я не в том смысле.

Мать. Я тут много чего передумала о нашей с ним супружеской жизни. Особенно сейчас. Сидишь как прикованная. Времени для размышлений достаточное.

Марианна. И к чему же ты пришла?

Мать. Да, собственно, ни к чему. Сама удивляюсь.

Марианна. То есть как это?

Мать. Жили мы с ним хорошо. Бывало, конечно, и не ладили, не без того, но мы никогда не ругались. Не унижались до взаимных оскорблений. Мы просто молчали. И хорошо делали. Постепенно обида проходила, и мы забывали про наши размолвки. Мы не были злопамятны, ни Фредрик, ни я. *(Пауза.)*

Марианна. Ну?

Мать. Понятно, мне его очень не хватает. Но, в сущности, сейчас я не более одинока, чем была при его жизни.

Марианна. Печально слышать.

Мать. А что тут такого особенного? У обоих у нас дел хватало, у него своих, у меня своих.

Марианна. Mam, можно спросить тебя про одну вещь?

Мать. Спрашивай, про что хочешь.

Марианна. Только не считай меня, пожалуйста, бестактной.

Мать. Я и не думаю, что ты бестактна.

Марианна. Как у вас было в смысле интимных отношений, у тебя с папой?

Мать (после паузы). Папе это было больше нужно, чем мне.

Марианна. Ну?

Мать (раздраженно). Что тебя еще интересует? Он получал свое удовольствие. Я ему не мешала его получать. Вот и все. Я ему никогда не отказывала. Считала это своей обязанностью. Между прочим, у него были и другие женщины. Иногда это было очень противно.

Марианна. А ты?

Мать. Что я?

Марианна. У тебя были другие мужчины?

Мать. Когда мы с Фредриком были уже помолвлены, я влюбилась в другого и хотела разорвать помолвку. Но мать с отцом считали, что это будет опрометчивый шаг. Так вот оно все и получилось.

Марианна. Ты никогда не ненавидела папу?

Мать. По-твоему, мне было за что его ненавидеть?

Марианна. Ведь когда вы поженились, контракт был составлен целиком в его пользу. С тобой никогда не бывало, что ты начинала его ненавидеть за такую махинацию?

Мать. Я была к нему привязана. К тому же мы ничего с ним в этом не понимали. Совершенно не разбирались в таких делах. Ни он, ни я.

Марианна. Извини, мама, но это просто невероятно.

Мать. В чем-то, конечно, с ним было трудно. Но и со мной в чем-то было нелегко. *(Пауза.)* Нет, дело не в этом.

Марианна. А в чем же?

Мать. Я вот думаю: как бы у нас все сложилось, если б мы были пооткровеннее друг с другом. Не боялись бы говорить по душам, делились бы нашими заботами и переживаниями.

Марианна. А вы не делились?

Мать. Нет, у нас было правило, которое нам преподали наши родители: *каждый сам справляется со своими трудностями.*

Марианна. Ты теперь жалеешь?

Мать. Не то чтобы жалею. Но я почему-то все время вспоминаю наше с ним героическое молчание. Мне кажется, для папы это должно было быть мучительно. Он ведь был такой жизнерадостный человек. Гораздо более непосредственный, веселый, открытый, чем я.

Марианна *(тронуга).* Ты теперь себя упрекаешь, да, мамочка?

Мать. Даже не знаю. Но это все-таки ужасно. Нет, не то. «Ужасно» — слишком сильно сказано. Не ужасно, но просто странно, чудно как-то, когда два человека живут всю жизнь рядом и...

Марианна. И не соприкасаются.

Мать. Пожалуй, что так.

Марианна. И ты считаешь, это твоя вина?

Мать. Да нет, особой вины я за собой не чувствую. Совесть моя чиста. Мы старались как могли, уж как умели. И все же...

Марианна. Ты лучше не думай...

Мать. ...если вслух сказать, получается очень вычурно и неестественно: он ушел во тьму и унес с собой свою жизнь. Но странно то, что он и мою жизнь унес с собой. *(Улыбается.)* Кажется, в таких случаях говорят: взглянуть правде в глаза. Верно ведь?

Марианна *(проникновенно).* Мы с тобой никогда еще так не разговаривали.

Мать. У нас никогда не было времени.

Марианна. Да и желания тоже.

Мать. Я всегда тебя побаивалась.

Марианна *(улыбаясь).* Побайвалась? Меня?

Мать. Ты ведь у нас просто совершенство. Все можешь, все умеешь.

Марианна. А сама-то!

Мать *(качает головой).* Если б ты знала, как я всегда боялась сделать что-нибудь не так, не на отлично.

Марианна *(тронуга).* Ты всегда все делаешь на отлично.

Мать. Иногда я воображаю себя маленькой девочкой. Мне семь лет, мы с моим папой идем по лесу и держимся за руки. Я старею и делаюсь сентиментальной, если хочешь знать правду.

Марианна. Можно тебя спросить еще об одной вещи?

Мать *(улыбается).* Куда ж теперь денешься?

Марианна. Почему ты так возмущалась мной тогда, пять лет назад, когда мы развелись с Юханом? Ведь это же он завел себе другую и ушел от меня.

Мать. Вовсе я не возмущалась. Я просто огорчилась.

Марианна. Но ты же без конца меня критиковала.

Мать. Что-то не припомню.

Марианна. Я одна была во всем виновата.

Мать. Это я так говорила?

Марианна. Да, ты.

Мать. Надо же, совершенно не помню.

Марианна. Я считала, что ты могла бы и заступиться за меня. И немножко меня поддержать. А ты этого не сделала. Интересно, почему?

Мать. А я помню совсем обратное. Я точно помню, я сказала тогда папе, что нам ни в коем случае нельзя «вмешиваться и что надо всячески делать вид, будто ничего не происходит. Это папа бушевал и возмущался, а не я.

Марианна *(улыбаясь).* Ну вот, пожалуйста. *(Смотрит на часы.)* Господи, мне надо бежать. Совсем опаздываю.

Мать. Уже уходишь?

Марианна. Я завтра опять приду. Тогда еще поболтаем. Что-нибудь около пяти.

Мать. И пообедаем вместе.

Марианна. К сожалению, я иду вечером в гости. Но я могу побыть до полседьмого.

Мать. А что если ты возьмешь вечернее платье с собой? Тогда не надо будет ехать домой переодеваться.

Марианна. Я, может, так и сделаю.

Мать *(неожиданно).* Как хорошо было поговорить по душам!

Марианна *(на ходу).* Я думаю, это не в последний раз.

Мать. Может, заглянешь на кухню поздороваться с фрёкен Альм? Она ужасно будет недовольна, что ты была здесь, а с ней даже не поздоровалась.

Марианна. Боже ты мой. Конечно. Обязательно загляну к ней. Ну пока, мамочка, поправляйся.

Мать. Привет Хенрику и детям.

Марианна. Хенрик в отъезде и будет не раньше субботы. Ну до свидания.

Юхан сидит в своем кабинете в институте и печатает что-то на машинке. Он теперь ходит гладко выбритый и носит очки. В дверь заглядывает Эва, теперь красивая сорокалетняя женщина.

Эва. Я помешала?

Юхан. Сама видишь.

Эва. Что вы с женой делаете сегодня вечером?

Юхан. У нас вечер занят.

Эва (*улыбается*). Как жаль.

Юхан. А что?

Эва. Да у меня небольшое сборище, думала, может, вы тоже заглянете, если у вас нет ничего поинтересней. Будет всего человек семь-восемь.

Юхан. К сожалению, никак не можем.

Эва (*улыбаясь*). Ну что ж. Желая приятно провести праздники.

Юхан. Спасибо. Тебе также.

Эва. Может, как-нибудь встретимся?

Юхан. У меня совсем нет времени.

Эва. Тебе надоело?

Юхан. Ради бога, Эва, не надо.

Эва. Если хочешь порвать, так прямо и скажи, как порядочный, зачем вилить-то.

Юхан. Пожалуйста. Отныне будем считать, что между нами все кончено.

Эва. Вот и отлично, наконец-то все стало ясно. Я давно ведь чувствовала.

Юхан. Я не хотел сделать тебе больно.

Эва (*смеется*). Ну естественно.

Юхан. Извини, пожалуйста, но мне надо допечатать это проклятое заключение.

Эва (*бодро-весело*). Конечно, конечно, миленький. Не буду тебе мешать. И спасибо тебе за все. Ты был очаровательным любовником, хоть и немножко рассеянным.

Юхан (*улыбается*). И тебе спасибо. Ты тоже заслуживаешь высшего балла.

Эва. Другая появилась?

Юхан. Честно говоря, да.

Эва. Кто же?

Юхан. А вот уж этого я тебе не скажу.

Эва. Я ее знаю?

Юхан. Очень может быть.

Эва. Лена, что ли?

Юхан. Больше я ничего не скажу.

Эва. Ну значит, Лена.

Юхан. Уж во всяком случае не Лена.

Эва. Отчего ж. Девочка что надо. Только не слишком ли молода и легкомысленна для тебя, старичок? В голове-то у нее ветер гуляет.

Юхан. Я сказал, не Лена.

Эва. А не все ли равно кто. Ну, будь здоров, дорогой.

Юхан. Пока. И желаю тебе всего наилучшего.

Эва уходит и закрывает за собой дверь. Заглядывает Арне. Он предрасположен к полноте, но выглядит моложе своих лет.

Арне. Здорóво.

Юхан. Здорóво.

Арне. С наступающим.

Юхан. Тебя также.

Арне. Жуткое дело эти самые празднички в кругу семьи. Ходят слухи, шеф воткнул тебя в какую-то там комиссию. Поздравлять, полагаю, не с чем.

Юхан. Абсолютно.

Арне. Так я и думал.

Юхан. На два года я практически отрезан от института.

Арне. Невесело. Для тебя.

Юхан. Исследование-то, главное, идиотское. Через два года, когда работа будет готова, ей уже будет грош цена. Дипломатический маневр и ничего более.

Арне. А если тебе пойти к Хаммарбергу и отказаться от такой чести?

Юхан. Я уже был.

Арне. Ну и что?

Юхан. Шут он, твой Хаммарберг. Шведский чиновный шут номер один. Мы и оглянуться не успеем, как он пролезет в правительство.

Арне. А что он сказал-то?

Юхан. Текст был зашифрован, расшифровывай как знаешь. Насколько я понял, ответ отрицательный.

Арне. Понятно. Ну ладно, я пошел. Слушай, ты с Ленкой спал?

Юхан. Честно говоря, нет.

Арне. А хотелось бы, да?

Юхан. Ты что, сам интересуешься?

Арне. Ну допустим.

Юхан. Нет, я б, пожалуй, не решился.

Арне. Сдал, значит, позиции?

Юхан. Понимай как хочешь.

Арне. А я, знаешь, стараюсь сохранять форму. Прогулки, теннис, плавание. Кварц. Слежу за весом. Так что надеюсь не осрамиться, если что. Ну, если дойдет до близкого знакомства. До голых, так сказать, фактов. Ну ладно, пока.

Юхан. Пока.

Арне уходит и закрывает за собой дверь. Слышен быстрый стук каблуков в коридоре. Дверь распахивается и влетает Эва.

Эва. Я все-таки ужасно на тебя разозлилась.

Юхан. Вижу.

Эва. Должна тебе сказать, что ты большое дерьмо. Вовсе не потому, что наплевал на

меня. Я не жалею. Получили удовольствие, и хорошо, мы оба прекрасно понимали, что это не на всю жизнь. Но надо же быть таким трусом. Никак не может выдать себя, что ему надоело. Знаешь, в чем твоя беда? Ты настолько избалован и самонадеян, с такими претензиями, что тебе все на свете приедается. В конце концов тебе так все станет безразлично, что ты будешь как неодушевленный предмет. Через несколько лет тебя будет не отличить от этой вот книжной полки. Ты избалован, и самонадеян, и пресыщен. Тебе лень жить. Тебе надо, чтоб другие за тебя жили. Помнишь, когда ты проходил медицинский осмотр, то оказалось, что ты стал ниже ростом на несколько сантиметров. Усох. Вот так-то. *(Садится.)*

Юхан *(эхом)*. Вот так-то.

Эва *(не столь воинственно)*. Чего же ты не возражаешь? Почему не бесишься, не скандалишь, не лезешь в драку? Откуда вдруг такое смирение при такой-то гордыне?

Юхан. Действительно, непонятно.

Эва. Все дело в том, что ты настолько самонадеян, что... Ты настолько избалован и пресыщен, что...

Юхан. Что «что»?

Эва. Я ж люблю тебя, дуралей. Потому и ругаю. И еще мне почему-то тебя жалко.

Юхан. Спасибо за добрые чувства.

Эва. Ну ладно, я пошла. Когда тебе наскучат Ленкины девичьи грудки и ты вспомнишь про мои более плоские, зато гораздо более материнские формы, скажи мне.

Юхан *(вздыхает)*. Да не Лена это.

Эва. Кстати, она очень толковая секретарша. И вообще, я уверена, славная девочка. Но она слишком молода для тебя, Юхан. Ты с ней наплачешься.

Юхан. Да не Лена же, я тебе говорю.

Эва. У меня тоже есть интуиция.

Юхан. Что есть, то есть.

Эва. Я ведь вижу, что ты всерьез захвачен.

Юхан. Может, и так.

Эва. Кому ж еще быть, кроме Лены. Ну, пока.

Юхан. Пока.

Эва уходит и закрывает за собой дверь. Юхан работает. Звонит телефон. Он хватается трубку.

Юхан. Алло! Привет! Уже освободилась? Я за тобой заеду. Нет? Тогда давай на углу Карлавеген и Грев-Турегатан. Устраивает? Через две минуты я там. Прекрасно. Пока!

Поставив машину на углу, Юхан ждет, усевшись поглубже. Через несколько минут на другой стороне улицы появляется Марианна. Увидев его, она с сияющим лицом бежит

к машине. Усаживается рядом, запыхавшаяся и улыбающаяся. Торопливо целует его в губы. Он трогает с места.

Марианна. Долго ждал?

Юхан. Нет, я как раз перед тобой подъехал.

Марианна. А я, понимаешь, забежала к маме.

Юхан. Да? Ну как она?

Марианна. Да мне кажется, что... Ладно, потом расскажу.

Юхан. Ну значит, поехали.

Марианна. До чего все здорово, я прямо как шальная от радости. Вчера я там была, привела все в порядок. Включила отопление, холодильник, убрала, наготовила всего. Ну прямо как в старые времена.

Юхан. Погоди-ка, сколько же лет я там не был?

Марианна. Семь, по-моему.

Юхан. А ты сама?

Марианна. Да Хенрику, видишь ли, не очень там нравится. Он не любит побережье. Так что, по правде сказать, мы чаще всего снимаем где-нибудь на лето. Бывает, правда, что выбираемся с девочками на праздники, но теперь уж редко когда. У Эвы с Карин теперь своя собственная жизнь. Оно и к лучшему.

Юхан. А как поживает твой муж?

Марианна. Устал, разумеется. Переутомление. И давление у него высокое, но это теперь у всех. А как твоя жена?

Юхан. По-моему, хорошо. Сейчас она в Италии, поехала отдохнуть.

Марианна. Просто прекрасно, что оба одновременно укатили.

Юхан. По-моему, получается как-то даже неприлично.

Марианна. В том-то и интерес.

Они подъезжают к даче. Подходят к крыльцу.

Здесь все, можно сказать, по-старому.

Юхан. А здесь все по-старому.

Марианна. Обшарпано немножко. Надо бы подремонтировать. Да денег все не хватает, ладно, подождет.

Юхан. Интересно, какое у тебя сейчас чувство?

Марианна *(уклончиво)*. Я пытаюсь не чувствовать. Так лучше. Может, поставишь машину в гараж, чтобы Густав не заметил? А то сразу прибежит в гости. Представляешь, что с ним будет, когда он тебя увидит!

Юхан. Потом поставлю. А сейчас давай поднимемся в спальню.

Марианна *(улыбается)*. Вот дурочка. Волнуюсь, будто в первый раз.

Юхан. Да уж. Это небось тысяча первый.

Они ложатся на широкую двуспальную

кровать, некоторое время лежат молча, держась за руки.

Марианна. О чем ты думаешь?

Юхан. Думаю, кто из нас кого соблазнил: ты меня или я тебя.

Марианна. А ты знаешь, скоро будет год. Ну да, год. Это было восемнадцатого мая, как раз накануне моего дня рождения. А сегодня двадцать восьмое апреля.

Юхан. Это ты меня соблазнила.

Марианна. Надо же, ведь и правда.

Юхан. Интересно, ты потом когда-нибудь досмотрела эту пьесу?

Марианна. Нет. Представляю, какой у нас тогда был вид. Сбежали в антракте, будто за нами полиция гналась.

Юхан. А что тебя на это толкнуло?

Марианна. Даже не знаю. Я как вошла в зал, сразу тебя увидела — сидишь такой одинокий-одинокий. И я тоже такая одинокая. Само собой получилось, что я подошла к тебе в антракте. Просто не могла не подойти.

Юхан. Я ужасно обрадовался.

Марианна. А я обрадовалась, что ты обрадовался.

Юхан. А ты прямо тут же сказала: давай сбежим отсюда и поехали ко мне. Муж в отъезде и вернется не раньше пятницы.

Марианна. Ты покраснел.

Юхан. Покраснеешь тут. Я прямо не знал, куда деваться, до того мне захотелось.

Марианна. И мне тоже. Просто безумно.

Юхан. Мы до того года два не виделись.

Марианна. Два года. Ровно.

Юхан. А сейчас мы празднуем годовщину.

Марианна. Нет.

Юхан. Что значит «нет»?

Марианна. Мы празднуем двадцатилетие. Мы поженились в августе двадцать лет назад.

Юхан. А ведь и правда. Двадцать лет.

Марианна. Целая жизнь. Всю свою взрослую жизнь мы прожили друг с другом. Как странно, если подумать. *(Вдруг плачет.)*

Юхан *(ласково)*. Милая ты моя, любимая моя...

Марианна. Ах, Юхан. Ну разве не странно? Что мы с тобой опять в этой нашей проклятой старой кровати. В гостиницах-то было совсем другое. Вроде бы что-то безличное. На нейтральной территории. А здесь...

Юхан *(ласково)*. Глупо, наверно, что мы сюда приехали. Отправиться бы лучше в Данию, как я предлагал.

Марианна. А! У нас все равно бы времени не хватило. Нет, мы хорошо сделали. Все прекрасно.

Юхан. Ничего прекрасного. А знаешь, что я придумал!

Марианна. Нет, правда, все будет хорошо, я скоро привыкну.

Юхан. Я сейчас позвоню Фредрику. У него тут недалеко есть маленький домик, прямо на берегу моря. Ты же знаешь.

Марианна. А как мы откроем?

Юхан. Я уверен, что ключи у кого-нибудь из соседей. В общем, попробую позвонить.

Марианна. Бессмысленно.

Юхан. Попытка не пытка. *(Листает записную книжку, набирает номер.)* Привет, Фредрик. Это я, Юхан. Как жизнь? *(Пауза.)*

Все отлично. *(Откашливается.)* Слушай, тут, понимаешь, такое деликатное дело... Ты там один? Нас никто не услышит? Я хотел тебя спросить: нельзя мне воспользоваться на праздники твоей лачугой? *(Пауза.)* Ха-ха-ха. Точно. Угадал. Но не то, что ты думаешь. Ха-ха-ха. Очень уж, понимаешь, хороша. Просто красotka. Ага. И даже очень. Совсем, понимаешь, молоденькая. Ха-ха-ха. Такие, знаешь ли, чувства... Ну, ты представляешь. Спасибо тебе. Я в долгу не останусь. Слушай! Биргите чтоб ни звука, ладно? Она таких вещей не понимает. Ха-ха-ха. Да уж, бабы есть бабы... Значит, ключ под крыльцом. *(Пауза.)* Ага, хорошо. Что? Блондинка! Фигурка прелесть. Нет, нет, это не телефонный разговор. Встретимся на днях, пообедаем, ладно? Я тогда позвоню. Биргите от меня привет. Хотя нет, лучше не надо, не говори ей.

Марианна с Юханом фыркают и хохочут.

Марианна собрала маленькую сумку с пижамками и прочим, а также сетку с продуктами.

Юхан. Ну все, удираем отсюда. Что это еще за дурацкий тюк?

Марианна. Всего-навсего еда, бестолковый ты человек. Надо же что-то взять с собой.

Они отправляются в путь. Подъезжают к своему новому ночному прибежищу. Все здесь в страшном запустении. Они наводят порядок. Юхан пытается разжечь плиту. Марианна подходит к нему. Растроганно смотрит на него, на глазах появляются слезы. Юхан оборачивается.

Юхан. Что такое? Ты плачешь?

Марианна. Я просто от умиления. Вот дуручка.

Юхан. Это я тебя умиляю? Черт знает что.

Марианна. Да, ты. Миленький ты мой.

Юхан. Ты стал какой-то такой маленький.

Юхан *(смущенно)*. Ты считаешь — я усох? **Марианна.** Ты теперь гораздо красивее, чем раньше. И лицо такое мягкое, доброе. Раньше у тебя в лице всегда было какое-то напряжение, ты всегда был настороже, чего-то боялся.

Юхан. Да?

Марианна. Люди злы к тебе?

Юхан (*улыбается*). Ей-богу, не знаю. Я, наверно, просто перестал обороняться. Кто-то сказал мне, что я раскис и сдался. Что я сам себя умаляю. Это неправда. Мне кажется, я просто обрел свои настоящие пропорции. Я понял свои пределы и смирился с ними. И стал от этого добрее, хотя мне немножко грустно.

Марианна (*нежно*). Это ты-то, с твоими запросами и надеждами?

Юхан. Все совсем не так. Запросы были у отца, а вовсе не у меня. Это он возлагал на меня большие надежды. А мне просто очень хотелось угодить папе. Вот я и старался оправдать его ожидания. Именно его, а не свои. В детстве у меня были очень скромные и приятные представления о моем будущем.

Марианна (*улыбается*). И кем же ты хотел стать?

Юхан. Я разве никогда тебе не рассказывал?

Марианна. Может, и рассказывал, да я забыла.

Юхан. Да, определенно. (*Пауза.*) Ну так вот. У меня был старенький дядя, брат моей матери. А у него была писчебумажная лавочка в Сигтуне, вернее, там продавались и книжки, и игрушки, и канцелярские товары — все вместе. Меня время от времени отправляли туда погостить, потому что ребенком я часто болел и мне полезен был свежий воздух и тишина. Иногда я помогал дяде с тетей в лавочке. Для меня не существовало большей радости. Я мечтал, когда вырасту, стать владельцем такой вот лавочки. Вот тебе и все мое честолюбие.

Марианна. Нам бы надо было занять собственную лавочку. Определенно. (*Улыбается.*) Вот была бы жизнь. Мы были бы такими толстыми, уверенными, благодущными, и нарожали бы кучу детей, и спали бы спокойно, и были бы в почете, и состояли бы членами какого-нибудь там общества, и никогда бы не ссорились.

Юхан. Хорошо говорить, что было бы, если бы... Уж ты-то ни за что бы не выдержала в какой-нибудь провинциальной дыре.

Марианна. Что правда, то правда. (*Серьезно.*) А я всегда мечтала быть защитницей угнетенных. Честолюбие мое было беспредельно. А кем я стала? Адвокатом по бракоразводным делам. Ну ладно, хватит. Давай закончим с уборкой.

Марианна с Юханом сидят за столом под цветным китайским фонариком. Они закусили. Пьют вино.

Марианна. Ты чего задумался?

Юхан. Поразительная вещь. Мне вдруг пришло в голову, что мы с тобой стали наконец говорить друг другу правду.

Марианна. А раньше не говорили? Да, дей-

ствительно ведь не говорили. Но почему? Странно. А сейчас почему говорим правду? А, знаю. Потому, что нам ничего не надо друг от друга.

Юхан. И нечего скрывать друг от друга. **Марианна**. И нечего охранять.

Юхан. Одним словом, мы можем теперь говорить правду. Через двадцать лет.

Марианна. Через двадцать лет.

Юхан. А ты думаешь, могут вообще два человека, изо дня в день живущие рядом, быть всегда откровенны друг с другом? Возможно ли такое в принципе?

Марианна. Нам, во всяком случае, это оказалось не под силу.

Юхан. Да и нужно ли это?

Марианна. Нужно ли было, чтобы мы с тобой все время говорили друг другу только правду и ничего не скрывали друг от друга?

Юхан. Да и сознавали ли мы вообще, что мы что-то скрываем?

Марианна. Конечно, мы лгали сознательно. Я по крайней мере.

Юхан. Ты?! Ты сейчас лжешь!

Марианна. А по интонации не слышишь?

Юхан. Ну и что я должен слышать по этой самой интонации?

Марианна. В начале нашего супружества я не раз тебе изменяла. В самом деле.

Юхан. Да ну?

Марианна. Ты шокирован?

Юхан. Даже и не знаю. Пожалуй, да.

Марианна. Впрочем, изменами это не назовешь. Все было достаточно невинно. Просто я задыхалась в семейной кабале: супружеские обязанности, материнские обязанности и масса еще каких-то обязанностей. Ну а это было как бы отдушиной.

Юхан. Черт знает что.

Марианна. У меня было целых три весьма пикантных приключения с совершенно посторонними мужчинами, которых ты и не знаешь, — чуть ли не подряд одно за другим. Если ты спросишь, что говорила мне моя совесть, то могу тебе ответить, что совесть моя молчала.

Юхан. Так, так. Надо же.

Марианна. Я считала, что мои романы всего лишь ничтожная компенсация за все те муки, которым я подвергалась.

Юхан. Вот и говори тут правду.

Марианна. Если б я сказала тебе правду весной пятьдесят пятого, то эта правда стерла бы в порошок наш брак. Я порвала бы со всеми родственниками, предала бы наших дочерей и убила бы тебя. Несмотря на то, что любила тебя. В самом деле любила.

Юхан. Ну а потом?

Марианна. Потом мне надоело.

Юхан. Я надоел?

Марианна. Нет, мне надоели мои любовники. Не к такой свободе я стремилась. И я постаралась приспособиться к своему

положению.

Юхан. А мне — хоть бы слово.

Марианна. А что бы это дало? И ты, кстати, писал тогда свою диссертацию. И мучился со своей язвой. И мы должны были ходить на цыпочках, чтобы ты мог спокойно работать.

Юхан. Все равно!

Марианна. Тогда одно было важно — чтобы ты получил свою докторскую степень. Все остальное играло подчиненную роль. Внешне отношения между мужчиной и женщиной изменились. Но в действительности все осталось так же, как было сто лет назад. Смешно, верно?

Юхан. А потом?

Марианна. Ну что ж потом. Потом мы разговаривали друг с другом. Довольно часто.

Юхан. Без настоящей откровенности.

Марианна. Мы оперировали удобными полуправдами. И оба мы поднагнали в психологии, так что могли найти объяснение чему угодно. К тому же спокойней было не затевать скандалов. Иногда, разозлившись, мы, конечно, кое-то и высказывали.

Юхан. После чего брали свои слова назад. Потому что не стоило разматывать весь клубок — это слишком далеко бы нас завело.

Марианна. Так вот и стали врать, то в большей степени, то в меньшей, смотря по тому, как было удобней.

Юхан. Ты используешь этот опыт в своем нынешнем браке?

Марианна. Конечно. Я все время лгу.

Юхан. Я тоже.

Марианна. Ну вот видишь.

Юхан. Вернее, мою жену Анну правда просто не интересует. Она так организовала нашу совместную жизнь, чтобы обоим было удобно.

Марианна. Ты ее любишь?

Юхан. Ох, этот вечный вопрос всех женщин. Я считаю, что она добра, умна, приятна, чистоплотна, хорошо воспитана, представительна и сексуально привлекательна. Я люблю завтракать с ней вдвоем по утрам.

Марианна. И она готова опекать тебя?

Юхан. Она говорит, что я ей нравлюсь. Ей плевать, сильный я или слабый. Пусть я бываю усталый, раздражительный, невыносимый — она говорит, ей это неважно. Она говорит, что ей со мной спокойно. Что ей больше никого не надо. Просто непостижимо.

Марианна (меняет тон). Мне кажется, ты вытаскил счастливый билет, Юхан!

Юхан. Тогда мне, наверно, не следовало бы изменять ей с тобой.

Марианна. Возможно, ты любишь нас обещать.

Юхан. Опять ты умничаешь. Любовь — это, говорят, дар божий. Я его лишен.

Марианна. Ты посмотри, что получается.

Сначала была твоя мама, которая тебя обожала и считала гением. Потом — целая вереница женщин, которые нянчились с тобой так же, как нянчилась мать. Включая меня саму. Что-то в тебе есть такое, что упорно противится нормальному естественному созреванию. Что, интересно? Я не хочу сказать тебе гадость, но этот вопрос действительно меня занимает.

Юхан (искренне). Теперь я понял, в чем тут дело. Хорошего мало.

Марианна. Да? Интересно.

Юхан (весело). Сейчас я открою тебе мою страшную тайну. Я пожилой мальчик. И не хочу становиться взрослым.

Марианна. Ну уж это-то я всегда знала.

Юхан. А мне стоило больших умственных усилий сообразить, что мужчина я только в половом отношении, во всех остальных — ребенок. Изумительная комбинация для женщин с развитым материнским инстинктом.

Марианна. Боже, до чего банально. Я-то думала, что ты по меньшей мере признаешься в каких-нибудь преступных наклонностях.

Юхан (продолжает о своем). И по этой причине я никогда не вырасту. Да и зачем мне, собственно, это надо? Тогда бы мне пришлось самому о себе заботиться. И даже, возможно, нести какую-то ответственность.

Марианна. Какая чудовищная пассивность, милый мой Юхан.

Юхан. Я не желаю созревать. И поэтому Анна очень подходящая для меня жена.

Марианна. Бедная Анна.

Юхан (улыбается). Что-то непохоже, чтоб твое сочувствие было искренне. Давай лучше поговорим о тебе.

Марианна (смеется). Может, докончим наш обед?

Пообедав, они устраиваются у огня. Наступают сумерки. Расположившись в удобных креслах, они молча курят.

Марианна. Ты хотел знать, как у меня с Хенриком, моим мужем?

Юхан. Теперь уже не хочу.

Марианна. Поженились мы просто по глупости. Или по легкомыслию. Вроде бы в шутку. Можно годами жить вместе, не будучи женатыми, и совсем другое дело — жить вместе и быть женатыми.

Юхан. Когда вы познакомились?

Марианна. Да уж много лет назад. Прости за откровенность, но тут была чисто сексуальная заинтересованность.

Юхан. Так. Понятно.

Марианна. Хенрик очень, как бы сказать, убедителен в этом отношении. (Улыбается.) Он большой поклонник секса и меня обрадовал в свою веру. Как ты помнишь, меня это не слишком занимало. В прежние времена.

Юхан. Как же, помню.

Марианна. Тебе не нравится, что я говорю про это?

Юхан. Не нравится. Но что поделаешь.

Марианна. Если уж откровенно, я сделалась как одержимая, открыв для себя такое, чего прежде не понимала. Я была просто ненасытна. *(Улыбается.)* Звучит, конечно, смешно.

Юхан. Как для кого, наверно.

Марианна. Сам понимаешь, что я сразу же безумно привязалась к Хенрику. Он тоже был от меня в восторге. Однако это не мешало ему, как я выяснила, иметь связи на стороне.

Юхан. Колоссально.

Марианна. Сначала я была страшно оскорблена и обижена. Я даже почувствовала ревность.

Юхан. Ты — и ревность? Невероятно.

Марианна. Разыгрался бешеный скандал. Вернее, бесилась одна только я. Я послала его ко всем чертям.

Юхан. И он отправился?

Марианна. Он сказал, что я делаю из мухи слона. И ушел. Через несколько недель я стала умолять его вернуться. На любых условиях. Он тоже считал, что пора нам снова сойтись. Мы вместе уехали в отпуск. Мы были очень счастливы. Вернувшись, мы поженились. Потом было по-разному: то подъем, то спад. Большею частью спад.

Юхан. Печально.

Марианна. Хенрик удручающе активная личность. Он главный врач Городской больницы. Кроме того, он член множества всяких комиссий и к тому же старается не отставать от науки. Я просто не понимаю, как его хватает.

Юхан. Тем более что у него еще колоссальная частная практика среди дам.

Марианна. Здоровье у него неважное. У него гипертония, и он вынужден постоянно принимать лекарства. Иногда мне кажется, что я и минуты с ним больше не выдержу. До того он меня изводит своей требовательностью.

Юхан. неподходящий партнер для такой свободолобивой личности, как ты. Или я ошибаюсь?

Марианна. Как ни странно, наоборот.

Юхан. Не понимаю.

Марианна. Сейчас я от него уже не завишу. Я живу с ним. И это хорошо. Я живу с тобой. Тоже хорошо. Если я встречу кого-то еще, кто будет мне симпатичен, я смогу жить и с ним.

Юхан. Это и есть твоя свобода?

Марианна. Пока что да. Свобода.

Юхан. И ты счастлива?

Марианна. Иногда я глубоко несчастна, когда, казалось бы, должна быть счастлива, и наоборот. Чувство счастья не подчиня-

ется никаким правилам. По крайней мере у меня.

Юхан. Мне хотелось бы спросить тебя про одну вещь.

Марианна *(кивает)*. Тебе интересно, сохранила ли я свою привычку мстить при помощи своего тела. *(Смеется.)* Я, конечно, пробовала. Но он просто не обращал на это внимания. Он говорил, что ему надоели мои глупости. И переключался на другую женщину, весь отдаваясь новому увлечению. А я оставалась со своей мстью. Так что я бросила. И у нас ведь с тобой тоже сейчас хорошо. Правда ведь, милый?

Юхан. Конечно.

Марианна. Ты ревнуешь?

Юхан. Не знаю, как это назвать. Ты меня и притягиваешь, и отталкиваешь.

Марианна. А помнишь, что нам внушали в детстве? Все эти смешные наивности про то, что плотская любовь — самое прекрасное на свете. Что тело — это храм и нельзя разменивать себя на медные гроши. В общем, что-то такое идиотское. Лечь с кем-то в постель представлялось нам неким священнодействием. Чем-то таким чудесным, и волнующим, и удивительным, так что трепет охватывал, когда предстояло сделать этот шаг на практике. А с другой стороны — порнография с ее бурными совокуплениями и беспрепятственными судорогами страсти. Действовало тоже достаточно убийственно. *(Пауза.)* Юхан, ты о чем задумался?

Юхан *(неожиданно улыбается)*. Я думаю о том, что все хорошо. Все хорошо. Очень хорошо. Прямо-таки невероятно хорошо. Но только мне это не под силу. Для меня это слишком.

Марианна. Я знала, что ты не захочешь слушать правду.

Юхан *(запальчиво)*. Да какое мне дело до твоих постельных страстей с этим чертовым гипертоником! Ради бога, на здоровье. Я восхищаюсь твоей ультрасовременностью. Я поражен, что ты сумела полностью освободиться от предрассудков. Это впечатляет. Тебе бы роман написать! Уверю тебя, он встретил бы восторженный прием среди поборниц женских прав.

Марианна. Не делай себя глупее, чем ты есть.

Юхан. А я говорю: плевать мне на все на это.

Марианна. Почему же оно приобрело вдруг такое значение?

Юхан. Ничего подобного. Все это пустяки, мелочь. Всего лишь маленькая частица того совершенно изумительного, что преподносит нам жизнь. Как мы все поняли и осознали! Какого ума-разума набрались! К какой ясности пришли ценой слез и горя! Просто великолепно. Изумительно и невероятно. Мы открываем самих себя. Очень умно! Один

сознает свое ничтожество. Другой сознает свое величие. Чего еще желать? И почему бы нам, таким умным-разумным, не обсуждать между собой наших мужей и жен? Вот мы и треплемся. Они фактически тоже тут присутствуют. Мы им подмигиваем. Нематериальный, рафинированный групповой секс. Это бесподобно, Марианна! Все проанализировано, все осознано! Ясность предельная. Но для меня это уже слишком.

Марианна (*неожиданно горько*). Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Юхан. Правда, понимаешь?

Марианна (*с горечью*). Да, понимаю, но я не считаю, что это так ужасно.

Юхан. И в том огромная разница между нами. Потому что я не желаю мириться с тем полнейшим отсутствием всякого смысла, к которому приводит всеобъемлющая ясность. Я не в силах жить в беспощадном холодном свете, сводящем на нет все мои усилия. Если б ты знала, как меня угнетает бессмысленность моего существования. Я все время стараюсь подбодрить себя рассуждением, что единственное мерило ценности нашей жизни — наше собственное к ней отношение. Но что за радость в такого рода софизмах. Я хочу, чтоб у меня было к чему стремиться. Хочу во что-то верить.

Марианна. Я воспринимаю все по-другому, чем ты.

Юхан. Я так и понял.

Марианна. В отличие от тебя мне это вполне по силам. И даже нравится. Я полагаюсь на свой разум. И на свое сердце. Они сотрудничают. Я довольна ими обоими. А сейчас, ближе к старости, у меня появился третий помощник. Опыт.

Юхан (*грубо*). Из тебя вышел бы неплохой политик.

Марианна (*серьезно*). Наверно.

Юхан. О боже.

Марианна. Я люблю людей. Я за переговоры, понимание, компромиссы.

Юхан. Насколько я понимаю, ты репетируешь свою предвыборную речь.

Марианна. Ты считаешь, меня трудно выносить?

Юхан. Только когда ты начинаешь проповедовать.

Марианна. Ладно, умолкаю.

Юхан. Ты обещаешь, что сегодня не будешь больше изрекать истин?

Марианна. Обещаю.

Юхан. Обещаешь, что не будешь больше ставить мне в пример своего рекордсмена секса?

Марианна. Вообще не упомяну.

Юхан. Ты думаешь, что сумеешь на некоторое время обуздать свою страсть к умничанью?

Марианна. Это уже труднее, но я постараюсь.

Юхан. И может быть, я повторю: *может быть*, ты сумеешь пощадить меня и умерить проявления твоей безграничной женской силы?

Марианна. Да уж придется, конечно.

Юхан. Ну тогда пойдем. Пора укладываться.

Среди ночи Марианна вдруг просыпается, вскрикнув от страха. Юхан зажигает обе лампочки у постели и пытается обнять ее, чтобы успокоить, но она вырывается, вскакивает и принимается ходить из угла в угол. Юхан молча ждет, что она скажет.

Марианна. Не понимаю, с чего мне могло вдруг присниться такое. Как ты думаешь: с чем это может быть связано?

Юхан. Может, просто съела что-нибудь не то.

Марианна. Ты думаешь?

Юхан. Но не исключено, моя дорогая, что в твоем на редкость упорядоченном внутреннем мире есть все же что-то от тебя скрытое.

Марианна. Но что же это может быть?

Юхан. Ну откуда мне знать.

Марианна. Обними меня. Меня всю знобит. То холодно, то жарко. Может, я заболела. Девочки ведь как раз болели гриппом.

Юхан (*ласково*). Ну, успокойся. Сейчас пройдет, вот увидишь.

Марианна. Прикрой мне плечи одеялом. Ага, так хорошо. Мне уже лучше.

Юхан. Ты не помнишь, что тебя напугало?

Марианна. Мне приснилось, будто нам предстоит какой-то опасный переход через дорогу или что-то такое еще. Я прошу, чтоб вы взяли меня за руки, чтоб мы держались все вместе. (*Испуганно*.) Но это не получается. У меня почему-то нет рук. А только два обрубка, до локтя. А ноги все время скользят, песок оползает, и я не могу взобраться. Не могу за вас ухватиться. Вы стоите наверху у дороги, и мне до вас не дотянуться.

Юхан (*с жалостью*). Ужасный сон.

Марианна (*после паузы*). Юхан!

Юхан. Да, родная.

Марианна. Ты думаешь, мы живем в сплошном хаосе?

Юхан. Мы с тобой?

Марианна. Нет, все мы вообще.

Юхан. Что ты понимаешь под «хаосом»?

Марианна. Страх, неуверенность, непонимание. В общем — хаос. И в глубине души мы знаем, что все оползает, как песок, уходит из-под ног. И не знаем, что нам делать.

Юхан. Да, я так думаю.

Марианна. Это, наверно, как яд.

Юхан. То есть разъедает нас изнутри?

Марианна. А вдруг уже слишком поздно?

Юхан. Вслух так нельзя говорить. Можно только думать.

Марианна. А мы-то стараемся держаться, мы-то цепляемся.

Юхан. Особенно ты.

Марианна. Юхан!

Юхан. Ну?

Марианна. Мы что-то важное упустили, да?

Юхан. Все мы вообще?

Марианна. Мы с тобой.

Юхан. Что же?

Марианна. Ты знаешь, иногда вдруг бывает, что я тебя полностью понимаю: твои чувства, твои мысли. И тогда меня захлестывает огромная нежность к тебе, нежность до самозабвения, хотя я не до самоуничтожения. Ты меня понимаешь?

Юхан. Да, понимаю.

Марианна. Иногда я способна как бы полностью отождествить себя даже с совершенно чужим мне человеком и понять этого человека. Это моменты абсолютного сопереживания.

Юхан. Если б мы отдавались такого рода сентиментальным проявлениям людского братства, как ты это называешь, мир замер бы в бездействии, уверяю тебя.

Марианна. Юхан.

Юхан. Да?

Марианна. Мне бывает так грустно, что я никого никогда не любила. Да и меня, мне кажется, никто не любил. Горько подумать.

Юхан. По-моему, ты сильно преувеличиваешь.

Марианна (*улыбается*). Ты так считаешь?

Юхан. Я могу говорить только о себе. И могу сказать, что я люблю тебя, уж как умею, несовершенной и эгоистической любовью. И иногда мне кажется, что ты меня тоже любишь, по-своему, непокладистой и нетерпеливой любовью. Попросту говоря, мы с тобой любим друг друга. Земной и несовершенной любовью.

Марианна. Ты правда так думаешь?

Юхан. Ты всегда требуешь черт те чего.

Марианна. Это верно.

Юхан. А я вот просто чувствую тебя сейчас рядом. Мы просто сидим обнявшись ночью в темном доме где-то на свете — и все тут. Я не стану утверждать, что исполнен какого-то особого сопереживания.

Марианна. Чего нет, того нет.

Юхан. Видимо, у меня не хватает фантазии.

Марианна. Да уж, фантазии у тебя мало-мало.

Юхан. Как выглядит моя любовь? А шут ее знает. Я не могу ее описать, и в повседневной жизни она почти и не ощущается.

Марианна. И ты, значит, думаешь, что я тебя тоже люблю?

Юхан. Очень может быть, что и любишь. Только не надо про это много говорить, а то всякая любовь пройдет.

Марианна. Мы будем сидеть так всю ночь до утра.

Юхан. Нет, не будем.

Марианна. А почему?

Юхан. Я отсидел уже одну ногу и, кажется, вывихнул левую руку. Я ужасно хочу спать, и у меня замерзла спина.

Марианна. Ну что ж, придется залезть под одеяло.

Юхан. Как видно.

Марианна. Спокойной ночи, милый. Хорошо, что мы поговорили с тобой по душам.

Юхан. Спокойной ночи.

Марианна. Приятных тебе снов.

Юхан. И тебе также.

Марианна. Спокойной ночи.

1973 г.

ЯРМАРКА СЦЕНАРИЕВ

АННОТАЦИЯ СЦЕНАРИЯ

АНДРЕЙ ЛАНЦОВ

БЕРЛОГА

Сергей — студент. Вот уже двадцать два года его опекают родители, но в один из выходных он все-таки вырывается на свободу. В тот день, когда родители на даче, Сергей приглашает к себе на квартиру поочередно трех прелестных девушек.

Через девять месяцев в родильном доме рождаются трое очаровательных малышей, в один день, в одной палате. Родимое пятно у Сергея на лбу переходит по наследству его мальчишам. Девушки понимают обман и решают отомстить незадачливому отцу, отдав ему на воспитание трех сыновей, трех Мишей, Михайлов Сергеевичей.

Родители Сергея уезжают на дачу, дав сыну возможность подготовиться к защите диплома. А у Сергея в этот месяц — целая... берлога «мишек».

Если Вас интересует парадоксальный кинематограф, автор готов предложить еще несколько сюжетов, построенных на абсурдных ситуациях.

Валентин Черных

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ НА РОЛИ УРОДОВ

Зазвонил телефон. Я посмотрел на часы: без десяти восемь. Мне так рано звонить не могут, к тому же не хотелось вставать. Она завтракала на кухне. Телефон надрывался. Она подошла, сняла трубку и сказала:

— Алло.

Выслушала. Спросила:

— А вы знаете, который час? — Тот, у другого телефона, должен был понять по этому вопросу, что в такую рань в приличный дом не звонят. — Извините, — сказала она. — Конечно, конечно... — По тому, как она почти пропела извинения, я понял, звонили по важному делу, может быть, ей достали финскую куртку.

— Тебя, — почему-то шепотом сказала она.

— Слушаю, — сказал я.

— В десять я смотрю кинопробы в директорском зале. Приходите. Обсудим.

— Приду, — сказал я.

— Когда просмотр? — спросила она. Я ответил. — В это время я относительно свободна, — сказала она. Она хотела участвовать. Она даже имела на это право.

Я промолчал. Прошел в ванную. Это был каждодневный ритуал. Солдат, готовясь к сражению, проверяет свое оружие. Я осмотрел свое лицо — мое оружие, инструмент и рекламный проспект одновременно. Я улыбнулся. Прекрасные зубы. Стоили мне почти пятьсот рублей. Отличить от настоящих смогли бы только дантисты-профессионалы. Кожа гладкая, загорелая, натянутая на скулах. При небольшом гриме вполне могу играть и тридцатилетних.

Я поставил на проигрыватель пластинку и начал заниматься аэробикой. Я выдерживал тридцатиминутный курс для самых молодых.

— Загляни ко мне после просмотра, — попросила она. Она имела на это право, и я пообещал ей. Она ушла.

Я сварил себе овсяную кашу, три ложки овсянки на воде, выпил чашку кофе без сахара.

Сегодня пятница. Чаще всего мне не везло по четвергам и понедельникам. Пятница — это уже хорошо. За окном летал пух от тополей. Это однажды было в моей жизни. Так же я стоял у окна, и так же летал пух, и я так же ждал... И вдруг я вспомнил, даже не вдруг, я вспоминал каждый год, когда летал тополинный пух; с этого пуха началась моя жизнь, меня впервые утвердили на главную роль. Я подсчитал. Это было ровно тридцать лет назад. Ну, не ровно — точно день, когда это случилось, я не помнил, но тогда, как и сегодня, летал пух.

Я надел полотняные брюки, кроссовки «Адидас», легкую белую куртку и вышел из дома.

Тридцать лет назад я был в ковбойке из ацетатного шелка в синюю и красную клетку, в синих китайских брюках и сандалетах. Я тогда казался себе очень элегантным. И тогда, как и сегодня, я ехал на студию, только тогда на трамвае, а сегодня я взял такси. Тридцать лет назад... Таксисту было лет двадцать пять. Значит, он не помнит того замечательного времени. В магазинах полно еды, к нам в страну начали приезжать зарубежные эстрадные артисты, устарел когда-то шикарный автомобиль «Победа», и на улицах Москвы появились «Волги» с никелированными оленями на радиаторах. Мощная машина даже по сегодняшним меркам. Говорили, что за рубежом ее прозвали никелированным танком.

Война забывалась. Мужчины доносили армейские гимнастерки и надели пиджаки с плечами, подбитыми ватой, узкие брюки и широкие яркие галстуки, женщины — юбки-колокол и прозрачные блузки. Всем хотелось красоты.

На экране уже поднадоело мощные приземистые парни, предназначенные для забоев, лесопластов и колхозных полей. Эти парни играли на гармошках и балалайках, пели песни про танкистов и шахтеров, а в компаниях уже бренчали на гитарах, хотя были популярны и трофейные немецкие аккордеоны. В это время я и пришел в кино.

На наш курс, по традиции, еще набрали мощных парней и грудастых девиц, в общем, «девушек с веслом», похожих на тех, что, изваянные из гипса, стояли на постаментах в парках. Но рядом со спортсменками уже сидели и худенькие, нежные, почти тургеневские барышни и голенастые парни, которые очень скоро сыграют интеллигентных атомных физиков.

У меня в детстве была кличка — Красюк. В этом было нечто снисходительное. Но объективно я был красивым. Невысокий, рост метр шестьдесят, «метр с кепкой» — дразнили меня в школе. Глаза у меня были небесно-голубые, как у ангелов с фарфоровых немецких тарелок, а волосы белокурые и вьющиеся. На меня оглядывались и восьмиклассницы, и зрелые женщины, может быть, надеясь, что из меня со временем получится голубоглазый гигант. Не получился.

Первую роль я сыграл на втором курсе. Маленького принца. Главную роль. Из кадра в кадр. Снимали на цветную пленку, тогда фильмы в цвете были еще редкостью. И все это также началось в июне, когда летал тополинный пух. Меня запомнили все: и дети, и взрослые, и, разумеется, режиссеры. Запомнили белокурым, голубоглазым. В этой роли я научился улыбаться спокойно и безмятежно, как улыбаются принцы, которые, что бы ни случилось, становятся королями. Очень скоро я стал не только всеобщей известностью, но частично и европейской. Меня снимали в Германской Демократической Республике. Тоже в роли принца, но уже немецкого. На меня приходили посмотреть в компаниях, особенно девчонки.

В одной из компаний я познакомился со своей будущей женой, дочерью нашего прославленного военачальника. Не хватило каких-то полгода войны, а то он стал бы маршалом, как говорила моя теща. Генерал при знакомстве осмотрел меня и спросил:

— В армии служил?

— Пока не довелось, — ответил я как можно почтительнее, и не из уважения к генеральскому званию, а из страха перед большими и мощными мужчинами. В школе все были сильнее меня, и я привык уважать силу.

Как только определилось, что мы поженимся, генерал заказал для просмотра фильм, где я сыграл роль принца. Меня тогда поразило, что человек может заказать фильм для себя одного, это все равно, что заказать отдельный самолет. Потом я узнал, что генерал мог заказать и самолет.

Я надеялся, что понаравлюсь ему в фильме, но он только спросил:

— Ну, а когда состаришься, кого будешь играть? Принцев старых не бывает!

— Буду играть королей, — ответил тогда я.

— Ну-ну, — хмыкнул генерал. — Все начинают лейтенантами, но не все становятся генералами, и не все принцы — королями...

В генеральскую квартиру в высотном доме на площади Восстания я переселился со Второго Крестовского переулка, что у Рижского вокзала, из коммунальной квартиры в деревянном доме, где у нас с матерью была комната.

Первое, что меня поразило в генеральской квартире, — запах кожи. Кожаные диваны, кожаные кресла, в шкафу в прихожей сапоги — хромовые и лакированные. В квартире пахло новыми портупейными ремнями, кобурами от пистолетов, чехлами ружей, кожаными портфелями и папками. По сей день запах кожи для меня — символ стабильности и преуспевания. И теперь, когда я вижу человека в кожаном пальто, я точно знаю, что этот человек прочно стоит на земле.

Нам с женой выделили небольшую комнату рядом с прихожей, и я старался попасть сразу туда, не заходя в гостиную. В больших комнатах я казался себе еще меньше ростом,

я исчезал в глубоких креслах, подобранных для большого генерала. Честно говоря, с самого первого раза, как только вошел в эту квартиру, я понял, что к этому никогда не привыкну, да и не надо мне было так много. Меня приучили обходиться одним стулом, одним столом, двумя парами ботинок, одни на каждый день, другие на выход.

Говорят: руби дерево по себе. В своем лесу, могу добавить я сейчас. А мой лес — это девочки с Крестовских переулков, которые заканчивали нормальные, а не специализированные школы, поступали в нормальные институты, а не в институт международных отношений, как моя жена, и становились учительницами и участковыми терапевтами. Очень энергичные со временем заведовали учебной частью в школе или отделением в поликлинике. Этих девочек с детства приучали беречь деньги, ждать воскресенья, чтобы с мужем пойти в кино, планировать покупки: в этом году — телевизор, в следующем — кресла, потом такту, годам к сорока получить садовый участок, построить двухэтажный домик, радоваться каждой новой должности мужа, если у него получается продвижение по служебной лестнице, а не получается — тоже не беда, не всем же быть руководителями, лишь бы не пил, как пили их отцы.

Здесь была другая жизнь. За отцами по утрам заезжали служебные «Зимы» и «Волги», да и сыновья добирались на службу городским транспортом только в начале своей карьеры, потом они становились владельцами индивидуального автотранспорта, потом к их подъезду подавали служебный автомобиль. Здесь даже газеты читали по-другому. Я по сей день не могу отличить Сирию от Ливии, а моя жена и теща новости с международной арены читали с большим даже интересом, чем я письма от родственников, потому что после каждого переворота в какой-то стране начинались изменения в управлениях, кого-то отзывали, кого-то назначали. Третий секретарь, второй, первый секретарь первого ранга, атташе, посланник второго ранга или первого, временный поверенный, посол по особым поручениям... Они следили за перемещениями по должностям и посольствам, как шахматисты-мастера следят за игрой международных гроссмейстеров. Моя жена после окончания института, как и ее мать, начала работать в Министерстве иностранных дел, мать — в первом европейском отделе, а дочь во втором, а может быть, наоборот, я уже сейчас не помню.

Конечно, карьера женщины — в карьере мужа. А я карьеры не сделал. Фильмы про принцев каждый год не снимаются. Я снялся в фильме из жизни золотопромышленников, тогда уже начали подбираться к второсортной российской классике. Сыграл сына хозяина приисков, вырожденца во втором поколении, красивого, немощного и порочного. Потом стал соглашаться на эпизоды, а потом меня вообще перестали приглашать на киностудии.

Дело в том, что я начал полнеть. То ли регулярная сытная еда в генеральской семье, то ли что-то нарушилось в организме с обменом веществ, или потому, что перестал заниматься спортом, но вполне возможно, как сейчас говорят, сработал и генетический код. У нас в роду мужчины никогда не были рослыми. Не карлики, но в гренадерских полках вряд ли служили. Нормальные, невысокие, с возрастом округлялись, может быть, в нас действовал вечный закон сохранения энергии. Мощный мужчина всегда мог убить мамонта и добыть кусок мяса, а жировая прослойка необходима маленьким, чтобы пережить голодное время. Мы не задумываемся, но наверняка биологические закономерности связаны с историческими.

В общем, на меня перестали обращать внимание. Я стал таким же, как все, кто ездит в общественном транспорте на работу к восьми утра. Я смотрел на себя в зеркало, и мне не за что было зацепиться. Нормальный нос — не длинный, не короткий. Нормальные глаза, нормальный рот. Во мне не было аномалий, по которой запоминают актера да и вообще каждого человека. Это не особенно понимают женщины и не всегда умело используют. Если у тебя прекрасные волосы — распусти их и покажи выгодно, чтобы на них обратили внимание, если у тебя грудь выше, чем у других, не прячь ее, а выпяти как можно больше, и мужчины обязательно обратят на тебя внимание. А я ничего не мог выпятить.

Пошла полоса неудач. У моих приятелей, с которыми я учился в школе, не все шло гладко. Кого-то понижали в должности, переводили на другую работу. Меня невозможно было ни повысить, ни понизить. Киноактера или снимают, или не снимают. Я пробовал устроиться в театр. Не получилось. И я запил. С утра генеральская семья ехала на службу, а я шел в пивную на Тишинском рынке. Моя жена теперь спала в кабинете генерала. За ней ухаживал ее старый знакомый. Иногда в гостиной собирался семейный совет, и я слышал, как теща кричала:

— Этого алкоголика, пьяницу и тунеядца надо выселить!

Ей возражал генерал:

— Он не тунеядец. Он человек свободной профессии, но надо искать выход.

Я лежал и посмеивался. У нас бездомных нет. Если они захотят меня выселить, им придется разменивать свою квартиру, а они, естественно, этого не захотят. Их заботы. Пусть ищут выход.

Наверное, выход нашел генерал. Райисполком выделил мне комнату в коммунальной квартире. Адьютант генерала привез меня посмотреть. Мне не понравились соседи, две интеллигентные дамы. Да и далеко от киностудии. Нашли комнату рядом с киностудией. Я согласился. На следующий день к моему новому дому подъехал военный грузовик, и солдаты внесли набор посуды, комплекты простыней и наволочек, старый телевизор «Рекорд», стол, кровать, шкаф, стулья, два кресла — все с генеральской дачи. Эта мебель стоит и по сей день в моей квартире, мебель оказалась антикварной, ее слегка только отреставрировали. Со своей бывшей женой я никогда больше не встречался. Иногда думаю: может быть, всего этого и не было, может, мне это все приснилось или кто-нибудь рассказал.

Человеку не так уж и много надо, когда есть крыша над головой, да еще и рядом с киностудией. Теперь у меня дома было битком народу, особенно к вечеру, когда заканчивалась первая смена. Принесли, естественно, и закусь, и выпить. Я даже о еде перестал думать. Будет вечер — будет пища. Я спал до полудня, потом делал небольшую приборку в квартире, мыл посуду и начинал ждать, иногда пытаюсь угадать: кто придет и что принесут. Я располнел, живот уже переваливался через ремень, лицо огрубело, зубы испортились. Иногда случались казусы. Молодые ассистентки, роясь в актерской картотеке в поисках очередного героя, наткнулись на мою фотографию еще со времен, когда я играл принцев, и конечно понимая, что я постарел, все-таки горестно замолкали, увидев меня, а я, чтобы усилить впечатление, еще больше вываливал живот и всюю улыбался щербатым ртом.

Изредка меня снимали в эпизодах, чаще всего — знакомые режиссеры. Я неплохо подрабатывал. Сниматься в эпизодах мне нравилось: одна смена — и семнадцать пятьдесят, такая у меня была ставка еще с прошлых времен.

Однажды я сыграл даже роль римского сенатора. Мне подбрили волосы, чтобы увеличить лысину. Я был одним из главарей заговора против Цезаря. Заседания заговорщиков проходили, естественно, в римских банях. Я сыграл блестяще. Маленький, с выпирающим животом, с валиком жира на затылке, с щербатыми зубами. Явный вырожденец, особенно я был страшен, когда улыбался.

Женщины любят смотреть на себя в зеркало, актеры — на экране. Как только выходил фильм, я шел в кинотеатр посмотреть себя на публике. Обычно я брал билет на вечерний сеанс. На этот раз рядом со мной сидели совсем юные женщины. Наконец в бане заговорщики решили, что Цезарь должен быть убит, и я крупно, на весь экран, улыбнулся гниловатыми зубами.

— Боже мой, — выдохнула рядом юная женщина. — Такой может только в страшном сне присниться.

А я обрадовался. Цель достигнута. Это ведь неважно: любят тебя или ненавидят, главное — ты запомнился. Так закончилась моя жизнь принца и началась жизнь урода. И даже не урода, а просто маленького некрасивого человека. Я заменил свою фотографию в актерской картотеке. Нет, я не прятал своих недостатков, наоборот, выпячивал их. На фотографии были и редющие волосы, и подзаплывшие жирком маленькие глазки, и щербатые зубы, и двойной подбородок.

И меня стали приглашать. Не на главные роли, но я запоминался. Я искал свой образ — образ маленького мужчины. И чем меньше, тем лучше. Для контраста. Я примечал, как они ходят, какие ухищрения применяют, чтобы выглядеть, как все. На Черемушкинском рынке я открыл мужичка, который торговал мясом. Чтобы быть вровень со всеми и даже выше, он привозил подставку и зависал над покупателем. Как-то я изображал столоначальника, крохотную роль без слов, два плана по семь метров, на общем и на среднем, но я попросил увеличить ножки стула и стал, как все чиновники, даже выше, но когда я слезал со стула, получался не просто комический эффект, получался характер.

Маленьким мужчинам трудно. Их затирают, и не только в переносном смысле, но и в буквальном. В толпе, в очередях, в компаниях. То, что мужчине большого роста дается почти без труда, маленькому надо добиваться умом, хитростью, характером. Здесь все средства хороши. Те маленькие, которые не смирились, не сдались, — они заметны сразу. Они заставляют заметить себя. Я систематизировал приемы, которые применяют маленькие. Чтобы казаться выше, одни наращивали каблуки, ну, это самый примитивный способ. К таким же примитивным ухищрениям относились взбитые волосы, приталенная и чуть удлиненная одежда в полоску, а не в клетку. Но были и другие способы, уже от характера, от нежелания смириться с несправедливостью судьбы.

Идти чуть медленнее, чем все. И если шли рядом большой и маленький, то не мелкий семенял рядом с большим, а большой, замедляя движение и подстраиваясь под его маленький шаг, начинал сбиваться с привычного ритма.

Чтобы маленьких не толкали, они шли слегка растопырив локти, как бы огораживая площадь, положенную им как среднестатистической человеческой единице.

Если надо было куда-то пробиться, посмотреть, получить, использовался прием тарана

или выдавливания. Животом, плечом, локтем, коленкой. И не смущались, неважно, кто перед тобой — великан, красивая женщина, старуха, ребенок.

Пока ты неизвестен, то стремишься сыграть главную роль, чтобы тебя заметили, запомнили. Некоторые добиваются этой своей главной роли всю жизнь. В принципе, я человек неглупый, и когда понял, что принцев я играть уже не буду, а урод в главной роли в нашем кино невозможен, советский человек должен быть красивым и гармоничным, да и кому охота смотреть полтора часа на урода, я сосредоточил внимание на эпизодах.

Конечно, лучшими эпизодниками были классики. Ведь как у Гоголя: «...Скоро вслед за ними все уgomонились, и гостиница объялась непробудным сном; только в одном окошечке виден был еще свет, где жил когда-то приехавший из Рязани поручик, большой, по-видимому, охотник до сапогов, потому что заказал уже четыре пары и беспрестанно примеривал пятую. Несколько раз подходил он к постели с тем, чтобы их скинуть и лечь, но никак не мог: сапоги, точно, были хорошо сшиты, и долго еще поднимал он ногу и осматривал бойко, и на диво сточенный каблук». Так осматривать и примеривать сапог — для актера одно удовольствие. Все есть в этом эпизоде, и режиссуры никакой не надо.

Через знакомых секретарш я добыл тематический план производства фильмов на следующий год и отмечал всю классику. Классики всегда обращали внимание на маленького человека. Потом я отмечал фильмы с историческими катаклизмами, обязательно первую и вторую мировые войны, когда на фронт подгребался весь, даже малорослый, человеческий материал. Я изображал фронтовых ездовых, поваров, писарей, санитаров. Потом я помечал фильмы о деревне. Там всегда находилось место для эпизодов с мужичком-хитроvanом, который задаст каверзный вопрос про продрозверстку партийному активисту в кожаной куртке, а где нет слов, можно смачно сплюнуть в пыль, можно пробежаться за первым трактором в деревне вместе с ребятней.

Со временем я понял, что маленький некрасивый человек нужен в любом фильме, чтобы оттенять красивых и благородных. И я всегда находил себе роль, находил, что называется, с легу и с маху. Если в дворянском собрании был бал, то я выбирал самую высокую и красивую статистку, вставал в конце очереди, зная, что меня обязательно поставят впереди этих подрагивающих от волнения икрами молодых красавчиков, подполковников и полковников в шитых золотом мундирах. Меня, маленького, толстого, с прекрасной высокой брнеткой (я предпочитал брнеток, потому что из блондина я превратился в нечто размыто-белесоватое) режиссер замечал с первой репетиции и переводил в первые ряды, которые особенно запоминаются, или начинал с меня и моей партнерши — тогда мне тут же заменяли костюм на мундир, добавляли орденов, вот оно, мол, классовое неравенство, когда такая роскошная юная особа вынуждена сосуществовать с таким грибом, как я.

Мне повысили ставку. Я стал получать уже не семнадцать пятьдесят, а двадцать четыре семьдесят.

Меня стали узнавать на улице. Теперь мне предлагали роли, — правда, не главные, на главные я и не претендовал. Я знал свои спринтерские возможности, на большие расстояния у меня никогда не хватало дыхания.

Я стал не то чтобы богатым и счастливым, но вполне обеспеченным и довольным. Заменял черно-белый телевизор на цветной, холодильник «Газоаппарат» на «Зил», к этому времени у меня появились связи в торговом мире. Не было проблем даже с женщинами. Сколько стройных, спортивных, отмытых цветочными шампунями, элегантно одетых женщин не имеют своих мужчин. А я, маленький, толстый, с плохой кожей и кариозными зубами, легко заводил романы. Конечно, мои женщины не были звездами мирового кино. Я давно понял, что очень красивая женщина — это всегда дискомфорт в жизни мужчины. То, что обращает на себя внимание — притягивает. А всякое притягивающее хочется купить, достать, и тут уж цель оправдывает средства, даже такие неблагоприятные, как воровство и обман. А жить в постоянном напряжении, ожидая, что тебя обворуют или обманут, я не хотел. Да и в женщине главное не красота, а доброта, умение создать уют и надежность. Я понимаю англичан, для которых «мой дом — моя крепость». Когда приходится каждый день делать вылазки за крепостную стену, хочется быть уверенным, что, возвращаясь каждый вечер в свою крепость, ты сможешь в безопасности набраться сил для борьбы на следующий день. Конечно, у меня были и есть достоинства. Комнату я поменял на однокомнатную квартиру, с доплатой естественно. Я неплохо зарабатывал, во всяком случае больше, чем инженер, который в моем возрасте обычно достигал должности начальника цеха или заведующего лабораторией. К тому же я все-таки работал в кино, а это повышало интерес ко мне, это ведь все равно, что работать на кондитерской фабрике. Хотя люди, взрослея, не так уж и любят сладкое, мечта каждый день есть шоколадные конфеты или сливочные тянучки, так же как смотреть кино каждый день, остается на всю жизнь. Именно поэтому у меня все женщины были не из кино, я это почти возвел в принцип. Но однажды я этот принцип нарушил. В бухгалтерии киностудии я обратил внимание на маленькую, чем-то напоминающую актрису

Брижит Бардо, только располневшую, бухгалтершу. Я улыбнулся ей, она улыбнулась мне. Это трудно объяснить, но и мужчины, и женщины всегда понимают, нравятся они друг другу или семафор закрыт и пытаться не надо.

— Спасибо,— сказал я, расписываясь в ведомости.— До свидания.

— До свидания,— улыбнулась она, и по тому, как она сказала «до свидания», я понял, что она меня знает, возможно, ценит, а может быть, даже считает небезопасным. Настораживала ее похожесть на Брижит Бардо. Объясню — почему. Как только начинает сиять новая кинозвезда, сразу появляются похожие на нее. Я помню, как поступали в киноинститут маленькие курносые смешливые целиковские, жгучие брюнетки быстрицкие. Бардо возникла в конце пятидесятых, но учитывая, что к нам все доходило с опозданием лет на десять как минимум, эта бухгалтерша явно поступала на актерский факультет в середине шестидесятых, когда я уже сыграл своего маленького принца, закончил институт и играл вырожденцев-золотопромышленников.

Все было, как я и предполагал. Она поступила на актерский, не прошла по конкурсу и переметнулась на экономический. Всё, как у всех. Вначале поехала по киноэкспедициям, вышла замуж, развелась, к сорока годам устала от гостиниц, неустроенного кинематографического быта и осела в студийной бухгалтерии. Я вначале недооценил опасности. В тот же день, когда я на ней женился, у меня началась вторая полоса неудач.

В старых обычаях было много разумного. Прежде чем жениться, надо было познакомиться с родителями. Дочери похожи на матерей. И по матери можно определить, какой дочь будет через двадцать лет, даже в смысле физической формы. А если женщине сорок лет и она была уже замужем, надо обязательно познакомиться с бывшим мужем. И понять: почему именно этого мужчину она когда-то выбрала, почему у них не получилось и по чьей вине. Интуиция — это в первую очередь информация. К сожалению, я не знал, что она была замужем за актером, между прочим, очень средних способностей. Но она из него хотела сделать кинозвезду первой величины.

Я давно заметил: если родители отдадут своих детей в музыкальную школу, это значит, что они сами мечтали о музыкальной карьере, но у них не получилось.

Она начала незаметно. По принципу — капля камень точит. Вначале она занялась моей диетой. Меньше хлеба, меньше сахара. Ее можно было понять. Каждой женщине хочется, чтобы рядом с ней шел стройный, спортивный мужчина. Я замечал, как она поглядывает на стройных мужчин, незаметно вроде бы бросит взгляд, но никогда в толпе не пропустит спортивного вида мужчину. Она купила мне эспандеры, гантели, и я стал заниматься. Мы с ней бегали вечерами, утром я обычно вставал поздно. Через полгода я похудел на десять килограммов.

— Тебе надо заняться зубами,— сказала она однажды.

— Надо,— согласился я, надеясь, что это наступит еще нескоро.

— Я договорилась с дантистом,— сообщила она мне.

Это был один из самых модных московских протезистов. С его зубами ходит большинство великих актеров среднего возраста. Конечно, он мог бы делать и дипломатам, и маршалам, но у них специальные поликлиники, делают там хуже, но дешевле. Я перед затратами не постоял.

Итак, через полгода я стал стройным и улыбался, не прикрывая рот ладонью. И тут появились первые признаки опасности. Меня перестали приглашать на мои любимые эпизоды. Оказалось, что стройный мужчина средних лет с фарфоровыми зубами никому особенно не нужен.

— Очень хорошо,— заявила она в ответ на мои сомнения.— Ты разрушил один стереотип, теперь надо создать другой.

— Какой разрушил, я знаю, а какой надо создать? — спросил я.

— Режиссеры должны осознать, что ты актер для главных ролей...

Все-таки она была дилетанткой. Разница между дилетантом и профессионалом в одном: дилетант верит, а профессионал знает. Я знал сотни актеров, которые так и не сыграли свою главную роль.

Однажды мы смотрели по телевизору фильм. Она глянула на меня и тут же отвела взгляд. Я ее хорошо изучил. Ею овладела новая идея. Я подождал, но она молчала.

— Говори, что придумала,— не выдержал я.

— Ты, кажется, с ним учился на одном курсе? — спросила она.

— Не кажется, а учился. Ну и что?

— Хорошо бы тебе сняться в его новом фильме...

— Хорошо бы,— согласился я,— но он мне не предлагает.

— А ты предложи ему сам...

Она верила в чудо. В каждой профессии есть набор чудес. В актерской особенно. Как находили неизвестных актеров в провинциальных театрах и как они становились

кинозвездами после первой роли. Как ждали и верили по двадцать лет: ожидание и вера всегда вознаграждаются. Если бы так... Но я-то знаю, что актеру ничто не помогает: ни дружба, ни привязанности, ни связи, ни любовь. И даже если режиссер женится на актрисе, чаще всего он женится на ее таланте, это как раньше женились на купеческих дочках — главное не любовь, а капитал. А талант — самый надежный капитал в нашем ненадежном деле.

Говорят, если несколько раз повторять: я спокоен, я спокоен, я спокоен, то можно успокоиться. Но можно повторять каждый день: я талантлив, я талантлив, я талантлив, и талантливее от этого не станешь. Талантливый актер — это самая совершенная вычислительная машина, которая хранит миллионы бит эмоциональной информации и в нужный момент может выдать самый лучший, самый интересный вариант. Это называют приспособлениями, штампами, стереотипами, но у одних таких стереотипов сотни, а может быть, и тысячи, и из них составляется единственно возможная комбинация. У меня их всего несколько, из которых я по кусочкам, как лоскутное одеяло, составляю свой типаж маленького, но упорного мужчины. На большее я не способен. Себе в этом я признался давно. Конечно, надежда еще оставалась, я понимал: если подготовить все приспособления, использовать весь свой накопленный за тридцать лет опыт и найти подходящую роль, один раз я могу сыграть очень хорошо, может быть, даже блестяще, сыграл же я когда-то маленького принца. Надо только найти роль. И я ее стал искать.

Я понимал, что известные режиссеры вряд ли предложат мне главную роль, на мне стоял штамп эпизодника: жирный, отчетливый, несмыаемый, потому что внедрился в сознание. Но оставались еще молодые режиссеры. Я любил сниматься у молодых. Я им помогал с охотой, как помогают детям, может быть, потому, что у меня не было собственных детей. К тому же, молодые снимали короткометражные фильмы, а меня, как я уже говорил выше, хватало именно на небольшие расстояния: успеть удивить, но не дать возможности разочароваться.

Среди молодых попадались и талантливые, правда, их никогда не было в избытке ни раньше, ни теперь. У меня были свои определения таланта. Вначале по одежде. Вот уже третий век мы перенимаем французскую, немецкую, а теперь американскую моду. Но им там не надо ни валенок, ни теплых штанов. Я настораживался, если видел зимой режиссера в джинсах. Джинсы не приспособлены, чтобы под них надевать теплые кальсоны. Я обрадовался, когда увидел режиссера в нормальных суконных штанах фабрики «Большевичка». В таких штанах можно заниматься делом: и снимать фильм, и ехать в извоз. Он мне понравился. Он не бегал по площадке, демонстрируя перед молодыми актрисами одержимость творчеством. Его заметили по этой короткометражке и предложили поставить большую картину.

— О чем собираешься снимать? — спросил я его тогда.

— О том, как трудно пробиться провинциалу в Москве...

— Трудно, но интересно? — предположил я.

— Нет, — ответил он. — Когда очень трудно, это совсем неинтересно...

— Но это выковывает характер, — сказал я.

— Это разрушает здоровье, — ответил он. — У меня уже язва. — И он отошел, тощий, в своих нелепых суконных штанах. Он хотел снимать о себе. Именно тогда я поверил в него окончательно. Если хочет рассказать о себе, значит расскажет и о других, потому что все мы похожи друг на друга.

Я его снова встретил на студии через полгода после съемок. Он все еще искал для себя сценарий. Мы поговорили, и я понял, что у него нет своей системы поиска. Он знал, что хотел снимать, но не знал, как это найти. Он читал все, что ему предлагали, надеясь на удачу. Я в удачу особенно никогда не верил, я верил в систему поиска. Это ведь неважно, что ты ищешь: ботинки, врача, роль, кирпич для садового домика или сценарий. Главное — система.

Для начала я поехал в институт на сценарный факультет и из картотеки выписал всех сценаристов, которые приехали из провинции, закончили институт и остались в Москве. Таких оказалось не так уж и много. Я составил список всех их работ и начал читать. Часть сразу отпала, потому что действие в их сценариях происходило не в Москве, а если и в Москве, то провинциалы Москву не любили и не понимали. У провинциалов был свой провинциальный снобизм. Я попробовал с другого конца. Составил список сценаристов-москвичей, которые писали о провинциалах в Москве, таких тоже было немного. Они любили и понимали Москву, но не любили и не понимали провинциалов. Это тоже был снобизм, только столичный.

После долгих размышлений я понял: то, что я искал, могла написать только женщина. Женщины не так категоричны, как мужчины, для них важна не форма, а суть.

Я выписал сценаристок, их оказалось совсем мало. Мне повезло на третьем сценарии.

Это было то, что я искал и что могло заинтересовать режиссера. В сценарии рассказы-валось о том, как талантливого нейрохирурга-провинциала перевели в Москву, дали клинику и как столичные конкуренты сломали его. Сценарий был написан несколько лет назад, но против него выступило министерство здравоохранения, и фильм не был снят.

Я знал сценаристку. Когда я заканчивал учебу, она только поступила. В кино у нее не получилось, она вышла замуж за врача, писала романы и воспитывала детей. Мы с ней встретились. Я ей объяснил ситуацию и попросил о единственном: в нескольких ремарках указать, что герой маленького роста. Обычно сценаристы не описывают внешних данных героев, если это не историческая личность, никогда ведь неизвестно, кого режиссер пригласит на роль. Максимум, что определяет сценарист, это возраст и то весьма приближенно: молодой, среднего возраста или пожилой.

— Впиши сам,— сказала она и пометила места, где удобно указать, что герой маленького роста. Она даже не захотела знакомиться с режиссером, не очень веря в эту затею.

Я-то надеялся, что сценарий проскочит. Прошлого министра сняли, на его место пришел новый. Но министерство здравоохранения снова опротестовало сценарий. Дело в том, что такой нейрохирург был реальным человеком, и эту скандальную историю еще помнили в медицинских кругах и не хотели реанимировать.

Когда режиссер прочитал заключение министерства, он вздохнул с облегчением.

— Значит цепляет. Это то, что нам нужно.

Он сразу стал решительным и деятельным.

— Теперь нам надо крупное медицинское светило. Из провинции. Чтобы он, как и наш герой, пробивался с трудом, но чтобы он не забыл все те унижения, через которые ему пришлось пройти. Нам нужна его поддержка.

Я начал поиски. Мы остановились на известном офтальмологе, который имел свой институт, стал уже мировой известностью, но начинал в провинции.

Через одного из народных артистов я вышел на него. Позвонил, назвался ассистентом режиссера, что было почти правдой, на этот раз я выступал в роли ассистента.

— Привозите сценарий,— сказал он. Я отвез сценарий и оставил его в приемной. Через два дня мне позвонили из института и пригласили вместе с режиссером.

Мощный, коротко стриженный мужчина, больше похожий на тренера по боксу, чем на профессора, в костюме от Кардена — сам я никогда не носил карденовских костюмов, но определял их сразу,— тут же предложил нам осмотреть институт. Это был конвейер, но на конвейере двигались не автомобили, а люди. Каждый хирург делал только небольшую часть операции, и больной передвигался к следующему. Я шел за профессором, и у меня нарастало еще не осознанное беспокойство, зачем надо тратить этому человеку свое время на режиссера-дебютанта, ведь каждая профессорская минута расписана, а больные на его консультации записываются за три года вперед. Потом мы вернулись в его кабинет, нам подали чай — английский, с бергамотом.

— Сценарий мне показался интересным,— сказал профессор.— У меня довольно много знакомых кинематографистов, как у каждого хорошего врача, у меня вообще много знакомых. Я, естественно, навел о вас справки. Я посмотрел вашу короткометражку.

Боже мой, подумал я тогда, и это за два дня. Я вспомнил своего бывшего тестя-генерала. И профессор мог заказать фильм.

— Вы человек талантливый,— продолжал профессор.— Вам можно и надо помочь. В Министерстве отрицательное заключение переписут на положительное. Это моя забота. Но у меня есть одно условие. Почему нейрохирургия? В нейрохирургии мы отстаем от американцев. Это должен быть врач-офтальмолог. В офтальмологии мы сегодня впереди многих. А потом это же интересно. Не правда ли?

— Да, интересно,— сказал режиссер.

— Итак, если вы согласны на офтальмолога, я готов быть вашим консультантом.

— Я согласен,— сказал режиссер.

— И последнее,— сказал профессор.— Почему наш главный герой должен терпеть поражение? Да ничего подобного. Энергичный, талантливый человек может и должен пробиться. Наш фильм должен вселять надежду идущим за нами следом.

— Нет,— сказал режиссер.— К сожалению, сегодня пробиваются немногие. И поражений пока больше, чем побед. Я не буду снимать фильм о победителе.

— Но ведь бывают и победители,— возразил профессор.

— Бывают,— согласился режиссер.— Вы, например. Но это еще не значит, что надо вводить в заблуждение миллионы мальчиков и девочек, которые идут за вами следом. Профессор взглянул на часы, и я понял, что мы проиграли. Режиссер встал, я тоже.

— Может быть, вы и правы,— сказал профессор. Я ждал, что он добавит: «но я остаюсь на своей точке зрения», но профессор ничего не добавил.

Через неделю на студию пришло заключение, что министерство здравоохранения одобря-

ет сценарий о советском враче-офтальмологе, хотя мы в сценарии не успели нейрохирурга заменить на офтальмолога. Профессору верили на слово.

Я не просил режиссера пробовать меня на главную роль, он мне ничего не обещал, но никто не сомневался, что я буду пробоваться на главную роль, никто больше меня не сделал для этого фильма. Когда начались кинопробы, ассистент режиссера по актерам позвонила мне первому.

Приезжали актеры провинциальных театров. Они отличались от местных, столичных, повышенным зарядом энергии. Существует миф, что в Москве все несутся, все решается на ходу и нет никого пронырливее москвича. Это глубокое заблуждение. В Москве бегут в основном приезжие. Москвич экономит силы, как опытный боксер, и бросается в атаку только в нужный и единственно возможный момент.

Если бы приезжали коротышки вроде меня, я был бы спокоен. Маленьким меня трудно переиграть. Но приезжали самые невероятные: толстые, худые, очень высокие и среднего роста, и возраст колебался от тридцати пяти до пятидесяти, самый зрелый актерский возраст, в эти годы профессиональный актер многое умеет.

Кинопробы шли почти три месяца, и вот сегодня утром позвонил режиссер. Обычно на просмотр кинопроб актеров не приглашают. Сообщают уже о свершившемся или несвершившемся. Для преуспевающего актера, если утвердили — прекрасно, не утвердили — не самая большая трагедия. Это ведь только роль на месяц, а не должность на много лет вперед или до конца жизни. Но это для актеров, которые сыграли не одну главную роль. Я претендовал на главную роль впервые, маленький принц не в счет — кто в детстве не подавал надежд.

Таксист подъехал к студии. До просмотра оставалось еще двадцать минут. Я растягивал, как мог, эти минуты, заговаривая с каждым знакомым, чтобы не оказаться раньше режиссера. К просмотровому залу я подошел за три минуты до назначенного времени, режиссер уже сидел у микшера. В зале больше никого не было, и я забеспокоился. Если все решилось, то зачем это скрывать от ассистентов и редакторов?

— На главную роль мы попробовали четырнадцать актеров, — сказал режиссер. — На обсуждение выносим троих. В их числе и вы. Но до обсуждения мы с вами должны решить, кого отстаиваем.

— Меня, — попытался я пошутить. — Я про себя все знаю, я могу даже и не смотреть.

— Посмотрим все-таки. Это интересно. — Режиссер сказал в микрофон киномеханику: — Начали...

Первым был парень явно способный, но стандартный и по внешности, и по рисунку роли. Таких ученых, особенно физиков-теоретиков, химиков, гениальных композиторов — молодых, нескладных, в очках — я видел в десятках фильмов. Я начал успокаиваться.

Потом был я. Снимали на видеопленку, в основном на крупных планах. Я огорчился сразу. Набрякшие мешочки под глазами выдавали возраст, хотя перед съемками я сутки принимал мочегонное. Играл я неплохо, может быть, даже лучше, чем всегда, правда, приспособления были видны, задирали брови, когда удивлялся, слишком стремительно шел на партнера, демонстрируя энергию, но чем дальше я смотрел, тем больше нравился себе. В моей трактовке что-то было. Маленький, но мужик, такого не сложишь.

И наконец пошел третий. Из Калужского театра. Этот был самый молодой, чуть больше тридцати, спортивный, раскованный. Он не играл отрешенность, как первый, не доказывал, как я, что маленькие люди тоже люди. Он просто жил, ходил, смеялся и терпел поражение потому, что не мог выиграть в четко расставленных и спланированных ловушках интриги. В конце эпизода была сцена, когда герой плакал. Первый парень плакал хорошо, пытаясь скрыть слезы, — он не хотел, чтобы увидели его слабость. Я плакал мужественно, слезы катились, я их не вытирал. Меня наверняка бы жалели миллионы женщин, которым за сорок.

А калужский просто плакал. Всклипывал, шмыгал носом и даже сучил ногами, как маленький, плакал от бессильной ярости и боли.

Что уж тут говорить. Это был очень интересный парень. Может быть, даже талантливый, об этом еще никто не знал, но узнают, когда он сыграет эту главную роль. Но я-то видел, что он сделал уже и что может еще сделать. Это всегда видно. Я люблю включать телевизор на середине фильма, и мне достаточно несколько минут, чтобы понять, способный ли режиссер, это видно в каждом кадре. Интересны ли актеры, это тоже видно в каждом актерском движении. Да и вообще, когда выставляешься на публичное обозрение, все видно.

Просмотр закончился. Киномеханик включил в зале свет.

— Кого? — спросил режиссер.

— Третий, — сказал я.

— Спасибо, — сказал режиссер.

— Да ладно, — сказал я.

— Но у вас право сыграть в этом фильме любую другую роль,— сказал режиссер.
— Право не дают, а берут. Я на этот раз не взял. Может быть, возьму в следующий,— сказал я и тут же подумал, что следующего раза у меня уже не будет.
— Когда обсуждение проб? — спросил я.
— Через час,— ответил режиссер.
— Скажи, что я за третьего,— попросил я. Нормальная слабость. Мне хотелось, чтобы все знали, что я сам принял решение, хотя режиссер, независимо от меня, все давно решил. Как профессионал я понимал профессионала.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел. Теперь меня беспокоило только, чтобы не встретить ее. Она знала мои привычки. Я обычно уходил со студии через холл рядом с гардеробными, там всегда можно встретить знакомых актеров, обменяться новостями. Она, наверное, ждала меня там. Я двинулся к другому выходу, прошел через стеклянную галерею, пронесся через проходную, изображая опаздывающего человека, вскочил в троллейбус. В конце маршрута у Киевского вокзала я вышел и спустился в метро. И только на эскалаторе сообразил, что никто на меня не смотрит и мне не надо изображать озабоченного делами. Судя по всему, дела у меня вообще теперь пойдут нескоро.

Вышел я на Белорусской. В Доме кино ресторан был еще закрыт, и я направился в пельменную напротив. В последние месяцы мне всегда хотелось есть, каждый час я думал о еде, но сдерживался, проходя мимо столовых и буфетов.

— Две порции пельменей,— заказал я. Это было компромиссное решение. Я теперь всегда помнил о своей с таким трудом добытой стройности.

В пельменную вошел подполковник с эмблемами строительных частей на петлицах. Подполковник был маленького роста, может быть, даже меньше меня. И поэтому я сразу включился, ведь мне еще ни разу не приходилось играть подполковников.

Подполковник, предварительно спросив разрешения, подсел за мой столик. Судя по новому мундиру, он был явно из провинции, столичные военные в будние дни пользовались поношенными мундирами.

Подполковник заказал салат и пять порций пельменей, набегался, наверное, за утро по военным конторам или магазинам. Он протер ложку и вилку бумажной салфеткой, разложил на коленях носовой платок, чтобы не запачкать брюки. Подполковник все это проделал основательно и спокойно. А чего ему не быть спокойным. Судя по возрасту, он уже выслужил свои календарные двадцать пять лет, после которых военных обеспечивают солидной пенсией. А я уже тридцать лет снимался в кино и до пенсии мне было больше десяти лет.

Я вдруг подумал, что подполковник, просыпаясь утром, не ждет, что ему по телефону сообщат о присвоении генеральского звания, как жду я, что мне позвонят и предложат главную роль. Жизнь есть жизнь, и чтобы быть генералом, подполковнику надо обязательно вначале быть полковником. А может быть, подполковник даже уже и не мечтает о каракулевой папаше, которой полковники отличаются от подполковников, потому что папах намного меньше, чем подполковников.

Конечно, у военных всё немного по-другому, чем у нас. В кино можно выиграть в лотерею. Но играют многие, а выигрывают все-таки единицы. Я не выиграл. И я принял решение. Свои великолепные фарфоровые зубы я, конечно, оставляю, потому что хорошие зубы — это хорошее пищеварение, актер должен быть здоровым. Я прикинул, что десять килограммов, чтобы появился двойной подбородок, складки на затылке, чтобы живот переваливался через ремень, я наберу за месяц. Если кино я нужен только таким, я таким и буду. Подошла официантка.

— Еще три порции пельменей,— заказал я и подумал, что впервые за полгода я досыта наемся. Подумал об этом с облегчением.

КОНКУРС ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ!

У нас возникли сомнения: не излишне ли специфично, узкопрофессионально называется наш журнал? Самое слово «киносценарии» не звучит ли наподобие, скажем, «Химические волокна» или «Вопросы вирусологии»? Мы-то ведь надеемся на внимание широкого круга читателей. Чтобы разрешить свои сомнения, мы объявляем **КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА**.

ПРЕМИЯ ПОБЕДИТЕЛЮ — БЕСПЛАТНАЯ ПОДПИСКА НА 1993 ГОД!

Звоните нам! Пишите! Мы ждем.

P. S. А может быть, Вам нравится нынешнее название журнала и Вы вовсе не хотите, чтобы оно изменилось?

Рассказы киносценаристов

Юлий Дунский, Валерий Фрид

ЛУЧШИЙ ИЗ НИХ

В начале 1955 года я посетил моих старых друзей Юлия Дунского и Валерия Фрида, будущих знаменитых киносценаристов, чьи сценарии и поставленные по ним фильмы («Служили два товарища», «Гори, гори, моя звезда...», «Экипаж» и еще три десятка других) хорошо известны. Отбыв от звонка до звонка лагерный срок, оба вышли на вечное поселение в Инте, жили в «шанхайной» хибаре, сложенной из каких-то ящичков, и, имея незаконченное высшее образование (три с половиной курса ВГИКа), занимали престижные должности дежурного на водокачке (Фрид) и нормировщика ОРСа (Дунский).

Я привез в Инту подарок — пишущую машинку «Москва». Друзья отдарились по-царски: тетрадкой с посвященной мне маленькой повестью, которую вы сейчас прочтете. Это был второй вариант, первый — записанный в лагере — сгорел в печке во время шмона. Сами авторы не называли ее повестью, а скромно говорили, что это так, лингвистическое этнографическое упражнение, составленное для фиксации тогдашней фени и лагерных нравов. Однако ее первый слушатель — еще в зоне — поэт Ярослав Смеляков дал повести дружную оценку. «Кармен», — сказал он.

Что же касается психологии и нравов урков, их языка, то они зафиксированы, действительно, с поразительной точностью. Свидетельствую как бывший зек, прошедший, правда, гораздо меньший срок обучения по сравнению с их «десятилеткой». Странное смешение неграмотных оборотов, «интеллигентных» выражений и неожиданных архаизмов, вроде древнееврейского «динтойра», не должно удивлять, недаром лагерь называют академией.

С тех пор прошло почти сорок лет, за эти годы и авторы и я сам не раз читали повесть узкому кругу друзей. Но никто и надеяться не мог, что наступит день, когда можно будет опубликовать такое...

Доктор физико-математических наук
М. Л. Левин

...Юрок, я справедливый человек. Скажи: Шурик гад, Шурик негодяй, Шурик десять лет лишних живет — пускай, ладно; но я, блядь, справедливый человек. Я себе лучше язык вырву, чем скажу на черное, что это белое. И за это я всю дорогу терплю.

Что ты обо мне знаешь? Что я стопроцентно ссученый, трижды проигранный, что за мной давно колун ходит. А что Шурик был зодотой вор-универсал, за это никто не вспомнит.

Я гастролировал по всему Союзу от Батума до Владивостока, и мое имя гремело. Я пять раз под вышкой сидел, из Владимирского изолятора брал кабур и ушел с концами; да что, я с Колымы два раза отрывался! Первый раз активировался с понтом, а то сменял червонец на сухаря и с первым пароходом на материк.

Это я у Френкеля на БАМе кожаное пальто ебнул; если кто другой будет хлестаться, смело плюй ему в шнифты.

Кто мы были? Веселые нищие, безвредные насекомые. Ни троцкистов, ни хуистов мы в глаза не видели. Тогда и не такие номера пролезали.

Один аферюга ушел с Сахалина за нач. сано. Ксивы, ланцы — все было тики-так. И представь, погорел на мелочности. Уже на Чукотке вылезает из самолета, какой-то туз кинулся ему дверки открывать, а он, падло, возьми и грохни:

— Спасибо, гражданин начальник...

Теперь другой период времени. Крах босякам, пиздец закону. Нет уже справедливых воров, я был последним. За это меня и приземлили. Юрок, ты фрей, но в курсе воровской жизни. Я тебе расскажу, и ты поймешь.

В сорок пятом году я чалюсь на Вологодской пересылке. В каморе народу хуем не повернешь. На верхних рямах кодро — пятнадцать лбов. Все законники, полнота, некого на хуй послать. Жранья от пуза, смолы цельный сидор висит на стенке, — подходи, шмолай. Сам знаешь, кому кичман, кому дом родной.

Все мои жуки молодые, нахальные, дерзкие на руку и на язык. Делать им нехера, и от нехера делать они с отбоя до отбоя ведут толковище. Ковыряются в чужих душах и ищут солдатскую причину, чтобы кого-нибудь землянуть. А я это всегда презирал.

Я сам авторитетный правила и глотка у меня луженая, но я в это темное дело не лезу. Дохну или катаю под юрцами с пацанами. Потому что я знаю: если я встряну, то не выдержу ихней несправедливости и обязательно с кем-нибудь заведуся.

А был там некто Борода, старый честный вор; из тех воров — еще кандалы обосрал. Когда я в Питере в двадцать пятом году еще бегал по городской, он уже был родский, но нас, пацанов, уважал.

И вот они приеблись к этому Бороде. Они кричат:

— Борода, ты блядь. Ты сука. Мы тебя лишаем воровским куском хлеба.

А он авторитетный старик, но тихий и не может за себя слова сказать. Он им по-хорошему: — Побойтесь хуя, ебанный ваш рот! За что вы меня на старости лет лишаете воровским куском? В рот меня ебать — моя воровская совесть чиста!

Они на него прут:

— Нет, ты блядь. Ты работал подрывником, и значит ты был в доверии.

Он им ботает:

— Чем вы меня попрекаете? Я работал подрывником, но все ворье кантовалось при СВВ. Пускай скажут люди!

Тогда эти охуевшие правила толкуют:

— Хорошо, мы это проверим, а до выяснения мы тебя отходим сапогом по ребрам. Клади крапки на баш.

У меня сердце горит, но я молчу. А старая мандава уже сам лезет на середку, сымает френчик и ложит грабки на калган. Ты понял, Юрок? Этого я уже не мог терпеть.

Я выхожу к ним и говорю тихим голосом:

— Борода, ты чокнулся? Не позорь свой авторитет. Лезь на юрцы. Я за тебя отвечу.

А у меня уже и зубы клацают. Ленчик-Воркута — он у них хлябал за старшего блатного — мне ботает:

— Шурик, ты чего?

А я ему ботаю:

— Ничего. Хуй через плечо, вот чего. Отъебитесь от человека, вот чего.

Никола-Мора кричит:

— Ссыте на него, он с ума сошел!

А я ему ботаю:

— Ай, братка, ай Кирилла Кириченко, а полезай под нары, падло позорное, мы с тобой

в Халмер-Ю потолкуем, с гамашним ворьем.

Я знал за его грязные дела на севере. Никола засох, но Ленчик, настырное падло, нахально пырнется на рога.

— Шурик, ты не прав. Смотри, не бери на себя лишнее.

А, думаю, так вы уже на меня хвост подымаете? Ладно, я тебе скажу. И говорю:

— Кого ты тынешь, псенок? Змеёныш, с кем ты заедаешься? Что ты понимаешь в законе? Что вы все знаете о взрывниках? Я ебу вашу невысказанную?

динтойру! Я сам работал подрывником на БАМе и на ББК. Вольняги к нам и носу не совали, бздехали этой легкой работы. Когда мой кореш подорвался на отказе, я в двух котелках приволок в зону все, что от него осталось. А вы тут ставите свои шалыпинские права, твари позорные, падлы, блядская отравал!!!

Я вижу, они забздели. Ленчик кричит:

— Брось, Шурик, не психуй...

А я ему:

— Соси ты сифилисный хуй!

Я чувствую, что говорю лишнее, но уже не могу остановиться. Меня несет.

— Господи ебаный мой боже! Ты все видишь — чего же ты не стреляешь? Есть на свете справедливость? Нет, блядь, справедливости! Я воровал в период нэпа, когда вы еще в пизде сидели и не выглядывали. Вы в колхозе колоски воровали, когда за мной уже ходило сорок лет срока. Где вы были в ту зиму, когда нас Курилка ставил на пеньки, обливал водой на Соловках, в двадцати километрах от Советской власти? Где вы были в тридцать седьмом году, когда все кюветы за Бутытками были забиты воровскими телами? Где вы были во время колымского произвола, когда Павлов ликвидировал рецидив, когда нас шмоляли без суда и прокурора за рыжие фиксы, за белые руки? Вы по битому льду босиком бегали? Вы человечину хавали? Вы кашу из говна варили?.. Кто вы такие, сучье кодро, самозванцы?.. Зачем я на свет родился, зачем меня в Москве трамвай не переехал, зачем я не пошел в милицию служить, чтобы не быть с вами в одном законе? Я ебу вашу родословную на сто верст в окружности, псы, бакланье, подлючие творения; я ваш рот ебал, я вашу веру ебал, я вашу совесть ебал и цель вашей жизни! Лезьте под нары, гады, порчаки, трескуровская псарня, лезьте под нары, пиздорванцы, и засохните там навек!

Я им ботаю, а сам соображаю: сейчас начнется кордебалет. Потому что таких слов ни один вор вынести не может.

А они уже рвут доски с нар.

Теперь я должен сбить роги Ленчику и Николе, остальные все — натуральные торбохватки и без этих бодаться не будут. В рукаве у меня был притырен приличный саксан.

Ленчик прыгает на меня, я отваливаюсь в сторону, гребу его за хобот, вынаю саксан, и уже намахнулся, но тут меня как током прожгло: Шурик, что ты делаешь. За это тебя приземлят.

Потому что, пока нас не рассудили, он в законе. И я поворачиваю руку и катаю его между рог колодочкой. Бей в лоб, делай клоуна!

Ленчик с копытов, а я поворачиваюсь кругом себя, потому что по моему расчету Мора обязательно зайдет с жопы. Точно: он уже намеряется доской. Гуляем по буфету!!! Как я приварю ему тырса!.. Никола загремел к параше, а остальная хевра сбилась в кучу и не знает, на что решиться. А я беру их на бас. Кричу дурным голосом:

— Ложись, фраера! Легкой смерти захотелось?

Это у меня прием такой, вроде психической атаки. Ужасно действует, как-то морально убивает.

Фраера шур-шур под нары, да и мои духарики приуныли. Ленчик лежит в бессознании, хитрокопый Мора уже отполз к дверям — мне можно лезть к себе на юрцы.

И тут Борода, еби его в гробину мать, хватает дубовую крышку от параша, подлетает к Ленчику и коц его по черепу! Тоже был принципиальный, падло. У Ленчика и мозги на стенку.

В каморе тихо стало, слышно, как муха перднет. Я говорю:

— Эх, Борода, Борода. Дожил ты до седых мудей, а ума не нажил. Ты думаешь, я не мог его прибрать? Я мог, но сознательно воздержался. А теперь нашли мы приключение на свою сраку. За это нас обоих пустят под откос.

Я велел фраерам замыть пол, а Ленчика затащить под юрцы, с понтом он дохнет; отдал пику пацанам, послал босякам на первый этаж парашют, с описанием, как было дело, а сам сел с Бородой хавать: я знал, что через полчаса нас крутанут.

Дубак через волчок ливер бьет, почему в каморе тихо, но не додует, что к чему. Кнокай, кнокай, пес, скоро дотумаешь!.. Похавали мы, и Борода толкует:

— Шурик, я объявлю.

А меня зло взяло:

— Чего ты заладил — объявлю, объявлю... Ты лучше крошки с бороды смети, грозный объявитель!

Он, правда, ничего не сказал, смахнул крошки и пошел объявлять. Постучал в кормушку и кричит:

— Дежурный, уберите труп.

Тут набежала вся псарня — и режим, и прокурор. Бороду вертят, а через час выдергивают и меня. Сажусь в трюм, и волокут меня по кочкам и по корягам. Грязь, блядь, сырость, сосаловка.

Борода отшивает меня вчистую и получает довесок до червонца; мне лепят два месяца штрафняка, и с первым вагонзаком я гремлю в Севдорлаг. А мне хоб хуй. Я даже рад: ты шутишь, полгода бимберу не видал, человеческого мяса не хавал.

Заваливаюсь в зону, как могорам. У вахты штопорю огольца и толкую:

— Тут люди есть?

Пацан кричит:

— До хуя и даже больше.

— Кто да кто?

— Никола Сибиряк, Мишанька Резанный, Лева-Жид, Змей Горыныч, Мыня Заика — не саратовский Мыня, сучонок, а другой Мыня.

Я ему ботаю:

— Сынок, чеши к ним, скажи, Шурик Беспредельный приехал.

Это теперь меня зовут Чума, а тогда у меня была кличка Беспредельный, потому что я имею беспредельный душок.

Пацан оборвался, а я сел на сидор и жду. Всех этих воров я знал, а с Жидом я бегал еще по воле, в Киеве, он был золотой щипач. И мне очень интересно, как они ко мне сейчас отнесутся.

Проходит десять минут — их нет. Проходит полчаса — ни одной бляди. Что за еб твою мать?.. Я подымаюсь и сам чимчикую в ихний куток. Заваливаюсь в кабину. Нихера себе, кучеряво живут: на нарах подушечки, хуюшечки; все кодро сидит у стола, кушают кислое молоко из ведерной параши. Я кричу:

— Здорово, малы!

— Здорово, Шурик, — отвечают и продолжают штевкать. Вот так хуй, не болит, а красный.

— Да что вы, — говорю, — псы? Уху ели или так охуели?

А Змей Горыныч толкует:

— Псы, да не суки.

Ты понял? Это он дает набой, что будто я суканулся.

У меня аж в горле перехватило. Стою и не могу дыхнуть. Что мне делать? С ходу пороть их? Бесплезняк — их же пять рыл. Качать права? Нет, думаю, хуй вам в горло, господа воры. Ничего я им не сказал, сказал только:

— Эх, урки, вот какие ваши мнения!

Повернулся и пошел в барак.

Лежу на юрцах, грызу щепочку и размышляю. Вот, Шурик, ты и под откосом. Отгулялся по цветной улице. Попал ты в непонятное и непромокаемое... Но ничтяк — я был и буду в вантажах, а они, позорники, еще наплачутся. Раз такое дело — петушки к петушкам, раковые шейки в сторону.

После проверки я встал и канаю к нарядиле. Нарядила на койке, в носочках — отдыхает. А рядом помпобыт, шпилит на гитаре. Как они меня надьбали, то оба заметили икру. Нарядила с лица переменялся, а Серега-помпобыт кинул свою музыку и лезет под тюфяк: наверное, там он ховал перо.

Кричу:

— Добрый вечер, господа суки.

— Добрый вечер, Шурик, — ботают, — чего пришел?

— Пришел толковать на понял-понял. Сучьего полку прибыло.

Они на меня шнифты вылупили:

— Шурик, ты в натуре?

— Сказано — сымаю погоны. Кажите масть!

Они толкуют:

— Какой разговор! Буби козыри, все в наших руках. Принимай лобую колонну.

Помпобыт маячит нарядиле, тот волокет из заначки пузырек одеколону, миску жареной картошки. Шурик мне толкует — нарядилу тоже Шуриком звали:

— Садись, похаваем.

Это они делали проверку, потому что если я к ним пришел с целью, то хавать с ними не стану ни в каком разе. Сели мы, покушали все вместе, и на этом окончилась

моя воровская жизнь.

Юрок, кем я с тех пор только не был — и нач. колонны, и комендантом, и нарядчиком, и зав. ШИЗО. Преступный мир от меня стонал. Я доклялся мстить им и мстил беспощадно. С Княж-Погоста воры телеграфят: Бороде на граверном карьере отрубили грабки, жди своей очереди. А мне похую. Шурика, моего тезку, зарубили в бане. После этого я совсем очумел. Тогда мне и дали новую кличку.

Как я над ними гулял! Помню, приехал начальник восьмой дистанции и расплакался: жуковатые забрали власть в свои руки, по зоне пройти нельзя — та еще кромсаловка, каждый день на кухне свежее мясо. Просит меня на усмирение.

Я приезжаю на восьмую и объявляю сучий террор. Там были дела!.. Я три ночи не спал ни грамма — наводил порядок. Они от меня на проволоку лезли, искали по зоне пятый угол.

На четвертые сутки выхожу к разводу, а все мои жуки-куки уже стоят у вахты — в рукавицах, в чунях, в бушлатах сорок четвертого срока... Лопни мои шнифты, блядь, человек буду!

Я встал на пенек, как Наполеон, и толкнул им речугу:

— Позор вам, воры! Сегодня я вас выеб в рот, а завтра весь Советский Союз узнает об этом. Идите и пашите до кровавых соплей. Роги в землю, господа олени; потому что на лбу у вас написано: «вкальвовать», а на жопе — «без выходных».

Сказал, и пошел спать.

На этой восьмой я и притормозился. Жил, сам понимаешь, свыше грабежа. Начальство меня кнокало, контингент бздед. Повара и каптеры на кукане, шалашня ко мне так и липнет. Хуй ли — держу все вантажи и на личность авторитетный. Но я с ними мало занимался. Оттолкнемся — и жопа об жопу, кто дальше прыгнет. Они же все материалистки, бляди.

Конечно, на мне где сядешь, там и слезешь; вот я над ними чудил правильно. Одну дешевку обстриг, увешал всю банками-жестянками, потом юбку на голове завязал и выпидком из барака — гуляй, девка!.. Это от меня мода пошла — банками увешивать. А одну дешевизну велел дневному говном облить. Мужики со смеху поусерались. Я вообще в компании очень шибутной, со мной не соскучишься.

В мае к нам пригнали кировский этап, и в том числе приходит одна Вика, москвичка — чистопородная воровайка, голубых кровей. Саму, говнюшку, соплей перешибить можно, а нос дерет до небес.

Все мои недобитые коки-наки вокруг нее, ясное дело, кобелятся, но она держит стойку. У нее в Ягремлаге остался какой-то гусар, питерский штопорила, так она для него берегла. Ксивы он ей катал — на восьми листах. Не ксива — Библия, еби ее мать!..

В субботу у нас, как положено, танцы. Я, как комендант, должен там показаться, чтобы помнили, что над ними есть бог и прокурор. На мне эстонский лепенец, расписуха, прохаря наблещены, на грабке перстенок. Я всегда чисто ходил.

Заваливаюсь в столовую, становлюсь у дверей и кнацаю. Все притихли и ждут, когда я уйду. А Вика сидит на столе, со своей гоп-капеллой, и кричит мне через весь зал:

— Здравствуйте, господин гад!

— А,— говорю,— прелестная воровка, обосрала хуй, плутовка! Здорово, здорово.

Она кричит:

— Товарищ комендант, вы такой видный мужчина, а никогда не споете, не сбцаете. Вы не можете или у вас есть затаенные причины?

Я ей ботаю:

— Я с тобой станцую, когда у тебя на лбу вырастет конский хуй в золотой оправе. Но у тебя есть кодро трехнедельных удалцов, и если ты желаешь, то они сейчас будут у меня бацать и на голове, и на пузе, на двенадцать жил, на цыганский манер.

Все ее жиганы втянули язык в жопу и в прения не встречают.

А она вдруг толкует мне:

— Скажите, Шурик, зачем вы сменяли воровскую славу на сучий кусок? Или вам не хватало?

Хотел было я ее тянуть, но не стал портить настроения. Сказал только:

— Гадюка семисекельная, не тебе меня обсуждать. Входить в мои причины я с тобой, мандавошкой, не намерен.

И ушел на хуй.

Проходит дней несколько, и она пуляет мне ксивенку:

— Мне нужно с вами поговорить об очень важном.

Я эту ксивенку порвал и хожу как ходил.

Однажды по утрянке она меня штопорит у конторы.

— Вы получили мой пропульт?

— Получил, — говорю. — Что из этого?

— У меня есть к вам разговор.

Я ботаю:

— О чем нам с тобой толковать? Ты крадунья, законница, а я убежденный сука, вечный враг преступного мира. Иди и забудь меня. Попутного хуя в сраку!

Поканала она от меня, а сама худенькая, щуплая, как воробьенок. Мне даже ее жалко стало. А, думаю, ни хуя! Подумаешь, принцесса Турандо!..

Вечером с сельхоза приезжают бесконвойные возчицы. А там была одна Ленка, которую я раньше харил. Я ее волоку к себе в кабину, пошворил и отпустил в барак ночевать. Только заснул, в окно стучат:

— Шурик, беги в женскую зону, Вика твою Ленку порезала.

Я схватываюсь и — туда. Залетаю в барак — гвалт, хипеш, бабы все голые, лохматые — тьфу, обезьяны! Ленка на полу, вся в краске, базлает не своим голосом, а Вика с пискной сидит на своих нарах.

Я к ней подошел, тырсанул разок, отмел мойку и говорю:

— Собирайся!

Она ничего — встала, пошла. Вышли мы на двор, и я ей толкую:

— Дура ненормальная! Ну, на хуя она тебе сто лет усралась? Теперь тебе верняком карячится срок. Чего вы с ней не поделили?

А она заплакала и ботает:

— Я ее пописала за то, что ты с ней шворился. Учти, я всех порежу, с кем ты будешь. И тебя порежу. Я тебя люблю и не могу без тебя жить.

Ты понял? Меня любит и меня же порануть собирается. Что ты хочешь, Юрок, бабы — это ж такая нация!.. Меня смех берет.

— Ах, — говорю, — падлюче творение! Вот ты чего замыслила! У-у, гуммозница, поносница, дристополетница!!! Бежи в кандей, спасай свою дешевую жизнь! Сейчас я тебя работаю начисто!

Она от меня как рванет. Я за ней. Она бежит и ревет — та еще комедия! Пригнал ее в пердильник, запер в одиночку:

— Посиди, — говорю, — девка, охолонись!

И пошел к себе. Снял тапочки, лег, а спать неохота. Я лежу и думаю: все-таки она в меня здорово врюхалась, раз выкидывает такие коники... С кем я вращался до этих пор? Твари, двустволки, продажная любовь! Разве они способны на сильное чувство? Сколько ж так можно жить — менять харево на варево? Может, я теряю свой золотой шанс?

Утром встаю, топаю в ШИЗО. Набрал с собой бациллы, сладкого дела, мандрабеляшки, сую ей в кормушку:

— На, принимай передачку!

Она на меня шары выкатила, а у самой от слез на щеках грязные полоски. Засмеялся я:

— Эх, ты, богиня джунглей! Иди, умойся, я тебе полотенце с пацаном пришло.

А сам пошел в санчасть.

Я всегда знал, с кем кусь-кусь, а с кем вась-вась: с ходу дотолковался, и в тот же день Вику суют в этап на сангородок. Надо было убрать ее с ОЛПа, пока не завели дела.

Вика кричит:

— Шурик, я твоя навеки. Жди меня.

Она уехала, а я, Юрок, — ты согласишься? — совсем охуел. Всю дорогу мысли про нее. Думаю, может, она, сучка, там подвернула кому-нибудь?

Все этапы с сангородка — дождь-не дождь, — я встречаю у вахты.

И, наконец, с этапом доходяг приходит моя Вика. Как она меня увидела — кинулась, схватилась вокруг шеи и аж застенела.

— Что ты, — говорю, — падла, опомнись. Люди смотрят.

И повел ее к себе в кабинку.

Так мы с ней и зажили. Приду вечером, Вика сидит, чего-нибудь мастырит — занавесочку там или марочку расшивает; хаванье уже на столе. Кашку, шлюмку — эту лагерную стрихнину мы с Викой не кушали, для нас на стационарной кухне отдельно готовили. Я штевкаю, а она сядет рядом и давай разводит баланду: ты и такой, ты и сякой, с кушем тебя нету, ты красюк, ты один человек, я как тебя надыбала, так с ходу на тебя упала. И так и далее.

Дело прошлое, я тоже ее уважал. Как барыга бегал по зоне, обжимал чертей за ланцы — исключительно для нее. Одед ее как картиночку: чулочки, корочки, бобочки — полковника Коробицына жена так не ходила, как моя Вика.

Да что там толковать — лепилы сказали ей козье молоко пить для здоровья, так я для нее козу купил и держал в пожарке. Козу, бляды! Вспоминать совестно. Но Вика, между прочим, как была фитилек, так и осталась. Хавала одну атмосферу.

Вообще в ней ничего такого особенного не было: разве что глазищи как фары. Ну, и фигурка аккуратная, и подстановочки под ней тоже ничтяк. А как она шворилась!.. Юрок, лучше ее как женщину, у не встречал.

Раньше я ходил под колуном и не оглядывался, а теперь как-то начал беречься: жизнь, что ли, милее стала, хуй ее маму знает. По ночам запирался на двойной пробой, ложусь спать — тесак всегда под подушку.

Я ей часто толковал:

— Вика, учти, что к преступному миру тебе возврата нет, надо менять курс жизни. Я ебал тот пароход, который говно возит. Что мы, в натуре, богу в бороду нахезали? Хочется ведь пожить на воле! Сроку у нас с хуеву душу — давай завяжем?!

Ты поверишь, Юрок, я даже мечтал до освобождения пацана замастырить, удивить советскую власть.

— Шурик, а ты когда освобождался?

— Хуй в рот. Теперь я плыву и берегов не видно. Мне намотали на всю катушку.

— За что?

— За то, за это и за два года вперед. Сказано тебе, всю дорогу горю за справедливость. Ты слушай.

Раз ночью меня будит пацан Толик, мой помогайло. Кричит:

— Шурик, подъем, пригнали этап с центрального изолятора.

Я моментом собрался: все штрафные этапы я лично просматривал с ходу по прибытии, потому что всегда мог ожидать товарища с топором навстречу. И принимал их всегда в бане, это самое безопасное место: голые люди как-то к драке неспособны.

— А ты говорил, что Шурика-нарядчика зарубили в бане?

— Хуй мамин, ты все равно как деревня. Его работнули, когда он мылся, понял? Отрубили бóшку и закинули в чан с кипятком...

И вот я канаю в баню. Они уже моются. Хевра приличная, рыл двадцать. Фраеров согнали на пол, сами лежат на лавках, парятся.

Я прохожу с понтом по делу, а сам давлю косяка. Все вроде незнакомые. Какая-то тварь кричит:

— Чума, тебе привет от Бороды. Учти, ты свое отходил.

Я остановился и поглядел на них. Ты знаешь, Юрок — у меня взгляд очень страшный, его люди не выдерживают.

Они все попрятали шнифты, и только один молодежь настырно плятиса на меня. Я еще постоял, пока он не отворотил ебальник. Тогда я толкую:

— Что ж вы притихли, грозные рубаки? Кто это у вас такой духарь? Имейте в виду: вы попали в мой кабинет, и на мне ваш курс кончился. Здесь с вами будут разговаривать только на ВЫ: выебу, вышибу... Не работаем, по фене ботаем? Это отошло. Подъем в шесть, развод в восемь. Я научу вас свободу любить!

И вышел без всякого на них внимания. Но про себя я, конечно, маракую: кто это за молодежь, который так настырно зырил? Видать сразу, что цеграш не тутэшний. Во-первых, он с политикой, а чтобы привезти из СИЗО волос, надо быть довольно нотным. Потом у него наколки не по всей шкуре, а только на костылях, так что он может сблочить с себя все до кальсон в любом кругу общества, и никто его не шифранет.

И тут я лоб в лоб стыкаюсь с каким-то немислимим фитилем: одна нога в сурогатке, другая в консервной банке. Он лыбится как майская роза и кричит:

— Шурик, ебанный по черепу!

Тогда и я его рисанул. Это был Никола Слясимский, старый прогнивший сука, в лагере родился, в лагере подохнет. Он мне с ходу толкует:

— Шурик, заруби на хую: здесь скоро будет правильная мясорубка. Это та еще гопкомпания — оторви да брось. Тебе по блату прислали самый центр. Я сам в краснухе катился за фрея, отлеживался под юрцами — с гарантией задавили бы!

— Ничтенка,— говорю,— не первый хуй в жопу. Они у меня будут тонкие, звонкие и прозрачные. Ты мне лучше растолкуй: кто этот молодежь, с политикой, рыжая фикса, на грабке перстенек?

Он кричит:

— Ты в натуре не знаешь? Это ж Мишанька Бог — игрок, каких не было, сумасшедший вантажист; все ворье от Хановея до Ухты ошкурил, как белок. Он у них за паханка.

Я отвел Николу на кухню, велел накормить и дал место в бараке ИТР — он был

мой старый кореш.

Но с этих пор у меня внутри засосало: охота катануть и все тут. Я ведь сам злой игрок и мог обаловать любого чистодела. А на этой восьмой я уже забыл, кто король, а кто дама. И меня ведет сыграть с этим Богом.

Если он сибирский третист, то он у меня в руках, я третистов не уважал. Они все мелочники. И потом мне интересно — откуда ему такой фарт? Что он, бога за яйца ухватил?

Думаю день, думаю два, а на третий вынаю из заначки пресс, откалываю половину — куска полтора,— ховаю в скуло, беру мессырь и иду к ним в барак. С собою прихватываю только Николу.

Заваливаюсь в секцию — они уже делят. Мишанька банкирует. Надыбали меня, побросали колотушки. Я кричу:

— Здорово, волки!

Они кричат:

— Здорово, пес!

Я кричу:

— Бог, я пришел с тобой пошпилить. Ты не против?

Мишанька мне ботает:

— По какой это новой фене суки играют с ворами? Может, ты не в тот барак зашел?

— Нихуя,— кричу,— жидовская вера полегчала.

Ты не прими в обиду, Юрок, это есть такая присказка. Что будто один еврейчик просил нарядилу устроить ему кант и за это посулил отдать все сало, когда получит кешер, потому как ему все равно по ихней вере не положено. И вот, ему обламывается бердыч, а он носу не кажет к нарядиле. Тот заметал икру, летит к нему в барак и видит: жидяра сидит и наворачивает балалас.

Нарядчик кричит:

— Что же ты, падло, делаешь? Тебе по религии не положено!

А тот ему отвечает:

— Ничего, товарищ начальник, жидовская вера уже полегчала.

Так вот, я толкую Мишаньке:

— Садись, жидовская вера полегчала!

— А чем я гарантирован, что ты, если прокатаешься, не наведешь сюда режим? Не забереешь нахально все шмотки?

— Я никогда никому не двигал, и люди это знают. Но если ты хочешь, я могу дать золотое слово суки.

Мишанька кричит:

— Лады.

Я кричу:

— Выдвигай стол на середку! Темно, как у цыгана в жопе.

Это я леплю горбатого, потому что мне нужно быть напрямую против двери. Я сажусь к печке, чтобы никто ко мне не мог зайти с жопы, а Николу ставлю у дверей, с понтом на атанде, а в натуре — на отмазку. В голяшке у него притырена правильная шпага. Я знал, что когда я их напою и стану отрыватья со всем бутером, они меня попробуют пустить в казачий стос, потому что от этих навозных жучков можно ожидать все двадцать четыре подлости.

Они волокут стиры — красивый бой, но домашний. Может, ихнее колотье с фальшем? Ничтяк, на хитрую жопу есть хуй с винтом. Я кричу:

— Бедно живете, господа воры!

Вынаю из чердака фабричный пулемет и ломаю ему целку. Играем коротенькую — любишь не любишь. Я загадываю, Мишанька бьет в лоб. Загадываю вторую — он бьет ее по соникам.

— Да что ты,— говорю,— в жопу ебаный, что ли?

Это я к тому, что есть такая примета, будто пидерам всегда везет в игре. Он лыбится:

— Кто раз даст, другой раз даст — тот еще не пидерам.

Шпилим дальше. Проходит полчаса, и он меня приговаривает за все гроши. Я посылаю Николу за остатним прессом. Катаем по новой. Ебическая сила! Ты поверишь, Юрок,— из десяти галий я беру одну. Дыбаю, может, он фармазонит? Нихуя подобного — играет справедливо. Меня в цыганский пот бросило! Шурик, где твое счастье?!. Посылаю одного пизденыша к Вике за шмотками. Толкую ему:

— Если будет спрашивать, как игра,— кричи: «в говнах».

Пацан вертается и таранит цельный сидор барахла; но хуй ли толку, если Мишаньке всю дорогу масть хезает? Бьет, подлина, и куши и семпеля. Через час я без ланцев —

залысил все до последней тряпки.

Опять посылаю к Вике: у нас были заначены маленькие рыжие бочата с лапой. Смотрю, она прется сама:

— Шурик, я погляжу?

А вся уже на галантинках. Я ее, конечно, нагнал:

— Лети отсюда метеором, проститутка, тебя еще тут не хватало!

Она оборвалась, а мы гадаем дальше.

Юрок, черное невезенье! Мне вспомнить страшно, как я летел. Бочата я делю на четыре ставки — и с почерку пропиваю. Сымаю с себя бостоновый френчик, кидаю на кон против летчицкого реглана. Воры кричат:

— Ставки неровные!

Неровные, дешевый ваш мир? Сблочиваю шкеры, отрываю на хуй одну штанину и кидаю на кон, к френчику:

— Воры, теперь хватит?

Мишанька глазом не повел... Пропил я френчик, и ставить больше нечего. Мамочка, мамочка, в какой черный день ты меня родила!.. Мне не жаль ланцев, жаль игроцкой славы.

У меня еще оставался кисет — настоящий жиганский кисет, под вид клоуна. Вика сама мастерила: глазки, волосы. И надпись тоже вышила хорошую: «Сука кури, вор хуй соси». Я кидаю этот кисет; Мишанька ставит лакированные румынские прохаря на высоком каблuku. Воры кричат:

— Мишанька, ты охуел? Ставки неровные.

Мишанька порет мойкой переда и кидает на кон голяшки:

— Воры, ставки ровные?

Он тоже умел давить фасон... Прокатал я и кисет. Никола мне маячит: «Шурик, кончай!» А я уже совсем опизденел. Втыкаю в стол свой саксан — толковый саксан, с наборной ручкой:

— Идет в ста колах?

Мишанька кричит:

— Убери свое перо, может быть, оно обагрено воровской кровью. Не играю.

Я кричу:

— Бог, поверь мне сто рублей. Будет за мной.

Он лыбится:

— Играем на чистые. Прошли крыловские времена.

Я толкую:

— Ты что, охуел? Если я двину — пори меня за фуфло.

Он свое:

— Играю на чистые.

— Да кто ты, — кричу, — человек или милиционер? Дай мне мой шанс.

И тогда он толкует:

— Даю тебе твой золотой шанс: у тебя есть мара. Ставь ее за все вантажи, пытай свое сучье счастье. Проиграешь — прилешь на ночь, а по утрянке забирай обратно. От нее не убудет.

Я хочу сказать — «лады», а у меня зубы не расцепляются, слова не могут выдохнуть. Я кивнул башкой, и он стал тасовать. Зырю на Николу — он белый, как печка; наверно, думаю, и я такой. А, была не была! Назначаю даму крестей — Вика себе всегда на нее гадала. Мишанька делит, и мою даму убивают на последней карте. А мне уже и интереса нет. Все сразу как-то атрофировалось.

Вся хевра давит на меня ливер: чего я буду делать. А я встал и пошел из барака. Прихожу к себе; Вика не спит. Увидела меня и кинулась:

— Шурик, что с тобой?

— Ничего. Собирайся.

— Куда?

— Собирайся. Я тебя проиграл.

— Шурик, ты в натуре?!

— В натуре у собаки красный хуй. Собирайся.

Она на колени, кричит:

— Шурик, что ты наделал? Как я пойду? Ведь я не блядь, не простячка. Ты лучше убей меня, как делали старые воры; пожалей меня.

— А, — говорю, — гадина, и ты против меня! Иди сейчас же, позорная падаль, иди, профура, пока я тебя на кулаках не вынес. Иди!

Она в рев и не идет. Я ее попутал за волоса и поволок. Втолкнул в барак и воротился к себе. В рот оно ебись, думаю. Зато никто не скажет, что Шурик поступил

несправедливо.

Я лег и дохнул до обеда. Мой пацан три раза меня будил, но бесполезно.

В обед просыпаюсь и иду шукать Вику. В столовой ее нет, в бане тоже наны. Может, она обиделась и к себе перешла? Чимчикую в бабский барак. Шалашовки кричат:

— Она не была.

Тогда я налаживаю своего помогайлу:

— На цырлах — найди мне Вику и волоки сюда.

Он толкует:

— Так, Шурик, Вика же в шалмане. Я думал, ты в курсе.

Я так и сел. Ебанные волки, неужели они ее пустили под трамвай? Ну, я им сделаю! Ботаю:

— Толик, кличь Николу, Сифона, Ивана Громобоя и еще кого найдешь. Чешите все к седьмому бараку. Мы им сейчас устроим Варфоломеевскую ночь.

Толик кричит:

— Шурик, бесполезняк. Она сама не хочет идти. Я с ней толковал.

Вот это номер! Нет, думаю, свистит пизденыш. Или не дошурупал чего-нибудь.

Иду сам в седьмой барак. Заваливаюсь в ихний куток и вижу, точно: Мишанька босой сидит на верхних юрцах, в рябчике, флотских клешах, а Вика рядом — и о чем-то между собой толкует.

Я говорю:

— Вика, пошли домой.

Она молчит. Я по новой ботаю:

— Пошли, нехуя тебе здесь делать.

Она обратно молчит, а Мишанька мне ботает:

— Она никуда не пойдет, понял? Она моя жена и останется здесь. А ты вались отсюда, сукадло — твоего тут ничего нету.

Я ему толкую по-хорошему:

— Что ты делаешь? Ты же не будешь с ней жить, воры с сучками не шьются.

А он мне ботает:

— Ничего, жидовская вера полегчала — ты сам говорил. А зачем тебе Вика? У тебя же есть коза, у ней карие глаза — хватит с тебя.

Все уже, блядь, знали за эту козу. Тут и остальные загавкали:

— Пес, лягашка, сучара! Собака, собака, на-ко тебе хуй!..

Но я на них поглядел, и они заткнулись. Я говорю:

— Ладно, я пойду. Но ты, Бог, еще попадешь в мой капкан. Ты у меня будешь бедный.

Он кричит:

— Уж больно ты грозен, сосал бы ты член! (Он матюками вообще не лаялся, брал моду с каких-то прежних немислимых воров, которых не было и нет.) Чеси отсюда, вохровский кобель, пиратюга, стервятник!

А я ему ботаю:

— Я с тобой лаяться не буду. Я тебя в рот ебу.

Он кричит:

— Не тяни меня, сукавидло! Ты меня можешь оттянуть только зубами за залупу — и то с разрешения. Как тебя земля носит, как ты еще смотришь на честных людей и не лопнул твои падлючьи шнифты? За твоей шеей золотой колун ходит, утварь позорная, черная душа, подонок общества! Рви когти, пока живой, лагерная гниль, катюга, Малюта Скуратов!

А я ему ботаю:

— Я с тобой лаяться не буду. Я тебя в рот ебу.

Он кричит:

— Рвотный порошок, ходячая проказа, позор человечества! Где ты был в девяносто седьмом холерном году, сучий обсосок, кусок негодяя?

А я ему ботаю:

— Я с тобой лаяться не буду, понял? Я тебя в рот ебу, понял? Но ты еще проклянешь день своего рожденья. Я на тебя выплюсь. Я тебя буду хавать по пятьдесят грамм. Я тебе кишки вымотаю и на зоне развешу. Ты в пустыне Сахаре от меня не скроешься, и никакая экспедиция тебя не спасет. Запомни, Бог, — ты мой заяц, я твой охотник. Я еще напысь твоей крови. Это я, Шурик Беспредельный, тебе ботаю. Век свободы не видать!

Это старая божба, Юрок, и знающие воры ее уважают. Больше я не стал толковать и пошел в свою хаверу.

Валяюсь на койке день, два — никуда не хожу, даже поверку не делаю. Спать не

могу, курю — табак мне, как трава, пью — вода вроде кислая. Думаю за Вику — чего ей, сучке, надо было?

Конечно, и я перед ней неправ: не к чему было на нее играть — но должна же она понимать, что я был в крайности. А когда человек в крайности, он помнит только свой понт.

В сорок третьем году я чалился в Лабитнанге. Там на каменном карьере ишачила бригада доходяг. Мороз зарядил — заеби нога ногу: градусов на пятьдесят. Работяги накормлены по норме, одеты по форме: кто в телогрейке, кто в одеяле. Никто, конечно, не мантулит, а жмутся все к ташкенту: костер все ниже, фитиль все ближе.

Конвою надоело их от костра трелевать, и он раскидал все поленья. Фитили сбились в кучу и уже шевелиться неспособны, в носу сопли позамерзли.

А тут как раз один шофериска прогрел мотор. И как-то он, мудака, паклей припалил свой комбизон. Комбизон масляный и загорелся как свечка. Шофер по снегу катается, базлает на всю тундру. А блядские фитили бегают за ним и на этом костре грабки греют.

Ты понял? Взял я лом, разогнал их нахуй, сбил огонь... Но это я к чему? Чтобы ты убедился, чего делает человек в отчаянности. А Вика этого не поняла, оказалась такая же дешевка, как все.

Но все равно, я уже не мог без нее.

На третий день меня вызывают в спецчасть. Я вылезаю из кабины, все от меня шарохаются; иду по зоне страшный, как кровосос.

В спецчасти узнаю, что собирают этап на штрафную — прибыл наряд. Я с ходу записываю Мишаньку со всей пиздобратией, а сам выкидываю такую авантюру: вечером посылаю за статистом спецчасти Грейдиным и толкую ему:

— Мишаньку Силанова отставишь от этапа.

Он кричит:

— Шурик, не могу. Списки подписаны.

— Грейдин, перестань сказать. Ты меня кнокаешь? Или, может быть, ты меня в рот ебешь?..

Он был умный мужик и сделал все чин-чинарем: этап уходит, Мишанька один остается. Он крепко заметал икру, но держит фасон, ходит всюду под ручку с Викторией.

Ходи, ходи, Бог, — недолго тебе боговать...

Хляю до кума и раскидываю немыслимую чернуху:

— Гражданин начальник, Мишанька Силанов остался от этапа с целью, по сламе с Грейдиным и должен уплатить. У него уже и колун притырен где-то в зоне.

Кум был бздиловатый конек. Он кричит:

— Делай что хочешь, но найди мне этот колун. А Грейдина, мерзавца, — в лес, на общие работы!

Я ботаю:

— Колун я вам принесу в кабинет, но для этого мне надо потолковать с Силановым.

Через час Мишаньку в наручниках волокут в торбу. После отбоя я заваливаюсь к нему с Николаем Слясимским и Толиком. Кричу:

— Добрый вечер, Бог. Пришел с тебя получить. Чего ж ты молчишь? Ты ведь был такой развитой, языкатый...

...Юрок, он у меня в ногах валялся, сапоги целовал. Мы из него сделали мешок с говном; все косточки потрошили, поломали ребра. Подпоследок посадили жопой об цементный пол и оторвались.

Я велел Толику сказать в санчасть, что у Мишаньки припадок и он весь побился об стены; а сам пошел дохнуть. Между прочим, Мишанька еще часа три хрипел, дневальный рассказывал.

По утрянке меня будит Никола:

— Шурик, ебать мой хуй, горение букс. Мишанька взрезал дубаря, и режим рюхнулся — под тебя копают, роются в задках.

Я ему ботаю:

— Не бзди, кирюха! Дальше солнца не угонят, меньше триста не дадут. Если что коснется, тебя с пацаном я по делу не возьму.

Но теперь я знал, что мне надо действовать быстро, потому что каждый момент меня могли замести.

Иду к Вике в барак. Бабы кричат:

— Она с девочками в КВЧ.

Было воскресенье.

Иду в КВЧ. Вика сидит с какими-то оторвами на скамейке и поют самые паскудные воровские побаски:

Ты не стой на льду, лед провалится,

Не люби вора, вор завалится...

Я ей маячу; она без внимания. Тогда я подошел, взял за руку, отвел ее и толкую:
— Вика, кончай придуриваться. За Мишаньку ты, конечно, знаешь, что он уже труп.
Не сегодня завтра меня крутанут, и я уеду на штрафняк — скажи, ты меня будешь ждать?

А она, как будто не к ней касается, выдернула грабку и пошла к своей шалашне.

Я кричу:

— Вика, учти, дело идет о моей жизни и о твоей жизни.

А она лупится на меня, как гадюка, и вызванивает:

Я стояла на льду и стоять буду,

Я любила вора и любить буду.

Тогда я вытягиваю финяк, подхожу и порю ее прямо по глотке; аж кровь в морду приснула.

Повернулся — в КВЧ уже никого нету, все рванули кто куда, только скамейки поваленные, да Вика на полу, и весь пол в краске. Маленькая была, а крови много.

Сел я, достал кисет, сворачиваю, а руки — Юрок, ты план справлял? По плану человек чувствует, что костыли у него как трехметровые — а переступить порог не может; руки длинные — а взять ничего нельзя. Так и я — знаю, что надо завернуть, а не умею. Посидел я, свернул все-таки и зашмолял.

— Шурик, а о чем ты в это время думал?

— Ни хуя я не думал. Я про гусенят думал. Когда я был пацан, меня мать приставила гусят пасти. А один гусенок был такой пидораст — никак не идет со всеми, обязательно отобьется. И очень доходной — уцепится за стеблинку, вырвет ее и сам на жопу хлопнется. Я с ним воевал, воевал, потом сгреб его в подол и несу. А он, падло, мне всю рубашонку обхезал. Я тогда взял пруток и давай его метелить. А гусыня надыбала это дело и ко мне. Как она меня понесла! И крылами, и клювом, и как хочешь. Спасибо, мать отняла, а то я уж думал — кранты мне. Я потом целый год заикался.

И вот я думаю: ебанный в рот, было же ведь время, когда я гусей боялся. Почему моя жизнь так повернулась?..

Инта, 1952 г.

СЛОВАРЬ

а в натуре на отмазку — в самом деле для защиты
активироваться с пѣнтѡм — обмануть медицинскую комиссию и по акту быть освобожденным
базлѡть — орать
бакланьѡ — хулиганы, наглецы (воры их презирают)
балалѡс — сало
барыга — скупщик краденого
бацилла — жиры
ББК — Беломоро-Балтийский канал
бегать по воле — воровать на свободе
бегать по городѡвой — заниматься уличными кражами
бердѡч — посылка
беспредельный душѡк — беспредельная отвага, сила духа
бѡмбер — спиртное
бить ливер — смотреть
бѡбочки — сорочки, рубашки
бѡсяки — воры, блатные
бѡтать — говорить
братъ кѡбур — делать подкоп
буѡи козыри — все в порядке
быть в вантажѡх — быть в выигрыше
вагонзѡк — спецвагон для перевозки заключенных
в гѡвнах — поровну
в гѡляшке притырена шпага — в голенище спрятан нож
вертят — арестовывают
верхние рѡмы — термин лесосплавщиков, здесь: фигурально — верхние нары
в краске — в крови
в краснѡхе катился за фрѡя — ехал в товарном вагоне, выдавая себя за фѡраера

волокут по кочкам и по корягам — подвергают всяческим неприятностям
 волчок — смотровой глазок в двери
 вóхровский — ВОХР — «вохра», вооруженная охрана
 врѣзать дубаря — умереть
 в ста колáх — в ста рублях
 в тóрбу — здесь: в карцер
 горение букс — мы погорели
 грáбки на баш, на калган — руки на голову
 гравѣрный карьер — гравийный карьер (испорч.)
 давить косякá — искоса смотреть
 дать набой — намекнуть
 двинуть — не отдать проигрыш
 делят — сдают карты
 дешевизна — женщина
 динтóйра — дневнееврейское слово, означающее «суд торы» — высшее воровское судилище
 додуть, дотóмкать — додуматься, сообразить
 дóхнуть — спать
 дубáк — тюремный надзиратель
 духáрики — отважные люди (часто иронически)
 ебальник — рот, здесь: лицо
 жуковáтые, жу́ки-ку́ки и кб́ки-на́ки (шутливо) — блатные, вору
 жу́ки — «жуковатые» — вору, блатные
 законники — полноправные вору
 замести — арестовать
 за ним колун ходит — т. е. вору приговорили к смерти (чаще всего могли зарубить топором)
 кабина — отдельная комнатка в бараке
 кажите масть — объясните ситуацию
 как могорам — как важная персона
 канáть — идти
 кандалы обосрать — побывать на царской каторге
 кандѣй — карцер, изолятор
 кант — легкая работа
 каря́чится — грозит, намечается
 катать — играть в карты
 качать права — выяснять отношения
 кiryоха, керя, кореш — товарищ
 кѣшер — вещмешок или посылка
 кичмáн или кич — тюрьма
 кнáцаю — смотрю
 кнóкать — смотреть (иногда — уважать)
 кóдло — компания
 колонна — подразделение на лагпунктѣ (несколько сот человек)
 колотóшки — карты
 кормушка — прорезь в двери камеры
 Коробищын — реальное лицо, нач. лагеря (Каргопольлага)
 кброчки — туфли
 костыли — ноги
 крутануть — арестовать, взять в карцер
 КВЧ — культурно-воспитательная часть
 ксивы — документы, письма
 кум — оперуполномоченный
 Курилка — фамилия реального начальника лагеря на Соловках
 куска полтора — полторы тысячи
 лáнцы — тряпки
 лепенѣц — костюм
 лепíлы — врачи
 леплю горбатого — обманываю
 люди — вору (остальные: фраера — черти)
 мáлы — ребята, парни
 мандрó-беляшка — белый хлеб
 мантóлить — работать

ма́ра — баба
ма́рочка — носовой платок
масты́рит — мастерит
маячит — делает знак
мессырь — нож
мбра — цыган
на галантинках — дрожит (как желе)
нады́бать — заметить
на кукане — на крючке
на кухне свежее мясо — метафора: кого-то зарубили или зарезали
намотали на всю катушку — дали максимальный срок
напою — обыграю
наряди́ла — нарядчик, з/к, ответственный за назначение на работу
на цы́рлах — живо, на цыпочках (букв.)
нотный — умелый, опытный
обалова́ть любого чистодела — обыграть любого мастера
обхэ́зать — обкакать
ОЛП — отдельный лагерный пункт
отгулялся по цветной улице — перестал быть цветным, т. е. воров
(выведен из закона)
отмел мойку — отнял бритву
отшить кого-то вчистую — взять всю его вину на себя
парашют — записка на веревочке, спускаемая из окна
перо — нож
пика — нож
пи́ска — лезвие безопасной бритвы
подорваться на отказе — пострадать от взрыва несработавшего раньше заряда аммонита
политика — так называемый «политический зачес», как у Сталина
полнота — то же, что «законники», даже с большим упором на безупречность репутации
пори меня за фуфлó — режь меня, как непорядочного
порчаки́ — воры с испорченной репутацией
по со́никам, куши́ и семпеля́ — тонкости игры
похавать — поесть, покушать
пошпи́лить — поиграть
прави́ла — участник воровского толковища
пресс — пачка денег
приземли́ть, земля́нуть — вывести из воровского закона, т. е. из корпорации, лишить прав
пропу́ль — послание
проха́ря — сапоги
протя́чка — проститутка
псарня — тюремный надзор
луле́мет — колода карт
пустить в казачий стос — ограбить (оказачить)
пустить под откос — то же, что приземлить
пустить под трамвай — коллективно изнасиловать
пыря́ться на рога — лезть на рожон
расписуха — вышитая рубаха
режим — начальник режима (тюремный чин)
режим рюхнулся — нач. режима спохватился
риса́нуть — узнать
рбдский — взрослый вор
роются в задках — ворошат старые дела
рыжие бочата с лапшой — золотые часики с цепочкой
рыжие фиксы — золотые зубы
рябчик — тельняшка
саксан — нож
самый центр — самое отборное
сба́цать — станцевать
сбить роги — осадить
сблочить с себя — снять с себя
СВВ — склад взрывчатых веществ
семисеке́льная — вместо старого «семибатюшная»
сибирский третист — одна из школ игры в стос (штосс пушкинских времен)

сидеть под вышкой — сидеть приговоренным к высшей мере наказания
сидор — вещевой мешок
СИЗО — следственный изолятор
с кушем тебя нету — лучше тебя нет
сладкое дело — сахар
сменять червонец на сухаря — договориться с малосрочником, что тот за плату возьмет на себя длинный срок (червонец — 10 лет), а долгосрочник под его фамилией уйдет на волю
смола — курево
солдатская причина — липовый предлог
сосаловка — голод
с понтом на атанде — как будто на страже
с понтом он дохнет — как будто он спит
справлять план — курить анашу (гашиш)
ссученный — ставший «сухой», т. е. вышедший из воровского закона и перешедший на сторону лагерной администрации
стиры, бой, колотье — карты
суррогатка — ботинок из автопокрышки
ташкент — костер
тесак — нож
толковище — выяснение отношений
торбохваты — мелкие воришки
трюм — карцер
тырсануть — стукнуть, ударить
тягануть — отругать
ушел за нач. сано — бежал, выдавая себя за начальника сан. отдела
фарт — везение
финяк — финка
фитилек — доходяжка
фрей — фраер, т. е. не вор
хавэра — квартира, здесь: жилье
хáрево на варево — любовь на еду
харить, шворить — трахать
хипеш — шум
хлябал — проходил, считался
хлестаться — хвастаться
хобот — шея
ховаю в скуло — прячу во внутренний карман пиджака
чалиться — сидеть в тюрьме
чеграш нетутэшний — залетная птица (видимо, из лексикона голубятников)
чердак — верхний наружный карман
человечьего мяса не хавал — не имел дела с женщиной (шутливо)
чимчиковать — идти
чуни — башмаки из автопокрышек
шалашня — женщины, бабье
шалман — воровской барак
шаляпинские права — у кого громче бас, тот и прав
ШИЗО — штрафной изолятор
шифрануть — разоблачить
шкеры — брюки
шлюмка — суп
шмолять — курить (иногда стрелять из...)
шнифты — глаза
шпильить — играть
штевкать — есть, кушать
штопорила — грабитель
штрафняк — штрафной (строгорезимный) лагпункт
щипач — карманник
юрцы — нарцы
я тебя работаю начисто — убью

Воспоминания о рассказе

Я помню, как слышала этот рассказ в первый раз. До мелочей помню, хотя было это... (Отсчитаю от первого фильма года полтора — получается шестьдесят четвертый.) Да, в шестьдесят четвертом мы с Ларисой Шепитько и с Валентином Ежовым сидели в Большево, в нашем знаменитом, воспетом теперь во многих мемуарах, доме творчества и работали над сценарием, а по вечерам слушали Галича, живоого, сорокапятилетнего, написавшего тогда еще не очень много песен, так что мы все их уже знали наизусть.

И вот однажды, когда Галич все песни перепел и категорически отложил гитару и когда все с неохотой разбрелись по комнатам, прибегает Ежов и кричит громким шепотом:

— Пойдемте! Только — никому!.. Фрида и Дунского уговорили прочесть рассказ! Вы такого никогда не слышали и не услышите! Только — чтоб никто не увязался...

Пробираемся бесшумно, приходим в тесную комнату, где Галич вздремнул за спинами Фрида и Дунского, и видим, что при нашем появлении авторы как-то нахохлились, завяли и прячут рукопись. А тут еще Элем Климов, муж Ларисы, с режиссерской непреклонностью велит нам выйти вон. Нельзя женщиной — и всё тут. Авторы — люди чрезвычайно вежливые, а с дамами вдвойне любезные, улыбаются уклончиво — мол мы барышням очень рады, вы сидите, сидите, но пусть лучше Александр Аркадьич споет. И надо бы нам уйти, не портить людям вечер, не ссориться с Климовым, не показывать себя настырными хабалками, но мы — сидим, мы внедряемся, мы видим их неистощимое джентльменство и пользуемся. Я канючу:

— А может быть — мы уши закроем? — под обций, разумеется, хохот. И тут прогреготал Ежов:

— Да как вам не стыдно, да какие же это женщины?! Они не женщины, они ВГИК закончили, они пишут, снимают, им все можно, скажи, Саша!

Галич проснулся и подтвердил, что мы не женщины, нам все можно, и большинством голосов велено было читать.

Честно говоря, мы были как раз те девушки из благовоспитанных слоев общества, где не матерятся вообще, а благной мир представляют не реальнее Змея Горыныча, и нам бы как раз и падать в обморок, Климов не зря беспокоился, он думал — мы и слов-то таких не знаем. Но мы не упали. Более того, оказалось, что слов, которых бы мы не слышали прежде, очень мало. Валерий Семенович Фрид читал артистически, а Юлий Теодорович Дунский делал сноски, пояснял блатную лексику так быстро, что не нарушал волны повествования. Оно нас захватило сюжетом, героем, кинематографической зримостью и стройностью, и напрасно авторы, словно оправдываясь, предваряли чтение извинениями — мол это словесный эксперимент, чтобы не забыть лагерную речь, — мы записали...

То было время, когда мы еще не читали Солженицына, когда едва возник Высоцкий и сочинял каждый день по новой песне для узкого круга друзей, но еще не нашел своего хриплого голоса. То время, когда «интеллигенция поет блатные песни», оказалось лучше, чем когда она вовсе петь перестала.

Осенью 1968 года, на очередном семинаре, мы снова стали уговаривать Фрида и Дунского прочесть РАССКАЗ. Маша Хржановская (организатор и душа нашего тогдашнего семинара) обратилась к Дунскому, так сказать, «на голубом глазу»: «Вот мы слышали, и многие хотят...» Глаза у Маши действительно голубые, обращение деликатное, но Дунский ответил полным отказом: «Нет, мы при дамах никогда это не читаем». «А вы знаете, кто хочет послушать РАССКАЗ? Николай Робертович Эрдман...», — сказала Маша, и не успела она назвать имена других «стариков» — Вольпина и Каплера, как Дунский вытянулся (а был он очень сутулый) и безоговорочно согласился. А там и мы прошмыгнули за спинами стариков — мы с Ильей Авербахом и Маша. То было очень важное чтение: старики «знали матерьял», они получили свои сроки задолго до Фрида и Дунского, в комментариях и переводе с блатного они не нуждались. Они очень высоко оценили рассказ. Представляю, как бы смеялись, если б узнали, что этот рассказ дословно напечатан, — Ю. Т. Дунский, А. А. Галич, Н. Р. Эрдман, М. Д. Вольпин, А. Я. Каплер, И. А. Авербах, Л. Е. Шепитько. Может, они и смеются, и все им известно про нас.

Кинодраматург Н. Рязанцева

МИФ ПРЕКРАСНОГО ЛИЦА

«Человек может умереть, а миф никогда. Никто не знал этого лучше, чем Марлен Дитрих, которая умерла вчера, после обеда, в Париже». (Из газеты «Доннерстаг», 7 мая 1992 г.).

АНГЕЛ ТВОРИТ ЭПОХУ

*(зарисовки Зигфрида Шобера
к 90-летию со дня рождения Марлен Дитрих)*

Маленькая блондинка с рубенсовской фигурой, зелено-голубыми глазами и рыжеватым блеском волос пользовалась большой популярностью у мужчин и женщин. Легендарные ноги, загадочный вид юной дивы, знатное происхождение — все это относилось к достоинствам Марлен Дитрих. Но имелось еще и нечто большее.

Она была, как позже писала сама Дитрих, «выросшая в достатке, сдержанная, неспорченная девушка». И этот невинный ребенок вышагивал в середине 20-х годов по Курфурстендамм в смелом вечернем туалете, которому очень завидова-

ли ее подруги. Люди останавливались и устремлялись за ней. Вечера она проводила в барах и ресторанах, где собиралась богема, «не носила ни бюстгальтера, ни более интимных частей женского туалета — это было по-современному», — свидетельствует Элизабет Леннарц, выступавшая вместе с ней в шоу в 1928 г. Но после выступления Марлен часто шла прямо «домой к мужу и ребенку».

Она была противоречивым человеком и, как сама однажды высказалась, в сексуальном отношении «неопределенного пола». Уже тогда в Берлине — еще до того, как

зна покорила Голливуд, — Марлен вполне овладела всеми уловками женщины-вамп и полными арсеналом многозначной эротичности.

Но при этом загадочным образом она сохраняла свою врожденную прямолинейность и едва ли не детскую наивность. Ее знали как очень порядочную, даже простодушную девушку, которая такой и оставалась среди жуиров, певичек, танцовщиц, наркоманов, спекулянтов, «вечерних бабочек» сумеречного Берлина 20-х годов. Она была одной из тех, кто умел играть с огнем, но не обжигаться при этом.

Будучи тигрицей вечеринок и балов, она нарушала спокойствие, танцуя танго с другими красавицами — «и мы, пораженные, наблюдали за этим», — вспоминала актриса Кэти Хаак. На мужчин она действовала гипнотически не только благодаря своей непостижимой красоте и своим, доводящим до умопомрачения, завораживающим флюидам. Она была, как свидетельствует один из режиссеров, работавших с Марлен, «словно рубаха-парень». Мужчин она просто подавляла, перехватывая у них инициативу. Романтичной она стала лишь после сорока.

Когда же ей предстояло получить роль, то рубаха-парень принимал образ феи. Так, однажды, когда ей было 22 года, она в шелковом платье цвета меди, эффектно прислонившись к стене, заставила буквально растаять директора театра Виктора Барновского. Второстепенная роль, которую она тогда получила в шекспировском «Сне в летнюю ночь», была замечена критикой только благодаря фигуре актрисы.

Марлен на удивление быстро освободилась от того, что ее окружало в отчем доме. Ее матери, которая пичкала дочь произведениями Гете, Рильке, занятиями скрипкой и закаливанием холодной водой, наверняка тот Берлин, в котором Марлен зарабатывала свой хлеб в фильмах и шоу режиссеров-эротоманов, показавшись бы настоящим Содомом и Гоморрой.

Отец, которого Марлен рано потеряла, был прусским офицером. Воспоминания о нем всегда вызывали в ней образы лошадей и запах кожи. Она никогда не приближалась к нему ближе блестящих пуговиц его мундира, которые ей дозволялось трогать. Мать ее, будучи очень доброй женщиной по своей природе, тем не менее воспитывала дочь по принципу — «жизнь не сахар».

С 19 лет Марлен зарабатывает себе на жизнь сама, днем продавая перчатки, ночью танцуя в варьете. Она окончила самые изматывающие танцевальные курсы, которые были в то время в городе. К этому она добавила атлетические занятия по

коррекции своей фигуры в фешенебельном боксерском клубе — было получено специальное разрешение на вход для Марлен и ее закадычной подруги. На тренировках им обоим приходилось подниматься и на ринг.

Она, в цилиндре и во фраке с белой бабочкой, смешивалась с другими мужчинами, будучи единственной женщиной и на ежегодном балу трансвеститов¹.

Сексуальная ирритация была отличительной особенностью Берлина этого времени. И Марлен — офицерские дочери любят крайности — была в авангарде, иногда в мужском костюме, иногда в плотно облегающем бедра платье, но с провоцирующим моноклом, унаследованным от отца.

«Мягко выражаясь, было затруднительно найти различие между полами» — бросилось в глаза в столице рейха голливудскому режиссеру Йозефу фон Штернбергу, который в 1929 году открыл Марлен Дитрих для «Голубого ангела» и для всей Америки. Он нашел Берлин шокирующим, с его атмосферой, перенасыщенной сексом, свободой нравов, где «мораль была курьезом», с массовой безработицей и инфляцией. Голод и продажа политиков дополняли эту картину. Шоу-бизнес и искусство переживали бум. Можно было найти развлечения на любой вкус. В баре «Силуэт», где вращались люди из мира кино, мужчины красили губы и румянились, а на углу Гайсбергштрассе предлагали себя женщины в коже и с хлыстами в руках. Вскоре Джони, портье «Силуэта», ушел на службу в штурмовой отряд, который занимался избиениями уже другого рода.

Марлен, на которую однажды вечером Штернберг обратил внимание в одном из варьете, уже не была к тому времени никому не известной девушкой. В определенных кругах она имела репутацию самой красивой, экстравагантной и современной женщины. Против смелого решения Штернберга снять Марлен в фильме «Голубой ангел» решительно протестовал продюсер Эрих Поммер со студии УФА* (UFA). «Только не эта проститутка!» Точно так же реагировали в 30-е годы американские клубы хранителей обычаев и женского общества на ее наряды из шелка и тюля, оставлявшие ее полуобнаженной, или на ее пресловутые грубые мужские брюки.

В «Голубом ангеле» Марлен, едва прикрытая полосками черной ткани, играет роль певички одного из дешевых кафе. Она поет: «Я эlegantная Лола, я с го-

¹ Трансвестит — лицо с врожденной склонностью носить одежду противоположного пола.

* Universum Film A.G.

ловы до пят настроена на любовь. Остерегайся блондинок» — и лишает рассудка своей вульгарной эротичностью обывателя — профессора гимназии. Самый дорогостоящий тогда фильм имел колоссальный успех благодаря Марлен, которая своим умелым бесстыдством расправилась с теми, кто презрительно отзывался о фильме.

В день премьеры, 1 апреля 1930 года — когда публика в зале еще скандировала «Марлен! Марлен!», — она выскользнула через черный ход кинотеатра, уехала в своем вечернем платье цвета шампанского и белых горностаевых мехах в загруженный ее багажом грузовик. Распивающие шампанское друзья проводили ее до вокзала, откуда она уехала в Бремерхаузен, чтобы там пересесть на пароход, следующий в Нью-Йорк. Во время съемок в «Голубом ангеле» она подписала семилетний контракт со студией «Парамаунт».

Через год она забрала к себе свою пятилетнюю дочь Марию. Ее муж, Рудольф Зибер, привлекательный менеджер кино, за которого она вышла замуж в 1923 году и который между тем утешался со своей бывшей партнершей по ревю, — причем и у Марлен тоже уже давно были свои любовные похождения — остался в прошлом. Позднее он влачил нищенское существование, находясь всего в сотне километров от Голливуда и Марлен Дитрих. Она делала все возможное, чтобы облегчить его жизнь, и так никогда с ним и не развелась.

Ее судьбой стал Йозеф фон Штернберг, этот чудовищный эстет, блистательный, чувствительный интеллигент, настоящий денди. И тиран на съемочной площадке. «Он был мастер, а я счастливой марионеткой».

Он сделал ее в Голливуде своим творением. Но для того, чтобы она стала деликатесом для публики, он обращался с ней достаточно сурово. Строгая диета, каждый фунт веса Марлен находился под строгим контролем. В результате голодания появились знаменитые ямочки на щеках под скулами. Сеансы массажа придали окончательную гармонию ее бедрам и икрам. Чтобы сделать лодыжки более изящными, она часто надевала на них узкие бандажи.

Штернберг сурово обходился с ее эротичностью, укрощал ее, стилизовал под холодную, как ледник, женщину-вамп. Когда Марлен перестала у него сниматься, она стала стремиться к фильмам с настоящими любовными сценами, объятиями и другими проявлениями нежности. Штернберг делал с ней все, но только не то, что лежало в рамках нормы. Работая с ним над шестью фильмами в Голливуде, среди кото-

рых были «Белокурая Венера», «Марокко», «Дьявол — это женщина», она всегда играла роль фатальной женщины: неприступное двусмысленное выражение лица, меха и боа из перьев; намек на мазохизм и бисексуальность; раздевающий взгляд и эта нежно приоткрытая, немного влажная, слегка циничная нижняя губа.

Шикарный иллюстрированный журнал «Vanity Fair» насмешливо замечал, что Штернберг своей тщательной фиксацией «обвитых шелком ног и зада в кружевах «сделал из Дитрих» самую благородную из женщин-соблазнительниц». Ее снимали и через смягчающие линзы, и сквозь вуаль и дым. Чтобы ее белокурые волосы сверкали, в них добавляли золотую пыль.

Во время съемок Марлен требовала устанавливать рядом с камерой большое зеркало, чтобы точно видеть, как падают свет и тени на различные части ее лица и тела.

Штернберг был единственным режиссером, который что-то значил для Марлен. Но его любовь к ней осталась, пожалуй, нереализованной. Вне съемочной площадки он был очень мил, помогал ей чем мог, многому ее научил. «Он был отцом, которого у меня никогда не было», — говорила она.

Он восхищался ее «невообразимой силой», которая была ей необходима, «чтобы выжить и вырваться из своего мира». Только ее тяга к жизни помогала ей выстоять в периоды депрессии. Он находил ее меланхоличной и редко видел ее улыбку.

Под покровительством Штернберга, который работал с ней до 1935 года, она стала звездой первой величины. И попала в реестр самых богатых людей США. При этом некоторые из фильмов с ее участием терпели сокрушительные провалы. Но, несмотря на это, Голливуд платил ей как великой богине очарования, наряду с Гретой Гарбо. В 1936 году она получила за великолепную постановку «Сада Аллаха» свой самый высокий для того времени гонорар — 200 тыс. долларов.

В соответствии с этим Марлен жила на широкую ногу. Главное внимание она уделяла дорогостоящему уходу за своей внешностью. Экстравагантность ее гардероба стала легендой. Когда она собиралась куда-нибудь на прием или торжество, специальные лазутчики выясняли для нее, что намереваются надеть другие звезды, — чтобы она могла надеть нечто совершенно иное.

Она считала своим долгом хорошо выглядеть и производить хорошее впечатление, точно так же как считала своим долгом быть доброй. Если что-то у нее и шло от всего сердца, то это была ее легендарная готовность прийти на выручку.

Она поддерживала эмигрантов, которые

бежали от нацистов в Калифорнию. Идея национал-социализма она отвергала с самого начала. В 1936 году, когда в зените своей славы Марлен посетила Лондон, немецкий посол в Англии фон Риббентроп хотел заманить ее обратно в Германию. Гитлер и Геббельс хотели сделать из нее звезду UFA. В 1939 году она приняла американское гражданство и была объявлена нацистами изменницей.

Одним из эмигрантов, с которым ее связывали особые отношения, был крупный немецкий писатель Эрих Мария Ремарк («На западном фронте без перемен»), который был со своими вечными депрессиями и неумеренным потреблением алкоголя далеко не простым человеком в общении. Они часто встречались во время ее поездок в Европу, и она пережила с ним целый ряд психологических драм. Он ненавидел Голливуд, и она противопоставляла его ощущение заката мира — он приехал в Америку в 1939 году, через четыре дня после начала войны — весь свой оптимизм и жизненную стойкость. При этом дела у нее самой шли далеко не блестяще.

Еще пару лет назад она обитала в одном из дворцов Беверли Хиллз, где стены были обиты шелком, с зеркалами повсюду, с шикарной мебелью и звериными шкурами. В экзотическом саду — гигантский бассейн и вольер с двумястами птиц ее дочери. «Меня считали правящей королевой «Парамаунта».

Теперь же она жила в одном коттедже с Ремарком в отеле Беверли Хиллз. Она стирала, выкуривая огромное количество сигарет, а он писал ночи напролет под классическую музыку, чем делал ее сверхраздражительной.

Она тратила всегда слишком много, оплачивала часто счета друзей, теряла много на налогах. И ее звезда померкла. В 1937 году она опустилась в списке звезд Голливуда на 126-е место. Она пыталась и дальше сниматься, но это становилось все труднее. Ее карьеру спас перспективный продюсер Джо Пастернак, который, к счастью, был влюблен в нее по уши. Он рискнул снять комедию-вестерн «Дестри снова в седле», в котором она в 38 лет играет легкомысленную даму в полном соку из салуна. Это была новая, очень живая Марлен — и новый триумф. В следующем фильме, в 1940 году, она играет с неизвестным еще тогда Джоном Уэйном, который флиртовал с ней и брал ее с собой на бокс, охоту и рыбалку. «Он был не очень умен». На съемках она помогала ему «насколько могла». Она одалживала ему деньги, потому что он «был беден» и должен был кормить жену и двоих детей.

Большинство ее историй с мужчинами

начинались, собственно, с того, что она оказывала им поддержку.

Ее многочисленные мужчины в основном относились к ней скорее как к старшей сестре, сиделке, матери, а не как к возлюбленной. Большинство из них первое, что приходило в голову при воспоминании о «богине секса», это то, как она надевает передник, чтобы навести порядок в холостяцком жилище — женатые мужчины были для нее табу. И они роились вокруг «мастерицы кулинарного искусства» и «милой маленькой немецкой домохозяйки». Когда мужчина, которому она отдавала свое сердце, стоял перед ней с развязанным шнурком, она наклонялась и завязывала его. Завязывание шнурков было целым ритуалом и у ее матери.

Ее большой любовью стал знаменитый французский киноактер Жан Габен, который в 1941 году переехал в Голливуд из оккупированной нацистами Франции. Она считала, что здесь, в Голливуде, его уникальный природный талант недооценивается. «Габен беспомощно жался ко мне, как сирота к приемной матери, и я любила и день, и ночь заботиться о нем». Вместе с тем он был ее «суперменом», «мужчиной на всю жизнь». Они ютились как простые обыватели в одном из скромных, нелепо обставленных коттеджей. Их соседкой была Грета Гарбо, которая часто подглядывала за ними через изгородь. Марлен любила готовить для Габена фаршированную капусту. И когда он приходил по вечерам со студии домой, она уже стояла в дверях, торпливо доставала домашние туфли и надевала их ему. По вечерам она слушала радио, в то время как он размышлял. Когда же у них были друзья, она надевала ему после еды кепку, повязывала толстый шарф, и он играл на аккордеоне и пел французские матросские и кабацкие песни на фоне калифорнийских пальм.

Но ей не удавалось привить ему интерес к литературе, в частности, к произведениям любимого ею Хемингуэя. «У тебя в голове пустота, но не изменяй себе, ты и так в полном порядке». Когда же она заставляла этого увальня выходить в свет, она выглядела рядом с ним так прекрасно и женственно, как не выглядела уже долгое время.

Габен покинул Голливуд и вернулся солдатом отряда сопротивления «Свободная Франция» в 1943 году в Старый Свет, который Гитлер превратил в одно гигантское поле битвы. В том же году Марлен в американской форме в составе артистической бригады отправилась на самолете в Алжир, держа путь на итальянский фронт. Счастливое совпадение: Жан Габен находился в это время на корабле в Алжире, благо-

даря чему они смогли вновь ненадолго встретиться.

Некоторое время Габен писал ей каждый день. Марлен, прелестное белокурое создание в армейской кепке, продвигалась в джипе 5-й армии по Италии. В багаже находились тщательно уложенные единственный кашемировый пуловер на шелковой подкладке и косметика на несколько месяцев вперед. На дорогах часто встречались нарисованные в спешке таблички: «Здесь сегодня Дитрих». В своих выступлениях она развлекала молодых американских солдат, которые из темноты направляли свои фонарики на ее переливающиеся платья.

Она была притягательной женщиной, совмещала в себе материнское, ангельское и эротическое начала, она не была больше недоступной и холодной, а, наоборот, была жизнерадостна и остроумна.

Быть более простой в общении ей помог талант. Иногда она начинала с того, что, стоя на грузовике, принималась показывать фокусы, которым ее научил Орсон Уэллс. Во время своей поездки по европейским полям сражений она сумела покочить сердца солдат.

Своим мужеством и выдержкой она производила громадное впечатление на мужчин, и это приносило ей большое удовлетворение. Заболев однажды воспалением легких, она долгое время не обращала на это внимания и едва не распрощалась с жизнью. Во время жесточайшего боя у Монте Гассино она, рискуя, пела в непосредственной близости от линии фронта. Во время Арденнской битвы она попала в окружение вместе с одним из американских подразделений, в котором давала концерт, и была на грани обморожения. Молодой, ослепительно красивый генерал-десантник освободил ее. В послевоенном Париже они неоднократно появлялись вместе.

В это время Марлен виделась периодически и с Габеном. Она разрывалась между ним и Америкой, потому что только в Голливуде она могла заработать деньги, в которых очень нуждалась. Во время войны она была вынуждена распродать все свои драгоценности. Габен очень страдал от этой вечной нестабильности и поставил ультиматум: Женитьба. Дети. Ее карьера отходит на второй план. Или между ними все кончено.

Годы спустя на обеде она говорила об этом с Робертом Кеннеди: «Я ненавижу брак. Это безнравственный институт». И о Габене: «Он женился и стал ужасно жирным». Но она не смогла его забыть. Она присылала ему целые вороха телеграмм, которые он даже не вскрывал, и использовала все способы, чтобы вновь встре-

титься с ним. Когда же они случайно встретились в одном парижском ресторане, он не поздоровался с ней и даже не посторонился, чтобы ее пропустить, когда она пыталась пройти по узкому проходу зади него.

Романтическим кумиром Марлен был «папа» Хемингуэй. Он говорил о ней: «Эта мордашка самая лучшая из тех, которая когда-либо поднималась на ринг». Их дружба она описывала как «совершенно экстраординарную любовь в мире, в котором мы жили». В 1944 году в Париже, будучи одним из его освободителей, Хемингуэй остановился, как обычно, в фешенебельном отеле «Риц». Она старалась быть с ним как можно больше. Мэри, ставшая позднее его женой, была не против, ей нравилась Марлен. И Марлен, в то время когда Хемингуэй брился, сидела на краю ванны и что-то ему напевала. Все годы они переписывались, он философствовал с ней в письмах, был для нее «мудрецом», «якорем», ее «скалой Гибралтара». Часто они беседовали по междугороднему телефону и встречались в Париже или Нью-Йорке, если это удавалось, чтобы выпить вместе рюмочку или поужинать.

Узнав о его самоубийстве, она сказала: «Я бы боролась за него, как львица, если бы могла предположить его намерения». Для себя она всегда находила путь, чтобы выжить. «Я не позволю себя довести до того, чтобы сделать то, что сделал он».

Новая карьера — звезды сцены, певицы, танцовщицы собственного шоу, которую Марлен начала в 1953 году, показывает, насколько она цеплялась за жизнь. Феноменальным является то, что это шоу продолжалось на подмостках 20 лет. На протяжении всего этого времени ее сопровождал портрет Хемингуэя, висевший в гримерной.

Она дебютировала 15 декабря в отеле «Сахара» Лас-Вегаса в возрасте почти 52-х лет. Ее появление в изысканном платьешетке, украшенном блестками, стоимостью 8 тыс. долларов, произвело настоящий фурор. Она выглядела почти обнаженной. Теперь она была прежней Лолой — Лолой из «Голубого ангела», только более эмансипированной, экстравагантной, с поступью гранд-дамы, с большим профессиональным опытом, а вскоре, после многочисленных турне по всему свету — с шутками и самоиронией по поводу своего возраста.

Эта «Венера с черной кожей в голосе», как назвал ее один из почитателей, английский владелец театра и писатель Кеннет Тинен, пела о любви, войне и мире, «Лили Марлен», «Скажи мне, где

эти цветы». После одного из ее выступлений в Лондоне Кеннет Тинен удостоился чести присутствовать при ее купании и переодевании в уборной, хотя тогда они были едва знакомы. В результате она исчезла на три дня и ночи с этим молодым гением, который позже в своем гимне в ее честь «двусмысленно и щекотливо», как считала Марлен, писал об их тесной дружбе.

Она путешествовала со своим шоу в сопровождении собственного специалиста по освещению. Она знала, как создать шарм. Один американский репортер застал ее однажды в уборной за тем, как она мыла руками пол... «Я — королева Аякса», — шутила она. Этот комичный эпизод может многое сказать о ней, о ее понимании жизни и ее энергии. Женщина-вамп, которая никогда не стеснялась закатать рукава повыше и испачкать себе руки. Звезда, которая всегда оставалась на земле. Через грязь — к звездам...

В 1960 году она совершила турне по Германии. Встреча с родиной была для обеих сторон щекотливым моментом. Когда она слышала о возможных демонстрациях — из-за ее прежних колкостей в адрес Фатерланда, — она пробовала шутить. «Это будут

не помидоры, которых я побаиваюсь, так как пятна от них никогда не сходят, а яйца».

Нет, Германия давно не была для нее родиной. «С тех пор как я ее покинула, я была в постоянных странствиях и едва смогла пустить где-то корни, а у кого происходит такое, у того, слава Богу, нет времени для грустного самокопания».

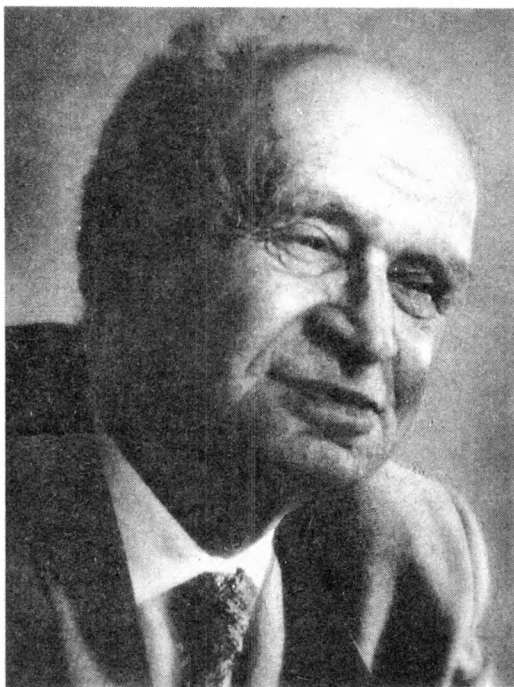
Такой она и оставалась в последние 15 лет, которые провела совершенно безвыездно в своей парижской квартире, с неохотой встречаясь с людьми. О мужчинах она не хочет вспоминать; что такое эротика, она не знает; своими фильмами больше не интересуется.

Она сейчас похожа на мудреца, который предоставляет остальным право рассказывать о ней все что угодно. Она стоит над временем, не поддаваясь ему, так как теперь она неподвластна ни любви, ни пороку. Важно только то, что существует кто-то, кому можно позвонить в 4 часа утра, об этом она говорила еще 20 лет назад. Но, к сожалению, таких людей становится все меньше.

Из журнала «Штерн». *Перевод Германа А.*

АНОНС

Г четвертом номере нашего журнала **ЧИТАЙТЕ:**
продолжение сценариев **СТАНИСЛАВА ГОВОРУХИНА**
«Россия, которую мы потеряли», **НИКИТЫ МИХАЛКОВА**
и **РУСТАМА ИБРАГИМБЕКОВА** «Сибирский цирюльник».
сценарий **АЛЕКСАНДРА ЧЕРВИНСКОГО** «Ленинградец»
и прощальное — перед отъездом за океан! — интервью
с автором,
сценарий **БОРИСА ФРУМИНА** «Черное и белое»,
написанный в эмиграции, там же, за океаном,
и воспоминания режиссера **АЛЕКСЕЯ ГЕРМАНА** опять же,
об авторе.
сценарий **АЛЕКСАНДРА ГАЛИНА** «Плащ Казановы»,
ставить который будет сам автор не то, чтобы за
океаном, но — в Италии,
прозу **ЮРИЯ ПЕТКЕВИЧА**, кинодраматурга и
художника Вы сможете прочитать в рубрике «Новое имя»,
ВАЛЕНТИН ЧЕРНЫХ расскажет, «Как стать сценаристом»,
а **ВИКТОР МЕРЕЖКО**, как всегда, — о женщинах,
«**ГИМН ЛЮБВИ**» — страницы из дневника **МАРЛЕН ДИТРИХ**,
посвященные Жану Габену,
о судьбе рок-звезды **ДЭВИДА БОУИ** как актера кино.

Илья ВАЙСФЕЛЬД

СОЛОВЕЙ НЕ ПОЕТ

Отъезд был назначен на 15-е августа 1968 года.

Накануне возвращаюсь домой из института, никого нет, на столе — записка Лины Львовны: «Был звонок — поездка отменяется. Через три часа снова позвонили: предыдущее распоряжение отменяется; о прежнем звонке мужу — ни слова; состав делегации перешерстили».

Речь шла о поездке в Чехословакию в самый канун вступления войск Варшавского пакта в эту страну. Звонки по поводу перемены решения, а затем его подтверждения я приписал нормальному беспорядку при оформлении выездных дел. Ни на мгновение не приходила мысль о том, что через несколько дней начнутся грозные события. Но все же что-то смутно тревожило...

После короткого пребывания в Праге мы выехали в Словакию, в город Жилин, где проходил семинар советско-чехословацкой дружбы.

Вечером двадцатого августа в торжественной обстановке, в присутствии большого числа чехословацких кинематографистов нашей делегации вручают подарок для режиссера Параджанова в честь его выдающегося фильма «Тени забытых предков». Это была обыкновенная заколка. Но она излучала поразительный свет — от крупного великолепного камня, который приковывал взгляд. Я поблагодарил Звоничека, возглавлявшего чехословацкую делегацию, и обещал передать подарок по назначению. Все остались на праздничный концерт, а я, с драгоценным даром в руках, пошел через ночной город к себе в гостиницу. Время от времени я останавливался, открывал коробок и любовался отсветами рубина. Представлял себе, как обрадуется Сергей Параджанов этому замечательному привету от чехословацких поклонников его таланта.

Не поздней ночью раздался тревожный стук в дверь моего номера. Это был Армен Медведев. Он сказал:

— Илья Вениаминович, только что советские и польские танки вошли в город.

Он говорил спокойно, но глаза... глаза выражали многое.

— Сейчас я приду к вам. Будем решать — как быть, — ответил я.

Быстро оделся.

Что это означает? Чем вызвано?

На ум почему-то пришли слова Толстого: нетрудно решить, что делать, трудно решить, что сначала, что — потом. Не знаю почему, но я быстрым движением вынул из коробки

электробритву, подошел к зеркалу и начал механическим движением водить ею по лицу. Так было легче думать.

Вскоре мы собрались в номере Черкасова, представителя посольства. Минута за минутой... Никто не произносил ни слова.

Брезжило утро. Я стоял у окна, смотрел на улицу. Шла демонстрация горожан. Во главе колонны пожилой человек размахивал кулаком и выкрикивал неслышные нам призывы. Встревоженные люди четким шагом двигались по улице, видимо, сами не зная куда, потом возвращались обратно. Из домов выбегали все новые и новые и присоединялись к колонне...

Наконец ранним утром было принято решение: часть делегации на машине направится в Будапешт, а другая — тоже на машине — в Прагу. Наш автомобиль, в котором находились Черкасов, узбекский режиссер Файзиев и я, вел Звоничек. Лишь когда мы прибыли на место, Звоничек признался, что только что закончил автокурсы и впервые вел машину, а ведь расстояние немалое. По дороге машину остановила группа подростков. Никто из нас, гостей, не произносил ни слова, говорил только Звоничек и только по-чешски. Подростки объяснили Звоничеку, что расставленным указателям нельзя доверять, это только для русских, а правильный путь они сами покажут...

Первое, что мы увидели на улицах Праги, — это танки. Некоторые из них были окружены взволнованными жителями города. Наши солдаты охотно общались с пражанами. Но на Врцлавскую площадь, красу и гордость столицы, мы не въехали. Черкасов предложил Звоничеку повернуть в одну из боковых улиц, там находился жилой дом советского посольства. По лестнице мы поднялись на верхний этаж в квартиру Черкасова. Торопливо он ознакомил нас с расположением комнат, предложил устраиваться. Перед уходом открыл холодильник и сказал, что все в полном нашем распоряжении. Там было изобилие вин и кондитерских изделий.

— Захотите есть, спускайтесь на первый этаж, тассовцы вам помогут. А я направляюсь в посольство, буду на казарменном положении. Как только смогу, дам о себе знать. Я спустился на первый этаж. Файзиев идти отказался. «Я отсюда никуда не выйду», — твердо заявил он.

Обширное помещение ТАСС. Стучат машинки, телетайпы, все заняты своим делом. Навстречу мне вышла девушка, назвалась Галей. Я тоже представился.

— Галя, что нового? — спросил я.

В ответ она шепотом предложила мне пройти с ней в маленькую пустую комнату, закрыла дверь и сразу же четко сказала:

— А то новое, что не надо было вводить войска. Не надо было! Понятно? Теперь пошли отсюда, Илья Вениаминович, я вас покормлю. А Файзиеву отнесете, раз он не может спуститься.

— Простите, а откуда у вас еда?

— Рядом танковая часть, она нас кормит.

Галя разделила со мной скромную трапезу — мясо с макаронами, чай. Между прочим, предложила водку. Но было не до водки.

— Теперь я знаю, что вам надо: дать знать в Москву, что вы живы. Не так ли?

— Спасибо, Галя. Но то же самое и в отношении Файзиева.

— Конечно. Пишите, что считаете нужным.

Я быстро набросал обстоятельный текст. Галя пробежала недоброжелательным взглядом и выговорила мне:

— Боже мой! Что вы написали! Ваш маршрут и местонахождение в доме посольства — это военная тайна.

— Что же можно, дружочек?

Галя не ответила — о чем, мол, ей говорить с непонятливым человеком?

Она набросала несколько слов в адрес ТАСС в Москву о том, что я здоров, и просила об этом позвонить ко мне домой, а также в Ташкент, в Союз кинематографистов о хорошем здоровье Файзиева. В заключение Галя пообещала, с неуважением указав на журналистов у телетайпов:

— Как только они кончат свои реляции, я все передам. Не тревожьтесь.

Черкасов продолжал действовать и на расстоянии: нас вскоре перевели в отель «Палас» в центре города.

Галя проводила нас — все такая же безулыбчивая, жесткая, резковатая. Расставаясь, я сказал:

— Будете в Москве, звякните. Номер телефона у вас есть. Наверное, нам будет что вспомнить.

Она ничего не ответила и смотрела вслед, пока мы не скрылись в темноте гостиничного холла.

Здесь уже были наши театральные деятели, тоже участники семинара, но в другом городе. Сергей Юрский, театровед Хайченко и Елена Сергеевна Булгакова, с которой после войны мы, к сожалению, редко виделись. Встретились так, как будто только вчера завершилась работа Михаила Афанасьевича Булгакова над сценарием «Мертвые души». Это были месяцы, когда Иван Александрович Пырьев и я часто появлялись в его доме — мы представляли киностудию «Мосфильм».

Елена Сергеевна обрадовалась — еще одна живая душа в этот час непредвиденных, грозных движений истории. Мы не успели обмолвиться ни одним словом — надо было брататься спасать Юрского. Увидев, что у входа в «Палас» выставлен караул, наш друг набросился на автоматчика:

— Какое вы имеете право здесь стоять? Кто вам позволил? Ведь это независимая страна...

Мы с Еленой Сергеевной еле успокоили его. Она сказала:

— Этот паренек выполняет приказ. Что он может сделать? Еще минута, и он бы пустил очередь в вас...

После короткого отдыха я отправился в расположение Общества чехословацко-советской дружбы. Улицы — полны народа. Надпись на доме по-английски: «Привет Дубечку и его парням!» (Позже я узнал, что Дубчек в наручниках был в это время отправлен в Москву.) На углу высокая стройная девушка в мини-юбке собирала подписи под воззванием, направленным против вторжения иностранных войск в Чехословакию.

В прекрасном помещении Общества чехословацко-советской дружбы был разгром. Встретивший меня чех со слезами на глазах сообщил, что ночью ворвались советские солдаты и покрушили мебель. «Видимо, совершенно не понимали, где они находятся и что творят!» — добавил он. Грустные это были минуты.

...На вокзале Елена Сергеевна спросила меня: «Каким поездом мы поедем, в Будапешт или Варшаву?» — «Милая Елена Сергеевна, — ответил я. — Мы поедем тем поездом, который поедет».

Уехали варшавским. Всю дорогу молчали. У меня перед глазами были разоренные комнаты дома чехословацко-советской дружбы.

...Шестьдесят девятый год. Снова Прага. Я встречаюсь с Эвалдом Шормом. На всю жизнь запомнился этот человек: высокий, худощавый, движения легкие, как будто он едва прикасается к полу. Большой эйзенштейновский лоб, глубоко посаженные голубые глаза, что-то детское в выражении лица. Мы сидим в кафе, говорим о его фильмах.

— Мне кажется, что фашизм не побежден, — сказал Эвалд. — Он не побежден, потому что во многих людях, очень многих... живет зверь. Пока жив зверь в человеке, жив фашизм. В конечном счете, об этом мои фильмы — и «Отвага на каждый день», и «Блудный сын»...

От Шорма я узнал, что его новый незаконченный фильм конфискован. Материал заперт в сейф. (Подобно тому, как у нас был арестован фильм Юрия Ильенко «Родник для жаждущих» или «Комиссар» Александра Аскольдова.)

Беседую с руководителем чехословацкого кино.

— Я понимаю сложность обстановки, в которой вы находитесь, и не мне вам что-либо советовать. Я хотел только спросить, исключена ли возможность просмотра режиссером своего собственного фильма?

Ответить что бы то ни было мой собеседник затруднился: по-видимому — так я понял — он советовался в нашем посольстве.

Тогда я решил обратиться прямо туда. Вопросами, связанными с чехословацкой культурой, занимался товарищ Соловей. Он оказался убежденным сторонником силового общения с художниками. Компромисса мы не могли достичь.

Снова боль и бессилие. Речь шла не только об одном замороженном, похороненном фильме, но вообще о судьбах талантливой чехословацкой «новой волны». Огромную радость нам принесли фильмы Хитиловой «О чем-то другом», Формана «Черный Петер», Кадара и Клуса «Магазин на площади» да и многие другие. Чехословацкое демократическое кино переживало время надежд, время свершений. С благодарностью вспоминая сообщения режиссера В. Наумова и кинокритика С. Фрейлиха, сделанные ими в Союзе кинематографистов в Москве накануне событий 1968 года. С восторгом они отзывались о поисках чехословацких кинематографистов.

Все это рушилось.

Мои тревоги разделял ветеран чехословацкого кино Любомир Лингхард. Он обратился с письмом к Густаву Гусаку, своему старому товарищу по революционной борьбе, убеж-

денно оспаривая решение о вводе войск Варшавского пакта, высказывая тревогу за судьбы страны, за судьбы чехословацкой кинематографической культуры. С дрожью в голосе рассказывал мне об этом Любомир. Мне казалось, что если бы мог плакать этот мужественный человек, он бы заплакал. Вскоре он был вычеркнут из списков членов партии (такая форма существовала в чехословацкой компартии в то время), но до конца дней своих оставался коммунистом.

А Эвалда Шорма лишили права работать в кино. Узнаю, что он выехал в Оломоуц, ставить оперный спектакль. Сажусь в машину, еду в Оломоуц. Старинный город, уютный, как большинство чехословацких городов. Посредине центральной площади — монумент в память погибших от чумы в далекие годы. Безветрено. Солнечно. Спокойно. Неторопливые прохожие. Как будто ничего не случилось.

Выйдя из машины, встречаю нашего офицера. Спрашиваю, как пройти к оперному театру.

...Стою за кулисами. Жду, когда кончится репетиция. Замолк оркестр, актеры свободны. Шорм, находящийся в первом ряду партера, замечает меня. Голубые глаза вспыхнули радостно. Подбегает ко мне. Братские объятия.

— Эвалд, пишите мне, вот мой московский адрес. Особенно если будет трудно...

На другой день, уже в Праге, узнаю, что Форман, этот молодой блистательный талант, решил эмигрировать в США. Звоню ему, он приглашает домой.

Большой просторный кабинет — таких больших я в Москве не видывал. Почти никакой мебели. Никаких стеллажей. Сидим за маленьким столиком. Его жена угощает нас чаем. Он говорит:

— Понимаете, надо снимать, снимать фильмы. Снимать, снимать...

Говорит сдержанно, твердо.

Оставляю ему на память скромный сувенир, говорю:

— Это до нашей новой встречи.

К сожалению, нам не удалось встретиться, когда Форман посетил Чехословакию и Советский Союз уже известным мастером чехословацкого кино, работающим в Америке.

...В Москве делаю сообщение группе товарищей из международного отдела ЦК. Это происходило в одном из просмотровых залов Госкино, после показа фильма. Я пылко говорил о событиях в чехословацком кино и об ошибочной линии поведения товарища Соловья. Председательствующий сидел в глубоком кресле, подперев голову рукой. Он казался совершенно безучастным. А я со все большим запалом продолжал свою речь. Мне казалось, что председательствующий дремлет. Уже когда я завершал свое выступление, он перебил меня, громко, чуть со смешинкой произнес:

— В общем, соловей не поет!...— Он произнес именно так, с мягким знаком!

Вскоре я узнал, что Соловей находится в Москве, ищет работу.

Судьба Шорма была непростой. Получаю от него письмо: работы лишился, жить не на что. Показываю это письмо Надежде Яковлевне Волченко — руководителю международных связей в Союзе кинематографистов. Она предлагает написать письмо в ЦК КПСС. Так и сделали.

...1989 год. Международный кинофестиваль в Москве. В его рамках — ретроспектива фильмов Эвалда Шорма. Много фильмов, поставленных как до 1968 года, так и после.

Но самого Шорма уже нет в живых. Остались его картины, его немеркнущий облик художника, прекрасный голос его искусства.

Не забудьте подписаться!

Аркадий Инин

ЗА КАДРОМ И В КАДРЕ

Вот спорят, ух как спорят, прямо до хрипоты спорят: кто в кино главный? Одни кричат — сценарист, другие шумят — режиссер, третьи гудят — оператор, четвертые твердят — актер... А зря шумят, твердят и вообще спорят. Все равно проспорят. Потому что главный в кино — я. Нет, не я конкретно, но наш брат — директор, наша сестра — администрация.

Ну что сценарист? Сценарист пишет. Он себе пишет: «Солнце закатилось за горизонт». А обеспечить горизонт и закатывать солнце — это уже буду я!

А что режиссер? Режиссер командует. Он себе командует: «Матрос должен прыгнуть с утеса». А искать на Волге утес и укладывать матроса в гипс — это опять буду я!

А что оператор? Оператор снимает. Он себе снимает влюбленных под дождем. А кто ответит за бескрайние поля, с которых я увел дождевальные установки?!

Ну а что, наконец, актер? Актер играет. Он себе играет Гамлета, а я ему достаю череп Йорика. И если я не достану череп, с меня снимут скальп!

Вот, к примеру, в кадре — герой. Ходит, кушает, вяжет хулигана, перевыполняет план. А делал бы он все это в кадре, если бы я — за кадром — не вылетел в Кзыл-Орду, где у него гастроли, не нашел бы ему в театре замену путем обеспечения завтруппой ондатровой шапкой из котика, не пробил бы билет, пообещав лично жениться на кассирше Аэрофлота, и не привез бы его на съемочную площадку в такси, которое, естественно, ехало в парк, но я совершил преступный угон с пистолетом-зажигалкой у виска водителя!

Или вот в кадре — героиня. Поет, влюбляется, бросается в речку, возвращается в семью. Но для всего этого я — за кадром убедил ее, что наш режиссер — гений, а конкурент, у которого она пробовалась на главную роль, — бездарность, помог ее двоюродному дяде совершить обмен квартиры с видом на море вместо вида на крематорий, добыл для нее еще вообще не выпускающиеся таблетки, от которых не помнишь утром, что было вечером, и уговорил ее первого мужа посидеть с ее вторым ребенком!

Короче, вы же не маленькие, вы же всё понимаете. Если в кадре — дубленка, значит, за кадром кто-то ее достал. Если в кадре — лошадь, значит, за кадром кто-то знает, почему нынче овес. Если в кадре визжит кошка, значит, за кадром кто-то дернул ее за хвост.

Этот кто-то за кадром — я. Нет, не я конкретно, но наш брат директор, наша сестра администрация.

Они творят, мы сотворяем. Они говорят: «надо», мы отвечаем: «будет». Все будет, что надо! Люди, вещи, кони, птицы... Главное — масштаб задачи, размах исполнения. Нужен соловей — воробей засвищет! Нужен воробей — соловей зачирикает! И еще фоном Магомаев запоем не своим голосом! А хорошим.

Нужен режиссеру рупор? Будет два рупора: один — ко рту, другой — к уху! Нужен консультант? Будет два консультанта: профессор-отоляринголог и маршал бронетанковых войск в запасе! Дублировать с нашего на ихний будем? Значит, будет вам Бельмондо! Нет, два Бельмондо!

Нужна кинопленка? Сколько там по экватору? Ага, так и будет: сорок тысяч километров цветной — туда и столько же черно-белой — обратно!

«Белое солнце пустыни» помните? Было бы это солнце, если бы наш брат-директор не обеспечил пустыню! А помните «Тайну двух океанов»? Была бы эта тайна, если бы наша сестра-администрация не обеспечила океаны! А «Отроки во Вселенной»? Были бы эти отроки, если бы лично я не обеспечил Вселенную!

«Хождение по мукам» — это же мои муки! «Горе от ума» — это же мое горе! «Москва слезам не верит» — это же мои слезы!

Э-э, да что там долго говорить... Не было бы никого из нас за кадром — не было бы ничего у них в кадре!

СОДЕРЖАНИЕ

Сценарии

- 3 С. Говорухин **РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ**
41 Р. Ибрагимбеков, Н. Михалков **СИБИРСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК**
78 И. Бергман **СЦЕНЫ ИЗ СУПРУЖЕСКОЙ ЖИЗНИ**

Рассказы кинодраматургов

- 107 В. Черных **МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ НА РОЛИ УРОДОВ**
117 Ю. Дунский, В. Фрид **ЛУЧШИЙ ИЗ НИХ**

Прощание с Марлен Дитрих

- 133 З. Шобер **АНГЕЛ ТВОРИТ ЭПОХУ**

Документальная проза

- 139 И. Вайсфельд **СОЛОВЕЙ НЕ ПОЕТ**

За кадром и в кадре

- 143 А. Инин.

Редакция приносит извинения читателям:
по техническим причинам рисунки В. Пескова,
объявленные на первой странице обложки,
в номер не вошли. Редакция предполагает напечатать их в
одном из следующих номеров.

Главный редактор Н. РЮРИКОВА

Редакционно-общественный совет:

В. АЗЕРНИКОВ, Э. АКОПОВ, И. ВАСИЛЬЕВА, А. ГРЕБНЕВ,
А. ИНИН, Е. КЛЕЙНЕР, А. КРИНИЦЫНА, А. МАМИЛОВ,
А. МЕДВЕДЕВ, В. МЕРЕЖКО, Н. РЯЗАНЦЕВА, А. ТИМОФЕЕВСКИЙ,
П. ФИНН, В. ФРИД, А. ЧЕРВИНСКИЙ, В. ЧЕРНЫХ, В. ШИЛОВА

Ответственный секретарь Л. МАРКОВА

Выпуск подготовили к печати:

Т. ПОКРОВСКАЯ, И. МОСКАЛЕВА, М. ШЕПТУНОВА,
М. СЕРГИЕНКО, И. ШОРСТКИНА, Н. БОЛЫЧЕВА

Обложку оформил художник А. ПОЛЯК

Рисунки Анастасии РЮРИКОВОЙ

Сдано в набор 06.04.92. Подписано в печать 29.06.92.
Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 15,6+0,32. Уч.-изд. л. 18,16.
Усл. кр.-отт. 16,24. Печать офсетная. Бумага типогр. «Сыктывкар».
Гарн. таймс. Заказ 439. Цена по подписке 2 руб. 00 коп. В розницу — 15 руб. 00 коп.
Акционерное общество «Киноцентр»
123376, Москва, Дружинниковская ул., 15. Тел. 205-30-01.
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12. Телефон 299-11-78

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

© «Киносценарии»

На последней странице обложки американская актриса Мэрил Стрип, которую режиссер Н. Михалков пригласил на роль в фильме «Сибирский цирюльник».

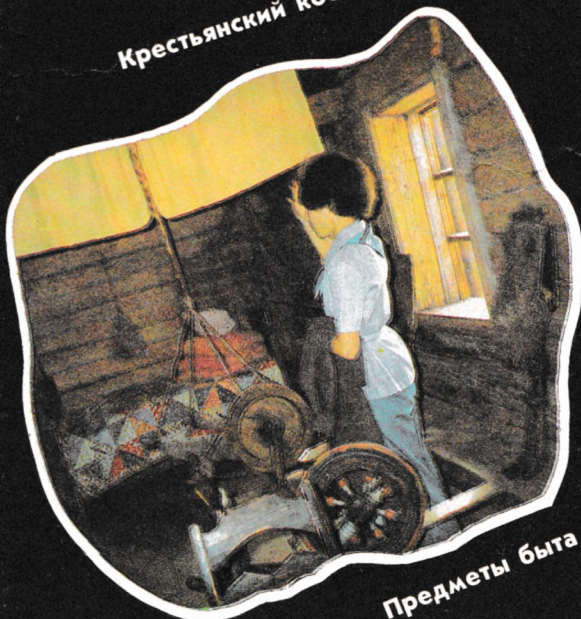
Жерты

Крестьянский костюм

Интерьер избы

Предметы быта

Убранство избы

189

MERYL STREEP

Wants More

киносценарии 3'92

